

РУССКИЙ ЯЗЫК

в школе

2018

Тематический номер журнала, посвященный Вологодскому краю и, в частности, вологодской словесности, выходит накануне двух знаменательных событий в истории просвещения на Вологодчине.

22–23 октября в Вологодской области проводится первый областной съезд учителей русского языка и литературы, где предполагается обсудить проблемы функционирования русского языка и роль литературы в современном обществе, состояние преподавания этих дисциплин в школе, перспективы улучшения подготовки учителей-словесников в вузе. Проблемы ФГОС, вопросы государственной итоговой аттестации, формирование читательской компетенции школьников, введение в школах единого речевого режима, изучение вологодской словесности на школьном уроке – это вопросы, которые будут обсуждаться на круглых столах в рамках съезда. Запланирована и практическая часть: в школах города Вологды состоятся мастер-классы, открытые уроки, на дискуссионных площадках учащиеся будут сравнивать нравственные ценности классической литературы и ценностные ориентации современного школьника.

23–25 октября в Вологде проводятся ежегодные Беловские чтения, которым предшествуют семинар молодых писателей, Малые Беловские чтения в школах. Проводится серия мероприятий, популяризирующих творчество выдающегося русского писателя В.И. Белова и его современников, традиции русской литературы и творческие искания новичков. Издается Беловский сборник.

Почему удастся осуществить так много? В Вологде работает областной совет по русскому языку, возглавляемый губернатором области О.А. Кувшинниковым. Объединены усилия не только университетов и школ, но и Вологодского научного центра РАН, библиотек, музеев.

Статьи тематического номера представляют опыт научной и методической работы, проводимой на филологических факультетах двух университетов: Вологодского и Череповецкого – и в школах Вологодской области. Из заявленных материалов редакция отобрала те статьи, которые будут интересны для многих наших читателей.

(Г.В. Судаков)

Научно-методический журнал

РУССКИЙ ЯЗЫК

в школе

Основан в августе 1914 года

Выходит 9 раз в год

Москва

Издатель – ООО «Наш язык»

7

июль
август

2018

16 +

СОДЕРЖАНИЕ

МЕТОДИКА И ОПЫТ

- Смутаковская Р.Л., Иванова Е.М.* Проектно-исследовательская деятельность учащихся по русскому языку (Из опыта работы) 3

В полиэтническом классе

- Штыкова Н.В., Мурашова О.В.* К вопросу об изучении русских падежей в полиэтническом классе 7

Совершенствуем профессиональную подготовку

- Соловьева С.А.* Бессоюзное предложение: проблемы изучения в школьной грамматике 12
- Дивеева А.А.* Опыт лингвистического анализа современных рэп-текстов 18

МЕТОДИЧЕСКАЯ ПОЧТА

- Белова А.П.* Речетворческий анализ поэтических текстов Варлама Шаламова на уроках русского языка 25
- Добрынина Н.Д., Лопатко О.В.* «Животворный русский язык» (Работа над словом-концептом «дом» на материале произведений А. Яшина) 31
- Яценко М.А.* О работе с лексемами *собор, храм* на уроках русского языка 37

ВНЕКЛАССНАЯ РАБОТА

- Фролова О.В.* Использование игр с карточками при изучении художественных тропов (На материале стихотворений Н.М. Рубцова) 40
- Зыкова М.Н.* «Поле чудес» по книге В.И. Белова «Лад» 45
- Волкова Н.А., Тихомирова Н.П.* Топонимика и краеведение (О работе топонимического кружка) 48

АНАЛИЗ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА

- Судаков Г.В.* Особенности языка художественной прозы В.И. Белова 54
- Головкина С.Х.* Повтор как средство художественной выразительности в поэзии Н. Рубцова 61

Загадки текста

- Панова Е.А.* Лингвопоэтический анализ стихотворения А. Дельвига «Пусть нам даны не навсегда...» 67

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ

<i>Грудева Е.В.</i> Способы лексикографического представления хронологически отмеченной лексики	72
---	----

Язык и культура

<i>Андреева Е.П.</i> Названия дорог в вологодских говорах: семантика, словообразовательные отношения	77
<i>Варникова Е.Н.</i> Зоонимы в русских народных сказках: вопросы интерпретации	83

ХРОНИКА

<i>Пименова М.В., Абрамова Е.А., Варюшенкова Е.Н., Фельдман Н.Б., Арискина О.Л.</i> Международная научная конференция «Языковые категории и единицы: синтагматический аспект»	90
<i>Янченко В.Д.</i> Международная научно-практическая конференция «Учитель для будущего: язык, культура, личность» (К 200-летию со дня рождения Ф.И. Буслаева)	91

Редакционная коллегия:

Главный редактор **Н.А. Николина**

Л.Г. Антонова, Б.Г. Бобылев, Н.С. Болотнова, Г.Н. Владимирская, Ю.Н. Гостева, А.Д. Дейкина, О.Е. Дроздова, Е.Л. Ерохина, А.В. Зеленин (Финляндская Республика), **Л.П. Крысин, В.В. Лопатин, О.В. Никитин, Б.Ю. Норман** (Республика Беларусь), **С.С. Оганесян, И. Палоши** (Венгерская Республика), **Т.М. Пахнова, В.М. Пахомов, М.Н. Приемышева, Б. Тошович** (Австрийская Республика), **С.Н. Цейтлин, М.Р. Шумарина**

Зам. главного редактора **А.Е. Куманьева**. Редактор **Е.А. Фролова**

Компьютерная верстка – **К.В. Морозов**

Свидетельство о регистрации средства массовой информации
ПИ № ФС 77–22548 от 30 ноября 2005 г.

Подписано в печать 29.06.2018. Формат 70x100¹/₁₆. Бумага офсетная.

Печ. л. 7. Тираж 780 экз.

Редакция журнала «Русский язык в школе». Адрес редакции: 109544, Москва, ул. Большая Андроньевская, д. 17. Телефон/факс 8(495)671–09–85

E-mail: admin@riash.ru <http://www.riash.ru/>

Отпечатано в АО «Первая Образцовая типография», филиале «Чеховский Печатный Двор»

Сайт: www.chpd.ru E-mail: sales@chpd.ru Тел. 8(499)270–73–59

© «Русский язык в школе». 2018

Проектно-исследовательская деятельность учащихся по русскому языку (Из опыта работы)

В статье рассматривается и обобщается опыт проектно-исследовательской деятельности учащихся по русскому языку, репрезентируются содержание и структура каждого этапа исследовательского проекта, определяется роль руководителя проекта в получении значимых и отрефлексированных исполнителем результатов проектно-исследовательской деятельности.

Ключевые слова: *проектный метод; проектно-исследовательская деятельность; исследовательский проект; практико-ориентированный результат; эксперимент; ассоциативный лингвистический эксперимент; лингвокультурная компетенция.*

Raisa L. Smulakovskaya, Elena M. Ivanova

Project and Research Activities of Students on the Russian Language (From Work Experience).

The article discusses and summarizes the experience of project and research activities of students in the Russian language, presents the content and structure of each stage of the research project, determines the role of the project manager in getting significant and reflected results of the project research activities.

Key words: *design method; design research activity; research project; practice-oriented result; experiment; associative linguistic experiment; linguocultural competence.*

Раиса Леонидовна Смулаковская, профессор кафедры отечественной филологии и прикладных коммуникаций

E-mail: raisasmul@yandex.ru

ФГБОУ ВО «Череповецкий государственный университет»

пр-т Луначарского, д. 5, Череповец, Вологодская обл., 162600, Россия

Cherepovets State University

5 Lunacharskii pr., Cherepovets, Vologda region, 162600, Russian Federation

Елена Михайловна Иванова, доцент кафедры связей с общественностью, журналистики и рекламы

E-mail: emiva@yandex.ru

ФГБОУ ВО «Череповецкий государственный университет»

пр-т Луначарского, д. 5, Череповец, Вологодская обл., 162600, Россия

Cherepovets State University

5 Lunacharskii pr., Cherepovets, Vologda region, 162600, Russian Federation

Ссылка для цитирования: Смулаковская Р.Л., Иванова Е.М. Проектно-исследовательская деятельность учащихся по русскому языку (Из опыта работы) // Русский язык в школе. – 2018. – № 7. – С. 3–6. DOI: 10.30515/0131-6141-2018-79-7-3-6.

Нацеленность современного учебно-го процесса на активность и самостоятельность учащихся в получении знаний, закреплённая основными положениями ФГОС, обусловила актуализацию проектных методик в обучении и, как следствие — использование проекта в качестве одного из основных форматов в учебной и научно-исследовательской деятельности школьников.

Предлагаемая статья является обобщением опыта по руководству проектно-исследовательской деятельностью учащихся МБОУ СОШ № 21 с углубленным изучением отдельных предметов г. Череповца в течение 2014–2018 гг.

Прежде чем перейти к основному содержанию статьи, сделаем некоторые замечания. Все цели и задачи проектно-исследовательской деятельности, поставленные ФГОС, хорошо известны, поэтому мы не останавливаемся на детальном их рассмотрении. Представляется важным подчеркнуть органичное единство исследовательской и проектной деятельности, вследствие чего целесообразно использовать термин «исследовательский

проект», предусмотренный образовательным стандартом и закреплённый в различных типологиях и классификациях проектов [Искрин 2004: 40; Полат 2000: 18]. Исследовательский характер проекта подразумевает, с нашей точки зрения, не только знакомство с литературой по теме работы и выдвижение некой гипотезы, но и а) настоятельную актуальность темы — ее созвучность актуальным направлениям в науке (в нашем случае — лингвистике); б) применение современных (в первую очередь, экспериментальных) методов получения материала, его обработки и анализа; в) практическую значимость результата, возможность использовать продукт проекта как учениками, так и учителями.

Приведем пример. В школе в течение 2014–2018 гг. реализуется направление под общим названием «Лингвокультурная компетенция учащихся». Речь идет о своеобразном мониторинге, который проводится учащимися и позволяет оценивать динамику в ликвидации лакун в их фоновых знаниях. Исполнители проектов, исходя из задач, под руководством учителей самостоятельно формировали анкеты для опроса, тестовые задания, в последнем случае тесты варьировались в зависимости от класса при сохранении тематики разделов.

Важно, чтобы юные исследователи представляли свое место в рамках действительно серьезной научно-практической проблемы, понимали, что их вклад заключается в новизне привнесенного материала, в соответствии методов его сбора и обработки требованиям современной науки, что представленный материал вливается в общий фонд научных знаний, может быть использован на уроках, в докладах, статьях, словарях. С этим связана не только актуальность, но и практическая ориентированность проекта. Все это должны донести до своих подопечных учителя на начальных этапах сотрудничества. Отнюдь не формальный характер носит и основной продукт проекта — небольшой сборник разнообразных тестовых заданий, отбор которых обусловлен итогами мониторинга. Остановимся подробнее на некоторых ключевых моментах работы над проектами.

Заметим, что важным этапом является выбор темы и ее формулировка. В этой связи обратимся к проекту четвероклассницы «Агнонимы в лексиконе учащихся 4-го класса». В процессе беседы с ученицей выяснилось, что в некоторых

книгах, прочитанных летом («Сын полка» В. Катаева, «Кортик» А. Рыбакова), ей встретились слова, значения которых она не знала совсем или знала приблизительно.

Таким образом, нужно было обозначить вопрос для исполнителя работы без использования термина *агноним*: знают ли значения этих слов ее одноклассники? Исполнительница проекта самостоятельно составила список из 20 незнакомых слов, встретившихся ей в названных произведениях и вошедших в анкету для опроса:

шуп, судок, френч, бельмо, азимут, дзот, наган, бич, ушат, капот, ложбина, овин, тужурка, рейд, португез, борона, лоханка, пенсне, косоворотка, филателист.

Было сформулировано задание для респондентов: «Определите значения слов с помощью описания, синонимов, словосочетаний». На первом этапе анкетирования слова предлагались вне контекста, изолированно.

Результат был ошеломляющим и для учителя, и для ученицы, и для консультанта проекта: 16 слов из 20 (80%) для опрашиваемых оказались абсолютными агнонимами. Чтобы корректно объяснить обнаруженное явление, нужно было ввести термин, его обозначающий. Знакомить с терминологией (особенно в начальной школе) необходимо в процессе совместного чтения специальной литературы учеником и учителем (иногда необходим и консультант, как в рассматриваемом проекте). Проанализированные фрагменты (предложенные учителем) из научных работ [Морковкин 1997] и [Черняк 2007] позволили определить агнонимы, выбрать критерии их классификации по степени агнонимичности, а главное — убедиться в актуальности темы, правильности выбора метода исследования, в его практической значимости. Именно на этом этапе была сформулирована тема исследовательского проекта, поставлена цель работы, структурированы задачи, определен вид продукта по итогам эксперимента — «Толковый словарь слов-агнонимов», составленный ученицей. Тогда же было решено провести второй этап эксперимента и предложить анкеты, где некоторые из слов будут употреблены в авторских контекстах.

Анализ и сопоставление результатов двух этапов анкетирования показали, что степень непонимания слов снижается очень незначительно. Выводы, к которым

пришла исполнительница проекта, свидетельствуют о серьезности результатов исследования.

Читатель-школьник должен знать, что одни слова нужно очень точно понимать (например, профессиональную лексику), другие можно понимать с той точностью, которая не искажает смысла текста (на уровне языковой догадки), третьи требуют обязательного обращения к словарям и комментариям.

Другая стратегия вхождения в тему была применена при выполнении исследовательского проекта «Отражение понятия “война” в сознании современного школьника (экспериментальное исследование)». Этот проект выполнял ученик VIII, затем IX класса в течение 2015–2016 гг. Тема и метод работы (ассоциативный эксперимент) предложены руководителем и заинтересованно приняты учеником. Уже на первых встречах сформулированы вопросы, которые, по сути, эксплицировали маршрут исследования, перспективы, последовательность его этапов, ориентировали на серьезную работу с литературой по психолингвистике и формировали умение использовать метаязык науки. Приведем некоторые из вопросов, ответить на которые нужно было в первый год эксперимента:

1. Что такое ассоциация?
2. Как проводится ассоциативный эксперимент (АЭ)?
3. Что является результатом АЭ?
4. По каким признакам анализируется ассоциативная пара (стимул – реакция)?
5. Что такое ассоциативное поле и как оно структурируется в ассоциативных словарях?

Это была «маршрутная карта» сотрудничества в поисках не результата, а нового знания, которое добывается в диалоге и с руководителем, и с прочитанными книгами. Важно, чтобы исследовательская ноша была интеллектуально посильной для ученика и рождала уверенность в успехе. Поначалу знакомство с литературой может быть ограничено тем минимумом, без которого невозможно осознанно провести эксперимент, т.е. обсуждением трех первых вопросов. Это подразумевало изучение рекомендованных фрагментов из таких работ, как: «Основы психолингвистики» И.Н. Горелова и К.Ф. Седова [Горелов, Седов 2001], «Психолингвистика» Р.М. Фрумкиной [Фрумкина 2003], «Эксперимент в психолингвистике» Е.В. Ягуновой [Ягунова 2005].

Количество участников первого эксперимента было ограничено 52 респондентами из двух VIII классов. Такое ограничение облегчает анализ полученного материала, позволяет сосредоточиться на методике количественной обработки и классификации. Опрос прошел осенью 2015 г. в соответствии с требованиями к проведению свободного ассоциативного эксперимента. Эксперимент проводился в письменной форме. Респондентам была предложена анонимная анкета из 25 слов-стимулов с инструкцией: «Вы получили лист со словами. Читайте слова в том порядке, в каком они напечатаны в списке, и отвечайте на них, не раздумывая, тем словом или словосочетанием, которые первыми придут вам в голову. Записывайте только одно слово, самое первое. Если вам не приходит сразу в голову слово-ответ, поставьте прочерк». Такая же анкета использовалась и на втором этапе эксперимента осенью 2016 г. в IX классах. На анкеты отвечали в течение 7 минут.

Следующий этап предполагал ответы на два последних вопроса, для чего необходимо было внимательно познакомиться с ассоциативными словарями (АС), с предисловиями и инструкциями к ним, дающими понимание того, как и зачем нужно скрупулезно провести количественный анализ полученного материала. Ученик должен понять, что словарная статья в любом АС организована как ассоциативное поле, а количественная обработка полученных результатов позволяет выделить на основе частотности реакций его ядро и периферию и таким образом структурировать ассоциативное поле. Приведем ассоциативное поле, построенное учеником по требованиям «Русского ассоциативного словаря» под редакцией Ю.Н. Караулова [Русский ассоциативный словарь 1994–1998], включающее результаты анкетирования учащихся не только VIII, но и IX классов (в общей сложности 100 человек):

ВОЙНА: мир (23), смерть (16), боль (6), глупость, и мир, кровь, страх, ужас (3), оружие, плох, потери, прогресс, разруха (2), армия, время, вынужденность, гнев, голод, делай, добро, жертвы, катастрофа, копье, мрак, победа, поле, преобразование, пушка, раздор, рота, солдат, США, танк, танки, 1945 г. (92, 35, 8, 22).

Цифры в скобках в конце словарной статьи обозначают общее количество реакций (92), различные реакции (35), отказы (8), единичные реакции (22). Эти показатели использовались для определения

стереотипности ассоциаций, которая рассчитывается по специальной формуле как отношение различных реакций на стимул к их общему количеству. Числовой показатель стереотипности определяет уровень владения ассоциативной нормой, т.е. ядром ассоциативного поля, и свидетельствует о мере взросления подростков. Изначально не было специальной задачи заниматься стереотипностью ассоциаций, эта проблема заинтересовала автора проекта в процессе выполнения работы, и он постарался разобраться в ней. А началось с простого вопроса о том, зачем нужны подсчеты в конце ассоциативного поля.

Хочется подчеркнуть, что задачи формулировались и усложнялись по ходу выполнения и описания эксперимента, по мере изучения и обсуждения литературы. Свободный, поступательный, обусловленный логикой исследования и интересом исполнителя подход объясняет весьма серьезные итоги проекта: 1) проведен сопоставительный анализ ассоциативных полей на стимул ВОЙНА в пяти ассоциативных словарях (в том числе в ассоциативном словаре английского языка) с ассоциативным полем собственного эксперимента как в структурном, так и содержательном плане; 2) анализ тематических реакций позволил выделить и структурировать для имен с событийной семантикой, к которым относится слово *война*, обязательные семантические компоненты: «Участники», «Атрибуты», «Время, длительность, фазы события», «Локализация», «Результат», «Оценка и эмоции»; 3) сделано обобщающее заключение: «Несмотря на существенные различия АП со стимулом ВОЙНА в разных ассоциативных словарях, ядро поля остается стабильным. Это значит, что есть общая основа в представлении о войне независимо от возраста, времени проведения эксперимента, страны, социального статуса. Общим является и то, что война в сознании людей имеет устойчивую отрицательную оценку».

Таким образом, мы попытались показать, что в основу школьных исследовательских проектов могут быть положены различные стратегии их реализации, но неизменной должна быть атмосфера доверия и сотрудничества между руководителем и учеником.

ЛИТЕРАТУРА

Горелов И.Н., Седов К.Ф. Основы психолингвистики: учебное пособие. — М., 2001.

Искрин С.А. Моделирование ситуаций общения в процессе обучения иностранному языку // *Иностранные языки в школе*. — 2004. — № 2. — С. 40–44.

Морковкин В.В., Морковкина А.В. Русские агнонимы (слова, которые мы не знаем). — М., 1997.

Полат Е.С., Бухаркина М.Ю., Моисеева М.В., Петрова А.Е. Новые педагогические и информационные технологии в системе образования. — М., 2004.

Полат Е.С. Метод проектов на уроках иностранного языка // *Иностранные языки в школе*. — 2000. — № 2. — С. 17–23.

Русский ассоциативный словарь. Ассоциативный тезаурус современного русского языка: в 3 ч., 6 кн. / Ю.Н. Караулов, Ю.А. Сорокин, Е.Ф. Тарасов, Н.В. Уфимцева, Г.А. Черкасова. Кн. 1, 3, 5. Прямой словарь: от стимула к реакции. Книга 2, 4, 6. Обратный словарь: от реакции к стимулу. — М., 1994, 1996, 1998.

Фрумкина Р.М. Психолингвистика. — М., 2003.

Черняк В.Д., Козырев В.А. Образовательная среда. Языковая ситуация. Речевая культура: Монография. — СПб., 2007.

Ягунова Е.В. Эксперимент в психолингвистике: конспекты лекций и методические рекомендации. — СПб., 2005.

REFERENCES

Gorelov I.N., Sedov K.F. *Osnovy psiholingvistiki*. Study guide, Moskva, 2001.

Iskrin S.A. Modelirovanie situatsii obshheniya v protsesse obucheniya inostrannomu yazyku, in *Inostrannyye yazyki v shkole*, No.2, 2004, pp. 40–44.

Morkovkin V.V., Morkovkina A.V. *Russkie agnonimy (slova, kotorye my ne znaem)*, Moskva, 1997.

Polat E.S., Buharkina M.Yu., Moiseeva M.V., Petrova A.E. *Novye pedagogicheskie i informatsionnye tehnologii v sisteme obrazovaniya*, Moskva, 2004.

Polat E.S. Metod proektov na urokah inostrannogo yazyka, in *Inostrannyye yazyki v shkole*, No. 2, 2000, pp. 17–23.

Russkii assotsiativnyi slovar'. Associativnyi tezauros sovremennogo russkogo yazyka. In 3 parts, 6 books. Books 1, 3, 5. Pryamoi slovar': ot stimula k reaktсии. Books 2, 4, 6. Obratnyi slovar': ot reaktсии k stimulu, Moskva, 1994, 1996, 1998.

Frumkina R.M. *Psiholingvistika*, Moskva, 2003.

Chernyak V.D., Kozyrev V.A. *Obrazovatel'naya sreda. Yazykovaya situatsiya. Rechevaya kul'tura*: Monograph, Sankt-Petersburg, 2007.

Yagunova E.V. *Ekspерiment v psiholingvistike: compendium of lectures and methodological recommendation*, Sankt-Petersburg, 2005.

DOI: 10.30515/0131-6141-2018-79-7-7-11

Н.В. ШТЫКОВА, О.В. МУРАШОВА

К вопросу об изучении русских падежей в полиэтническом классе

Цель статьи заключается в определении вектора взаимодействия методики преподавания русского языка как родного и русского языка как неродного. Анализируя конкретные принципы двух методик на материале изучения центральной темы грамматики – падежи в русском языке, авторы описывают дидактические приемы, которые помогли бы взаимному обогащению методического потенциала.

Ключевые слова: *русский язык как родной; русский язык как неродной; русский язык как иностранный; полиэтничный класс; инофон; падеж; смысловой вопрос.*

Nadezhda V. Shtykova, Olga V. Murashova

To the Problem of Teaching Russian Cases in a Polyethnic Group.

The aim of the article is to determine the direction methods used in teaching Russian as the first and the second language interaction. Authors describe didactic procedures which could help achieve mutual enrichment of methodical potential by analyzing the particular moments of two methods of teaching the main subject of grammar – the cases in the Russian language.

Key words: *the Russian language as native; the Russian language as foreign; a polyethnic group; a foreigner; a case; semantic problems.*

Усиление миграционных потоков из ближнего зарубежья обусловило появление в общеобразовательных школах России большого числа полиэтнических классов. Дети мигрантов, обучающиеся в них, как правило, не теряют родной язык (он остается языком семейного общения

и общения в диаспоре), но в условиях социализации в русскоязычной среде вынуждены изучать русский язык [Грудева и др. 2013: 12]. Следовательно, методика преподавания дисциплины «Русский язык» будет требовать поиска новых форм и приемов. Учитель русского языка в современной школе имеет классическое филологическое образование и в дидактическом плане владеет методикой обучения русскому языку как родному (то же можно сказать об учителе начальной школы). В условиях поликультурного коллектива обучающихся учителю просто необходимы знания методических приемов обучения русскому языку как неродному и умения совмещать приемы той и другой методики в пределах изучаемых тем. Цель данной статьи заключается в описании и анализе полиэтнического аспекта умений педагога, одновременно обучающего падежной системе русского языка носителей языка и инофонов.

Заметим, что изучение словоизменной категории падежа начинается в начальной школе, причем продуктивная работа над падежом проводится в III классе. Школьники знакомятся с шестью падежами; на изучение каждого падежа существенного отводится, как правило, один урок, изменение по падежам прилагательного изучается в течение двух уроков и базируется на осознании падежной зависимости от

Надежда Викторовна Штыкова, научно-педагогический работник

E-mail: nadya.shtykova@yandex.ru

Череповецкое высшее военное инженерное училище радиоэлектроники

Советский проспект, д. 126, Череповец, Вологодская область, 162622, Россия

Cherepovets Higher Military Engineering Institute of Radioelectronics

126 Sovetsky pr., Cherepovets, Vologda region, 162622, Russian Federation

Ольга Валентиновна Мурашова, научно-педагогический работник

E-mail: docentmurashova@mail.ru

Череповецкое высшее военное инженерное училище радиоэлектроники

Советский проспект, д. 126, Череповец, Вологодская область, 162622, Россия

Cherepovets Higher Military Engineering Institute of Radioelectronics

126 Sovetsky pr., Cherepovets, Vologda region, 162622, Russian Federation

Ссылка для цитирования: Штыкова Н.В., Мурашова О.В. К вопросу об изучении русских падежей в полиэтническом классе // Русский язык в школе. – 2018. – № 7. – С. 7–11. DOI: 10.30515/0131-6141-2018-79-7-7-11.

существительного. Учащиеся узнают названия падежей, знакомятся с падежными вопросами и предложениями, учатся распознавать падежи [Литневская, Багрянцева 2006: 315].

Усвоение традиционных падежных вопросов — это, пожалуй, главное условие, которое необходимо носителям русского языка как родного для формирования навыка определения (узнавания) падежа. Повышает эффективность подобного усвоения введение вспомогательных слов (например: для именительного падежа — *есть* кто? что?; для родительного падежа — *нет* кого? чего? и т.д.) и предлогов (например: родительный падеж — *без, у, от, до, с, из, около, возле, для;* творительный — *над, за, под, с, между, перед* и т.д.). Однако, если носители русского как родного уже имеют нужную для изучения падежей языковую компетенцию и учитель, можно сказать, «включает» их языковую рефлексию, заставляя осмыслить свои речевые действия (так, для русского школьника вполне очевидно, что от глагола *читать* вопрос к имени существительному будет — что?; от глагола *дружить* — с кем?; *позвонить* — кому? и под.), то воспитанные в другой культурной среде инофоны такой компетенцией не обладают и не осознают очевидности падежных вопросов [Штыкова 2014: 85].

Различие в подходе к изучению падежей носителями языка и инофонами в следующем: русские следуют от общего к частному, поэтому изучают все падежи сразу («таблицей падежей»), запоминая их названия и падежные вопросы, семантический потенциал падежа носителю языка изучать специально нет необходимости, он у него «в голове»; носители языка как неродного идут при изучении падежей от частного к общему — от конкретной формы к смыслу [Суханова 2017, Электронный ресурс], т.е. изучение падежей «строится по семантическому принципу посредством показа значений падежей и на синтаксической основе», в связи с чем усвоение значений и форм того или иного падежа сопровождается презентацией основных глаголов, которые управляют данной падежной формой [Холодкова 2016: 49].

При этом трудности, связанные с усвоением этой темы, у носителей языка и инофонов различны: носители языка, как правило, безошибочно образуют саму падежную форму, но допускают ошибки в определении падежа (в сочетании *построить город* — *город* определяют как

именительный падеж, *не было друга* — *друга* как винительный падеж и под.); те же, для кого русский не является родным, наоборот, определяют падежи, но при этом допускают такие ошибки в выборе окончания, которые никогда не сделает носитель языка (например, *купить конфета, знакомиться с подругу, встретить преподавателю* и под.).

В этом плане нивелировать трудности для инофонов и параллельно упростить определение и запоминание падежей для носителей языка поможет методика русского как иностранного. В частности, принятое в ней введение при изучении падежей словесных вопросов и опора на значение падежных форм. Так, знакомство с родительным падежом в учебнике для III класса под редакцией В.П. Канакиной, В.Г. Горещкого начинается с упражнения, в котором даны словосочетания типа *ветка* (чего?) *осины, ранец* (кого?) *брата, письмо* (от кого?) *от сестры, был* (без чего?) *без пальто, цветы* (для кого?) *для мамы, вышел* (из чего?) *из трамвая, доехал* (до чего?) *до реки* [Канакина, Горещкий 2013: 43]. Школьникам предлагается определить падеж по вопросам и назвать окончания и предлоги родительного падежа, т.е. проанализировать словосочетания и сделать вывод о формальных показателях родительного падежа. Для русских школьников такое задание не представляет трудности, поскольку план содержания данной падежной формы, равно как и остальных пяти, носителем языка усвоен интуитивно уже годам к трем. Но если учесть, что на уроке присутствуют дети-инофоны, то подобное задание, в котором, как мы видим, использованы формы родительного падежа сразу во всех основных значениях (принадлежности, отсутствия, адресации, направления движения), требует дополнительной серьезной доработки, о необходимости которой может знать только педагог, имеющий отнюдь не поверхностное представление о методике преподавания русского языка как неродного.

Безусловно, здесь можно использовать тот же поисковый метод введения нового материала, но подать «информацию для размышления» следует иначе. Во-первых, учителю надо организовать работу по формированию представления о значении падежа, активировав на этом этапе деятельность прежде всего инофонов. Можно начать со значения «направление движения», предложив для анализа словосочетания

типа *приехать из Москвы, выйти из здания, выбежать со стадиона, вернуться с тренировки*, и подвести учеников к тому, что таким способом мы выражаем ответ на вопрос от куда? и для этого нам необходим родительный падеж. Далее проанализировать окончания и предлоги, подчеркнув, что окончания всегда будут одинаковые, а предлоги в этом падеже могут быть и другие, но уже для выражения иных значений. Для закрепления нужно использовать мини-диалоги, причем учитель может дать «стимул» — показать карточку со словом-существительным, а обучающиеся построить с ним диалог («стимул» — *улица*, диалог: *Откуда пришел Антон? — С улицы.*). Хорошо, если инофон и русскоязычный обучающийся будут работать в паре, такие диалоги должны быть просты и динамичны, представлять живую русскую речь. Условно-речевые упражнения такого рода на уроке необходимы инофону для того, чтобы: а) ощутить себя в ситуации реального общения с русскоязычным человеком; б) понять, что каждое окончание именной формы в русском языке связано с коммуникативной установкой говорящего (указывает на направление движения и др.).

Далее следует подобная работа с другими значениями и, соответственно, предлогами: *без* — для выражения отсутствия (*был без шапки/пальто*), *у* — принадлежности/местонахождения (*у друга есть... / сидел у друга*), *для* — адресации (*цветы для мамы*) и т.д. Необходимо обратить внимание на выражение значения принадлежности (чей?) в беспредложном образовании типа *сестра друга, дом бабушки*.

Сводная таблица вопросов и предлогов родительного падежа в полиэтническом классе должна быть обязательно дополнена вопросами от куда?, чей? и вопросами с предлогами у кого?, для кого? и т.д., поскольку вопросы именно в таком виде разрешают проблему смысла падежа для инофонов, а русскоязычным помогают определить и узнать падежную форму, так как русскоязычные школьники не должны упускать предлог, задавая падежный вопрос к слову: *вернется* (после чего?) *после обеда* и т.д.

В средних классах при изучении склонения числительного необходима дополнительная работа, связанная со значением выражения количества формами родительного падежа. И здесь учитель может использовать приемы методики преподавания

русского языка как иностранного, чтобы объяснить, почему в русском языке употребляют выражения типа *один год, двадцать два (три, четыре) года, но тридцать пять лет; двадцать один рубль, тридцать три рубля, но сорок рублей* и под. Причем от учителя не требуются сложные теоретические комментарии: педагог просто направляет мыслительные усилия обучаемых на определение падежей существительных в количественных сочетаниях, помогает сделать вывод об именном управлении: все числительные, заканчивающиеся на «один», управляют именительным падежом единственного числа; заканчивающиеся на «два», «три», «четыре» — родительным падежом единственного числа; остальные числительные управляют родительным падежом множественного числа. Инофон после такой работы поймет, почему русскоговорящие меняют существительные в этих сочетаниях, а русскоязычные школьники расширят свой лингвистический кругозор и в то же время убедятся, насколько многие явления объяснимы в русской грамматике. Опыт показывает, что русскоязычным обучающимся очень нравится открывать явления, над которыми раньше они никогда не задумывались.

Продолжая осмысление методических знаний, которые могут помочь в работе с поликультурным классом, следует заметить, что при изучении винительного падежа учителю необходимо использовать функционально-семантический потенциал вопроса куда?, ответ на который всегда предполагает образование и использование форм с помощью предлогов *в/на*, чью семантику также необходимо «высветить» на уроке. Можно воспользоваться таблицами употребления этих предлогов, хорошо знакомыми преподавателям русского языка как иностранного; здесь же необходимо пояснить, что эти предлоги антонимичны предлогам *из/с*, оформляющим родительный падеж. И вновь подобная работа хороша не только для инофонов, но и для школьников — носителей русского языка, поскольку помогает понять конкретные явления. Например, если в русском языке есть выражение *поехать в Выборг* (с формой винительного падежа), то единственно возможным с точки зрения грамматической нормы будет антонимичное *из Выборга*, а не *с Выборга* (с формой родительного падежа). Логично вводить в полиэтническом классе понятие «винительный

направления», используя глаголы движения, а затем винительный падеж для выражения прямого объекта, конечно, через вопросы кого? что? со всеми необходимыми пояснениями по поводу одушевленности/неодушевленности и глаголами, которые управляют винительным падежом.

В средних и старших классах, продолжая работу над падежами, необходимо выполнять задания на разграничение омонимичных форм именительного и винительного падежа неодушевленных существительных (*ресторан имелся у его отца / отец его имел ресторан*), родительного и винительного падежа одушевленных существительных (*похож на отца / был у отца / рубашка отца*). Неверное определение падежей в подобных примерах русскоязычными школьниками (и студентами) — одна из самых частотных ошибок [Новикова 2016: 76], но знание о значениях падежей, которое в условиях полиэтнического класса необходимо, и включение в вопрос предлога, сигнализирующего о винительном или родительном падеже, поможет избежать этих ошибок.

Нельзя оставить без внимания и смысловой вопрос где?, который в сочетании с уже известными по винительному падежу предлогами *в/на* всегда репрезентирует предложный падеж (*жить в Вологде, работать на заводе*), а в сочетании с предлогом *по* — дательный (*гулять по Вологде*). Поэтому в начальной школе необходимо дополнить перечень вопросов предложного и дательного падежей смысловым вопросом где? Введением этого вопроса для выражения значения места следует начинать знакомство с предложным падежом: именно это значение коммуникативно значимо для инофонов. Затем вводятся значения «объект мысли, речи» с вопросом о ком? (о чем?). Учителю следует акцентировать внимание учеников на том, что предлоги *в/на* в предложном падеже употребляются аналогично предлогам *в/на* в уже известном винительном падеже: *в магазин / в магазине, на стадион / на стадионе, на вокзал / на вокзале, на окраину / на окраине* и т.д., — и использовать упражнения на закрепление. Как показывает опыт работы, это снимает трудности у инофонов при употреблении предлогов в речи и вызывает неподдельный интерес и искреннее удивление у русскоязычных обучающихся

(вспомним, что формирование интереса к изучаемому предмету — одна из вечных целей учебного процесса).

Дательный и творительный падежи обладают меньшей по сравнению с описанными выше падежами коммуникативностью. При этом в отношении дательного падежа целесообразны его значения для выражения возраста (*кому сколько лет?*), адресата (*что — кому дать, подарить, купить, сказать* и под.), направления движения (*к кому?*); в отношении творительного — для выражения инструмента действия (*писать, работать, рисовать* чем?), совместности (*кто с кем, что с чем*), объекта действия (*интересоваться, заниматься* чем?).

Безусловно, знакомство со всеми падежными формами — это и изучение собственно падежных окончаний. В этом плане для инофонов нужно составлять таблицы, рисовать схемы, репрезентирующие окончания существительного (а затем и других частей речи) в разных падежах; к таким справочным материалам, как показывает опыт, в дальнейшем активно обращаются и русскоязычные школьники, чтобы актуализировать формальные показатели падежной формы.

Итак, работая в полиэтническом классе, учитель должен осознавать, что, с одной стороны, ему всегда необходимо помнить о тех, для кого русский язык неродной, и в связи с этим ориентироваться на методику преподавания русского языка как неродного и русского как иностранного. С другой стороны, специальных учебников, пособий для таких классов нет, и вряд ли таковые появятся в скором времени, поэтому, выявив дидактические аспекты методики преподавания русского языка как неродного, которые могут помочь в освоении курса русского языка, учитель будет регулярно сталкиваться с необходимостью самому разрабатывать и составлять задания.

Кроме того, какие бы дифференцированные методические приемы с учетом состава аудитории ни применял учитель, ему необходимо учитывать, что на данный момент «программа “Русский язык как родной” в современной полиэтнической школе предъявляет одинаковые требования ко всем учащимся», а «итоговый контроль языковых и речевых знаний и умений школьников-мигрантов осуществляется наравне

с русскоязычными учащимися и в соответствии с российским образовательным стандартом (в формате ОГЭ и ЕГЭ)» [Столбова 2014: 97]. Следовательно, дидактические приемы, о которых шла речь в этой статье, носят характер вспомогательный при обучении русскому языку в полиэтническом классе, но при этом чрезвычайно важный для обеих категорий обучаемых.

ЛИТЕРАТУРА

Грудева Е.В., Иванова Е.М., Бучилова И.А. [и др.] Обучение русскому языку детей-мигрантов младшего школьного возраста в условиях консультационного центра: постановка проблемы // В мире науки и искусства: вопросы филологии, искусствоведения и культурологии: сб. ст. по матер. XXVIII Междунар. науч.-практ. конф. — № 9 (28). — Новосибирск, 2013. — С. 12–20.

Канакина В.П., Горецкий В.Г. Русский язык. 3 класс: учебник для общеобразоват. учреждений с прил. на электр. носителе: в 2 ч. — М., 2013. — Ч. 2.

Литневская Е.И., Багрянцева В.А. Методика преподавания русского языка в средней школе. — М., 2006.

Новикова И.Н. О проблемах изучения русской морфологии — категории падежа // Начальная школа. — 2016. — № 5. — С. 76–79.

Столбова Я.Е. Проблемы преподавания русского языка в классах полиэтнического состава // Ярославский педагогический вестник. — 2014. — № 1. — Том II (Психолого-педагогические науки). — С. 94–97.

Суханова Е.А. Технологии и методические приемы обучения русскому языку в полиэтнических классах (из опыта работы) [Электронный ресурс]. — URL: https://yrok.pf/library/«tehnologii_i_metodicheskie_priemi_obucheniya_russkom_163757.html (дата обращения: 15.04.2018).

Холодкова М.В. Особенности изучения русской падежной системы в иностранной аудитории // Профессиональная коммуникация: актуальные проблемы преподавания и исследования: коллективная монография. — Тамбов, 2016. — С. 48–52.

Штыкова Н.В. Русский язык как иностранный: к вопросу об изучении грамматики на начальном этапе (морфологический материал) // Вестник Череповецкого государственного университета. — 2014. — № 5. — С. 84–88.

REFERENCES

Grudeva E.V., Ivanova E.M., Buchilova I.A. Obuchenie russkomu yazyku detei-migrantov mladshogo shkol'nogo vozrasta v usloviyah konsul'tatsionnogo tsentra: postanovka problem, in *V mire nauki i iskusstva: voprosy filologii, iskusstvovedeniya i kul'turologii: articles collection, proceedings of the 28th International Research and Practice Conf.*, No. 9 (28), 2013, Novosibirsk, pp. 12–20.

Kanakina V.P., Goretskii V.G. Russkii yazyk. 3 form. Textbook for general education institutions with supplemented by electronic device. In 2 p. P.2., Moskva, 2013.

Litnevskaya E.I., Bagryantseva V.A. Metodika prepodavaniya russkogo yazyka v srednei shkole, Moskva, 2006.

Novikova I.N. O problemah izucheniya russkoi morfologii — kategorii padezha, in *Nachal'naya shkola*, No.5, 2016, pp. 76–79.

Stolbova Ya.E. Problemy prepodavaniya russkogo yazyka v klassah polietnicheskogo sostava, in *Yaroslavskii pedagogicheskii vestnik*, No.1, 2014, vol. II (Psihologo-pedagogicheskie nauki), pp. 94–97.

Suhanova E.A. Tehnologii i metodicheskie priemy obucheniya russkomu yazyku v polietnicheskikh klassakh (iz opyta raboty). Available at: https://urok.rf/library/«tehnologii_i_metodicheskie_priemi_obucheniya_russkom_163757.html (15.04.2018).

Holodkova M.V. Osobennosti izucheniya russkoi padezhnoi sistemy v inostrannoi auditorii, in *Professional'naya kommunikatsiya: aktual'nye problemy prepodavaniya i issledovaniya: multi-authored monograph*, Tambov, 2016, pp. 48–52.

Shtykova N.V. Russkii yazyk kak inostrannyi: k voprosu ob izuchenii grammatiki na nachal'nom etape (morfologicheskii material), in *Vestnik Cherepovetskogo gosudarstvennogo universiteta*, No.5, 2014, pp. 84–88.

Бессоюзное предложение: проблемы изучения в школьной грамматике

В статье рассматриваются проблемы изучения бессоюзного сложного предложения в школьном курсе синтаксиса русского языка, которое ориентировано в основном на усвоение правил постановки тех или иных знаков препинания. Такой подход к бессоюзному не оправдан, так как лишает учащихся возможности разобраться в формально-грамматической структуре этих конструкций, богатстве их смысловых отношений. Цель статьи – показать, что особенности семантики бессоюзного сложного предложения определяются комплексом лексико-грамматических средств. Методический принцип комплексного подхода к анализу структурно-семантической организации бессоюзного сложного предложения, его интонационному и пунктуационному оформлению является наиболее эффективным и должен применяться в школьной практике.

Ключевые слова: *бессоюзное сложное предложение; методика комплексного анализа; структурно-семантический подход; синтаксис; синтаксическая синонимия.*

Svetlana A. Solovjeva

Asyndetic Complex Sentences: Problems of Studying in School Grammar.

The problems of asyndetic complex sentences studying at school are considered in the article. At school it is oriented on learning of the punctuation rules. This approach isn't appropriated as it limits students to know structural-semantic structure and varieties of semantic relations. Article purpose is to show that features of semantics of asyndetic complex sentences are defined by a complex of lexical and grammatical means. An integrated approach to the analysis of structure and semantics is most effective in school practice of teaching.

Key word: *asyndetic complex sentence; technique of the complex analysis; structural-semantic approach.*

Актуальность проблемы изучения в школьной грамматике бессоюзного сложного предложения (БСП) в настоящее время очевидна. Грамматический статус его окончательно не определен, а анализ грамматических категорий часто неясен и противоречив. Даже в том случае, если бессоюзному сложному предложению не отказано в статусе самостоятельной синтаксической единицы, одни и те же бессоюзные конструкции квалифицируются по-разному [Белошапкова

1997: 546–551; Крючков, Максимов 1977: 228; Ширяев 1986: 220–226; Ильенко 2003: 319].

В современной синтаксической науке выделяется несколько точек зрения на грамматическую сущность бессоюзного сложного предложения. Так, по мнению А.М. Пешковского, А.А. Потемни, А.Н. Гвоздева, синтаксическое значение формы бессоюзного сложного предложения то же, что и в союзном типе [Ильенко 2003: 319]. Интонация в БСП может принимать на себя те функции, которые в союзном типе выполняют союзы [Московкина 1981: 470–472]. Таким образом, все БСП подводились либо под сложносочиненные, либо под сложноподчиненные предложения путем подстановки подходящего союза. Согласно этой концепции, БСП отличаются от союзных только средством связи, но не значением. При этом далеко не все БСП можно однозначно отнести к тому или иному типу союзных сложных предложений, а иные и вообще невозможно.

Последователи Н.С. Поспелова (В.А. Белошапкова, С.Е. Крючков, Л.Ю. Максимов, Е.Н. Ширяев и др.) рассматривают бессоюзное сложное предложение как особую

Светлана Александровна Соловьева, кандидат филологических наук, доцент кафедры связей с общественностью, журналистики и рекламы

E-mail: ssa_doc@mail.ru

ФГБОУ ВО «Череповецкий государственный университет»

*пр-т Луначарского, д. 5, Череповец, Вологодская обл., 162600, Россия
Cherepovets State University
5 Lunacharskii pr., Cherepovets, Vologda region, 162600, Russian Federation*

Ссылка для цитирования: Соловьева С.А. Бессоюзное предложение: проблемы изучения в школьной грамматике // Русский язык в школе. – 2018. – № 7. – С. 12–17. DOI: 10.30515/0131-6141-2018-79-7-12-17.

синтаксическую форму, отличную от синтаксической формы союзного типа, не имеющую тесных системных связей с союзным сложным предложением [Белошапкова 1997: 546–551; Крючков, Максимов 1977: 228; Ширяев 1986: 220–226]. Грамматические особенности БСП заключаются в формально-смысловом единстве при первичности структурного признака. Основываясь на логико-семантических основаниях, Н.С. Поспелов разделяет бессоюзные сложные предложения на конструкции однородного и неоднородного состава. В дальнейшем предложенная классификация уточнялась на основании формально-грамматических и смысловых отношений, возникающих между частями БСП [Белошапкова 1997: 546–551; Ширяев 1986: 220–226].

Третье направление объединяет исследования ученых, по мнению которых бессоюзное сложное предложение – это единица, не имеющая своей синтаксической формы, текст из двух и более предложений, сходный, сопоставимый по некоторым своим характеристикам с союзным сложным предложением [Кручинина 1973: 111–119].

С.Г. Ильенко предложила термин «сложносопряженное предложение» для определения подобных синтаксических конструкций. Термин отражает специфику линейной грамматики и раскрывает сущность детерминированной связи, представленной соположением предикативных единиц, сопряженных интонационно [Ильенко 2003: 319].

Наиболее оптимальной является, на наш взгляд, концепция бессоюзного сложного предложения, выдвинутая Н.С. Поспеловым. С опорой на данную концепцию мы исходим из понимания грамматической сущности бессоюзного сложного предложения, согласно которому бессоюзное сложное предложение имеет статус сложного предложения и представляет собой коммуникативную единицу синтаксического уровня языка. Системы союзного и бессоюзного сложных предложений не изолированы друг от друга в русском языке.

Отсутствие в современной лингвистике единого понимания бессоюзия во многом определяет особенности объекта исследования и его рассмотрения в школьной грамматике.

В учебном пособии Л.А. Тростенцовой, Т.А. Ладыженской, А.Д. Дейкиной, О.М. Александровой БСП рассматривается как сложное предложение, в котором

простые объединены по смыслу и интонационно (без помощи союзов и союзных слов). Авторы отмечают, что смысловые отношения в них выражены не явно и должны извлекаться адресатом речи «из содержания частей с опорой на общие знания говорящего и слушающего». Этот момент является очень важным в характеристике БСП. Контекст и ситуация важны в формировании семантики предложения. Однако это утверждение, к сожалению, не находит последовательной реализации и сводится к воссозданию возможных контекстных ситуаций только в одном упражнении темы (упр. 189). Дальнейшая работа, связанная с выявлением факторов, влияющих на семантику БСП, ограничивается лишь графическим выделением главных членов предложения в предикативных частях. Это явно недостаточно, так как не формирует в сознании учащегося представления о системных отношениях в русской грамматике. При характеристике грамматической основы предложения школьник должен обращать внимание на способ выражения главного члена, структурные особенности предикативной части, модальность и т.д.

Утверждение, что средством выражения смысловых отношений между частями являются интонация и знаки препинания, только усиливает противоречие. Опираясь на концепцию А.М. Пешковского, авторы предлагают учащимся подробную характеристику интонационного рисунка в предложениях различного типа и на их основе выстраивают семантическую классификацию БСП. Система пунктуационных правил рассматривается в традиционном формате: с возможной вставкой в структуру БСП того или иного союза. Однако возможность введения сочинительного или подчинительного союза в соотношении с другими типами сложных предложений не комментируется. Таким образом, дидактический прием не находит реального обоснования в сознании школьника и не формирует системных представлений о типах синтаксических единиц [Тростенцова, Ладыженская и др. 2014: 123–139].

В учебном пособии М.М. Разумовской, С.И. Львовой, В.И. Капинос БСП рассматривается как предложение, части которого соединены по смыслу и интонационно. В качестве другого признака выделяется отсутствие однозначности в смысловых отношениях между частями БСП по сравнению

с союзными сложными предложениями. Одним из критериев семантической несенности предложения авторы выделяют прагматическую установку говорящего: «Если говорящий хочет сообщить о последовательности событий, то предложение произносится спокойно, с интонацией перечисления; на письме части предложения разделяются запятой». Действительно, прагматическая установка высказывания имеет непосредственное отношение к его интонационному рисунку, однако интонация способна выражать те или иные смысловые отношения только в комплексе с другими средствами связи.

Авторы делают вывод о том, что интонация и пунктуация определяются значением бессоюзного предложения (перечисления, причины, пояснения, дополнения, противопоставления, времени, условия, следствия), соотнося эти значения с соответствующими знаками препинания. Однако в дальнейшем анализ сводится преимущественно к характеристике интонации и пунктуации бессоюзного предложения без учета других средств связи.

Предлагая общую характеристику БСП, авторы справедливо указывают на возможность совмещения разных значений в одном предложении, при этом используя в пояснении неравнозначные понятия: значение и вид отношений [Разумовская, Львова, Капинос 2017: 189]. Интерес представляет материал упражнений, позволяющий компенсировать некоторые теоретические сложности (упр. 272, 277, 280).

В учебнике С.Г. Бархударова, С.Е. Крюкова, Л.Ю. Максимова, Л.А. Чешко БСП рассматривается как самостоятельный подтип сложного предложения. Семантические особенности БСП трактуются как менее определенные, чем в сложном предложении с союзной связью. Отмечается, что смысловые отношения зависят от содержания предложений, интонации и выражаются на письме пунктуационными знаками. Однако это важное замечание авторов не актуализируется ни в одном упражнении [Бархударов, Крюков, Максимов, Чешко 2001: 58–65].

Важно, что авторы активно используют понятие синонимических отношений семантических типов СПП, ССП и БСП. В заданиях к упражнениям обращают внимание учащихся на интонационные особенности бессоюзных предложений, возможности их структурной трансформации

в СПП и ССП, пунктуацию. Синонимия, сходство и взаимозаменяемость сложных синтаксических конструкций усиливают системные связи в представлении о синтаксисе, что определяет возможности сближения и противопоставления сложных предложений различных типов в сознании учащихся.

В учебнике В.В. Бабайцевой, Л.Д. Чесноковой БСП рассматривается как сложное предложение, в котором менее четко выражены смысловые отношения между предложениями. При этом содержится важное пояснение по поводу того, что именно смысл влияет на интонационный и пунктуационный рисунок предложения. На уровне примеров, подтверждающих теоретические положения, предпринимается попытка обратить внимание учащихся на лексические и грамматические показатели связи. Обозначенные признаки в свернутом табличном варианте демонстрируют эти положения [Бабайцева, Чеснокова 2008: 285–287].

Авторы учебника «Русский язык. 9 класс» Л.М. Рыбченкова, О.М. Александрова определяют цель изучения БСП как развитие у учащихся умений определять смысловые отношения между частями сложных бессоюзных предложений разных видов (со значением перечисления; причины, пояснения, дополнения; времени, условия, следствия, сравнения; противопоставления и неожиданного присоединения, быстрой смены событий) и выражать их с помощью интонации; моделировать и употреблять в речи сложные бессоюзные предложения с разными смысловыми отношениями между частями; определять синтаксические синонимы сложных бессоюзных предложений [Рыбченкова, Александрова 2017: 276–288].

Н.Г. Гольцова, И.В. Шамшин, М.А. Мишерина в учебном пособии для X–XI классов рассматривают вопросы БСП лишь с точки зрения условий постановки знаков препинания. Авторы предлагают достаточное количество примеров, однако представленная в комментариях попытка интерпретации характера смысловых отношений дается без опоры на систему конкретных языковых средств, хотя в примечаниях к предлагаемой схеме синтаксического разбора БСП содержится указание на порядок следования частей и соотношение видовременных форм глаголов-сказуемых [Гольцова, Шамшин, Мишерина 2014: 138–139].

В учебнике В.В. Бабайцевой «Русский язык. 10–11 классы» вопросы БСП также рассматриваются лишь с позиции условий постановки знаков препинания. В качестве основного критерия выделяется характер интонации [Бабайцева 2013: 285–287].

Овладение бессоюзными сложными предложениями развивает у учащихся способность к логическому мышлению, формирует умения аргументировать и обобщать, эмоционально и лаконично передавать свои мысли и чувства. Поэтому методика обучения должна быть направлена на выявление всех разнородных средств, участвующих в формировании синтаксической связи и выражении семантики БСП. Основным критерием в определении грамматического значения БСП в школьной грамматике остается интонация. Однако интонационные признаки могут быть недостаточно дифференцированными. Кроме того, интонация не является грамматическим средством связи без опоры на структурные показатели [Кручинина 1973: 115]. Она важна лишь в ситуации конкретного употребления предложения в условиях определенного контекста или ситуации. Нечетко выраженные синтаксические отношения позволяют определить синтаксическая синонимия в соотношении с союзными сложными предложениями. Однако далеко не все типы БСП имеют синонимы.

Анализ учебных пособий показывает, что школьная грамматика часто подменяет изучение БСП работой над правилами постановки в нем тех или иных знаков препинания. Насколько оправдан такой подход в обучении бессоюзным конструкциям? Интонация только в комплексе с другими средствами связи способна выражать те или иные смысловые отношения. Эти дополнительные средства связи учащиеся должны знать и определять в структуре предложения, так как они способствуют более точному определению семантики БСП, тем более что при изучении других типов сложного предложения – сложносоподчиненных и сложноподчиненных – школьники с ними знакомятся. Рассмотрим некоторые из них.

1. Формы времени, вида и наклонения глаголов-сказуемых. Для обозначения временной или пространственной связи между явлениями обычно употребляются однотипные глагольные формы, например:

На дворе *бушевала* вьюга, воздух *дымился* снегом.*

Глаголы-сказуемые предикативных частей, употребленные в форме несовершенного вида, указывают на одновременность действий (явлений). В результате части уравниваются в пространственно-временном плане, формируется перечислительная интонация. При передаче последовательных действий используются глаголы-сказуемые совершенного вида, однако при этом характер интонационного рисунка не меняется. Усиливает характер перечислительной интонации контекст.

Косцам у речного протока / Заглядываться недосуг. / Косьба *разохотила* Блока, / *Схватил* косовище барчук. / Ежа чуть *не ранил* с наскоку, / Косой *полоснул* двух гадюк.

2. Общий член предложения (детерминант). Детерминант делает более тесными отношения между предикативными частями, формируя пространственно-временное единство текста. Например:

Внутри их *теплась* святочная жизнь Москвы, *горели* елки, *толпились* гости.

Инициальная позиция детерминанта создает общее пространство повествования, усиливая синтаксическую связь между предикативными частями и, как следствие, перечислительную интонацию.

3. Параллелизм строения. Ср.:

На дворе *смеркалось*, в комнатах было темно.

Части БСП имеют одинаковую структуру безличного предложения и формируют семантику состояния, что усиливает их смысловое равноправие и делает возможным перестановку частей.

4. Лексические повторы. Ср.:

Опять повалят с неба вятки, / *Опять* укроет к утру вихрь / Осин подследственных десятки / Сукном сугробов снеговых.

Лексический повтор, параллелизм синтаксических конструкций не только создают особый ритмический рисунок, но и, усиливая равноправие частей, формируют открытую синтаксическую структуру БСП. Ср.:

Это кружится октябрь, / Это жуть / Подобралась на когтях / К этажу.

* Все примеры взяты из произведений Б. Пастернака.

5. Анафорические местоимения. Чаше это указательные местоимения во второй части предложения, отсылающие читателя (слушающего) к первой части. Ср.:

Над лужайками слуховой галлюцинацией висел призрак маминого голоса, *он* звучал Юре в мелодических оборотах птиц и жужжании пчел. Юра вздрагивал, *ему* то и дело мерещилось, будто мать аукается с ним и куда-то его подзывает.

Грамматические формы глаголов-сказуемых (прошедшее время, несовершенный вид) создают единый временной план, а анафорическое местоимение во второй части реализует дейктическую функцию и усиливает степень связи предикативных частей.

В случае использования анафорического местоимения *так* меняется характер смысловых отношений между частями БСП. Например:

Развал армии, понявшей свое поражение, еще не революция — *так* по крайней мере вы передали.

Так вмещает семантику первой части, устанавливает более тесную смысловую зависимость между частями предложения, лишает их самостоятельности, делает невозможной перестановку частей и формирует особый интонационный рисунок с более продолжительной паузой между частями.

6. Неполнота одной из предикативных частей. Ср.:

Не видно ни зги, но затем в отдаленье / Движение: лакей со свечой в колпаке.

Семантика второй и третьей предикативных частей восполняется за счет первой части. Наличие лексемы *не видно* и противительного союза *но* создает условия для формирования пояснительных отношений между второй и третьей частью.

7. Порядок расположения частей. Ср.:

Светало: означились кедров стволы.

Характер смысловых отношений, возникающих между частями, допускает только определенный порядок следования частей. Его изменение вызывает трансформацию смысловых отношений. В первом предложении оказывается важен структурный характер предложения — безличное, что задает семантику состояния, охватывающую все высказывание, определяет место героя в создаваемом пространстве.

Соотношение видов глагольных форм отражает последовательность происходящего. Данное предложение допускает только единственный порядок следования частей, этого требуют определенные компоненты, а также причинные смысловые отношения.

8. Типизированные лексические элементы. Например:

Скоро лай вдаль возобновился, но роли в пространстве не *переменялись*: *теперь* с явным поводом лаяли ближние, а дальние только подзывали.

Наличие лексических средств связи *не переменялись*: *теперь* делает конструкцию необратимой, так как каждая из частей имеет свой временной пласт.

Не апрель — играли бы зарницы.

Лексемы *апрель*, *зарницы* вместе с частицами *не*, *бы* формируют семантику условных отношений между частями БСП.

К сожалению, объем статьи не позволяет представить все разнообразие дополнительных средств связи, используемых в БСП. Тем не менее их роль в определении структуры и семантики предложений этого типа несомненна. Совершенно очевидно, что необходимость их выявления должна быть отражена и в схеме синтаксического разбора БСП, которой пользуются учащиеся на уроках русского языка. Кроме того, внимание к дополнительным средствам связи в БСП оказывается крайне важным при освоении русского языка как неродного. Оно позволяет не только показать все семантическое разнообразие бессоюзных предложений, но и определить их место в системе русского синтаксиса.

Таким образом, методический принцип комплексного подхода к синтаксическому анализу бессоюзного сложного предложения и его интонационному и пунктуационному оформлению является наиболее эффективным в изучении БСП.

ЛИТЕРАТУРА

Белошапкина В.А. Сложное предложение в современном русском языке. — М., 1997.

Ильенко С.Г. Русистика. Избранные труды. — СПб., 2003.

Крючков С.Е., Максимов Л.Ю. Современный русский язык. Синтаксис сложного предложения. — М., 1977.

Московкина Р.А. Изучение сложного предложения в школе. — М., 1981.

Поспелов Н.С. О грамматической природе и принципах классификации бессоюзных сложных предложений // Вопросы синтаксиса современного русского языка / под ред. В.В. Виноградова. — М., 1950. — С. 338–355.

Кручинина И.Н. Некоторые тенденции развития современной теории сложного предложения // Вопросы языкознания. — 1973. — № 2. — С. 111–119.

Русский язык. 10–11 классы / В.В. Бабайцева. — М., 2013.

Русский язык. Теория / Бабайцева В.В., Чеснокова Л.Д. — М., 2008.

Русский язык: учебник для 9 класса / Бархударов С.Г., Крючков С.Е., Максимов Л.Ю., Чешко Л.А. — М., 2001.

Русский язык: учебник для 9 класса / Тростенцова Л.А., Ладыженская Т.А., Дейкина А.Д., Александрова О.М. — М., 2014.

Русский язык: учебник для 9 класса / Разумовская М.М., Львова С.И., Капинос В.И. — М., 2017.

Русский язык. 9 класс / Рыбченкова Л.М., Александрова О.М. — М., 2017.

Русский язык. 10–11 классы. Базовый уровень: в 2 ч. / Гольцова Н.Г., Шамшин И.В., Мищерина М.А. — М., 2014.

Ширяев Е.Н. Бессоюзное сложное предложение в современном русском языке. — М., 1986.

REFERENCES

Beloshapkova V.A. Slozhnoe predlozhenie v sovremennom russkom yazyke, Moskva, 1997.

Il'enko S.G. Rusistika. Selectas, Sankt-Petersburg, 2003.

Kryuchkov S.E., Maksimov L.Yu. Sovremennyy russkii yazyk. Sintaksis slozhnogo predlozheniya, Moskva, 1977.

Moskovkina R.A. Izuchenie slozhnogo predlozheniya v shkole, Moskva, 1981.

Pospelov N.S. O grammaticheskoi prirode i printsipah klassifikatsii bessoyuznykh slozhnykh predlozhenii, in *Voprosy sintaksisa sovremennogo russkogo yazyka*, ed. V.V. Vinogradov, Moskva, 1950, pp. 338–355.

Kruchinina I.N. Nekotorye tendentsii razvitiya sovremennoi teorii slozhnogo predlozheniya, in *Voprosy yazykoznaniya*, No.2, 1973, pp. 111–119.

Russkii yazyk. 10–11 forms, Babaitseva V.V., Moskva, 2013.

Russkii yazyk. Teoriya, Babaitseva V.V., Chesnokova L.D., Moskva, 2008.

Russkii yazyk. Textbook for 9th form, Kryuchkov S.E., Maksimov L.Yu., Cheshko L.A. — М., 2001.

Russkii yazyk. Textbook for 9th form, Trostentsova L.A., Ladyzhenskaya T.A., Deikina A.D., Aleksandrova O.M., Moskva, 2014.

Russkii yazyk. Textbook for 9th form, Razumovskaya M.M., L'vova S.I., Kapinos V.I., Moskva, 2017.

Russkii yazyk. 9th form, Rybchenkova L.M., Aleksandrova O.M., Moskva, 2017.

Russkii yazyk. 10–11 forms. Basic level. in 2 p., Gol'tsova N.G., Shamshin I.V., Mishherina M.A., Moskva, 2014.

Shiriaev E.N. Bessoyuznoe slozhnoe predlozhenie v sovremennom russkom yazyke, Moskva, 1986.

К сведению подписчиков!

Во II полугодии 2018 года журнал «Русский язык в школе» с приложением «Русский язык в школе и дома» выйдет три раза: в июле, сентябре и ноябре.

Вы можете оформить подписку:

- 1) через наших партнеров – подписные агентства: «Роспечать» (индекс для индивидуальных подписчиков и организаций – 73334); «Почта России» (индекс для индивидуальных подписчиков и организаций – П3896), «Урал-Пресс», «ПРЕССИНФОРМ», НПО «ИНФОРМ-СИСТЕМА»;
- 2) через интернет-сайты: <https://www.pochta.ru/> (выбрать раздел «Другие сервисы», далее – «Подписка онлайн»); <http://www.rospr.ru/> (выбрать раздел «Подписка на периодические печатные издания»).

Опыт лингвистического анализа современных рэп-текстов

В данной статье в рамках лингвистического анализа раскрываются некоторые типологические, лингвостилистические и прагматические особенности вербальной составляющей современного русского рэпа. Русский рэп-текст является современным самобытным явлением национальной культуры. На данном этапе наблюдается тенденция к снижению влияния первоисточника рэп-культуры (афроамериканской), напротив, несмотря на свою популярность, массовость, рэп сохраняет аутентичность, о чем свидетельствует, например, региональный рэп. Специфика рэп-текста как художественного произведения заключается в невозможности его отнесения к какому бы то ни было типу текстов в рамках их традиционных типологических и жанровых классификаций. Рэп-текст является коммуникативно-ориентированным на языковую игру, реализующуюся на всех уровнях текста. В связи с этим важным становится понимание роли рэп-текста как нового способа формирования гражданской позиции и культурно-ценностной картины мира, его отличий от других не менее популярных «малых» культур.

Ключевые слова: *рэп-текст; жанр; интертекст; языковая игра; сленговые модификации.*

Alina A. Diveeva

Experience of Linguistic Analysis of the Modern Rap Texts.

In the article some of the typological, linguostylistic and pragmatic characteristics of the verbal component of the modern Russian rap are revealed from the linguistic analysis. Russian rap-text is a modern original phenomenon of national culture. On this stage there is the trend to reduce influencing of rap culture original source (Afro-American) despite its popularity, mass character, and rap keeps its authenticity, that regional rap for example proves. The specificity of the rap-text as a work of art is in its impossibility to be considered according to traditional typological and genre classifications of the texts. Rap-text is a text communicative-oriented on language game, which is implemented at all levels of the text. In this regard it becomes important to understand the role of the rap-text as a new method for the formation of citizenship position and cultural axiological picture of the world, its differences from the other no less popular «minor» crops.

Key words: *rap-text; the genre; intertext; language game; modification of slang.*

Российская рэп-культура на современном этапе — это не просто гибридная форма, представляющая собой результат межкультурного взаимодействия и трансляции типичных субкультурных смыслов, свойственных англоязычному (афроамериканскому) рэпу как источнику этой культуры, но в большей степени тип современной массовой культуры, адаптированной к национально-культурному, «художественно-

публицистическому» контексту. Иными словами, с одной стороны, рэп-тексты всё также отражают типичные черты глобальной культуры и закрытый характер субкультуры (табуированность). С другой стороны, российская рэп-культура — это феномен неповторимый и аутентичный, что обусловлено расширением тематического своеобразия текстов и изменениями универсальных средств субкультурного кодирования, наделением их национально-специфичными смыслами и значениями, адаптированными под русскоязычного слушателя (о феномене русского рэпа см., например: [Коробов-Латынцев 2016; Фролова 2015]).

Цель статьи — раскрыть в рамках лингвистического анализа некоторые типологические, лингвостилистические и прагматические особенности вербальной составляющей современного русского рэпа.

Материалом для исследования послужил корпус текстов рэп-композиций, составленный на основе метода сплошной выборки, включающий в себя более 150 текстов современных рэп-исполнителей

Алина Альбертовна Дивеева, аспирант кафедры отечественной филологии и прикладных коммуникаций, Гуманитарный институт

E-mail: alina-diveeva@yandex.ru

ФГБОУ ВО «Череповецкий государственный университет»

пр-т Луначарского, д. 5, Череповец, Вологодская обл., 162600, Россия

Cherepovets State University

5 Lunacharskii av., Cherepovets, Vologda region, 162600, Russian Federation

Ссылка для цитирования: Дивеева А.А. Опыт лингвистического анализа современных рэп-текстов // Русский язык в школе. — 2018. — № 7. — С. 18–24. DOI: 10.30515/0131-6141-2018-79-7-18-24.

(тексты 2000-х гг.), таких как: *25/17*, *Баста*, *Ноггано*, *Guf* (*Гуф*), *Каспийский груз*, *Каста*, *Охххутирон* (*Оксимирон*), *Рич*, *Смоки Мо*, *Соль земли*, *Хаски*.

Рэп-текст — гибридная форма, гетерогенный текст, поэтому мы не можем отказаться от признания его промежуточного статуса и его «вторичной устности» (У. Онг), проявляющейся в целом в «процессе наложения бесписьменных форм коммуникации, поддерживаемых развитием информационных технологий, и, соответственно, устного типа мышления, на мощный фундамент академической культуры, созданный за период абсолютизации письменной традиции» [Масюкова, Лебедев 2005: 65]. Но, несмотря на то что рэп-текст предназначен в большей степени для «произнесения» (читки под бит), мы считаем, что его письменный вариант является формой, приближенной к понятию «спонтанная письменная речь», введенному А. Зализняк [Зализняк 2006, Электронный ресурс].

Вопрос о правомерности анализа рэп-текстов в их письменной реализации может вызвать спор, поэтому коротко обозначим ряд оснований такого подхода: 1) тексты рэп-композиций бытуют как самостоятельные письменные тексты в пространстве Интернета (авторы выкладывают их сами, либо их публикуют фанаты, редакции рэп-сайтов); 2) вербальная составляющая рэп-текстов строится по определенным законам, которые далеко не всегда определяются музыкальным сопровождением (идейная составляющая, выбор лексем, синтаксическая организация текстов: совмещение книжного и экспрессивно-разговорного синтаксиса); 3) такой подход правомерен по аналогии с изучением рок-текстов (сегодня довольно широко бытуют понятия рок-поэтика, рок-поэзия, при этом вербальная составляющая музыкальных рок-композиций часто анализируется отдельно), а также по аналогии с изучением текстов разных жанров в рамках интернет-коммуникации, которые также в чистом виде не являются письменными текстами; 4) рэп сложно воспринимать только на слух и сами исполнители не всегда помнят свои тексты наизусть; 5) каждый рэпер создает текст по-своему: либо слова подбираются на бит, либо музыкальное сопровождение подбирается к словам.

Характеристика рэп-текста так же, как и рок-текста, в рамках типологии текстов — вопрос до сих пор не решенный. Мы

можем говорить лишь о том, что подобные тексты включаются в ряд других современных музыкальных текстов, относящихся к песенному дискурсу, и являются креолизованными. В рамках традиционной функционально-стилевой классификации рэп-тексты рассматриваются нами как художественные тексты, обладающие разными стилистическими чертами: по преимуществу художественными, публицистическими, разговорными. Рэп-текст как художественный феномен связан с переосмыслением и традиционным наследованием тем русской литературы, публицистики (преимущественно литературы XX в.). С точки зрения авторского мировидения, рэп-текст относится к неореалистическому (иногда постмодернистскому) художественному направлению.

Несмотря на близость рэп-текста к литературным жанрам рассказа или новеллы, встречаются случаи обращения рэп-исполнителей к другим жанровым формам или к некоторым их специфическим особенностям. В их число входят лозунг, манифестация, травестия, бурлеск (достаточно редко), отдельные условно обозначаемые самими авторами жанры («Звуковое письмо», 25/17).

В связи с этим жанр рэпа имеет свою специфику, он носит неоднородный характер, что обусловлено в том числе его адаптированностью к национальной русской культуре. Так, творчество группы «Рич» часто публицистично, что связано с обращением к произведению современного писателя Захара Прилепина. Например, в основу композиции «Портрет Сталина» положены стихи этого автора из романа «Грех», композиция созвучна публицистической статье писателя «Письмо товарищу Сталину».

«Притчевость» характерна для группы «Соль земли» (например, «Вечный огонь»). «Эссеистичность», автобиографизм присущи многим композициям Gufa («200 строк»), где реализуется установка на интимную откровенность и разговорную интонацию:

Обещания надо сдерживать — я это понимаю, / Кажется, я что-то обещал кому-то в прошлом мае. / <...> Чё, погнали? Это экзамен. Вначале я хочу сказать, что / Не горел желанием записывать 200 строк. / Может быть, и не получится ничего вообще, / Но заметьте: их уже осталось сто девяносто две. / Ае! Это поднимает настроение. / По крайней мере, мне, но, тем не менее, / Если это радует еще кого-то, / Значит это уже что-то больше, чем просто игра в одни ворота.

Уникальным в жанровом отношении является альбом «ГорГород» исполнителя Охххуmгon, в частности рэп-композиция «Колыбельная», репрезентирующая своеобразную жанровую трансформацию колыбельной в рамках лингвостилистических особенностей субкультуры рэпа. Так, песня исполняется неким писателем Марком для ребенка Киры, его литературного агента. С одной стороны, целевая установка колыбельной как особого фольклорного жанра сохраняется: герой пытается уложить спать маленького мальчика:

Ты спишь, беспечен, вычислив количество овец. / Город как пирамидка из колечек, / Каждый человечек в нем наполовину искалечен.

Но, с другой стороны, жанр колыбельной трансформируется. Так, часто возникающий образ невидимого, но могущественного существа Дрёмы или Сна сменяется авторскими размышлениями о проблемах системы, где образ города (и созвучный ему голос мэра) становится некой устрашающей силой, а сама колыбельная адресуется уже всем людям, уставшим бороться с системой:

Утомленные днем мы поем / Колыбельные до темных времен. / Что еще остается нам? / Смысл бороться, сила тьмы восстает со дна.

Сам же вышеназванный альбом тяготеет к жанру «политической мистерии» [Коробов-Латынцев 2016].

Рэп-тексты, с точки зрения прагматической установки автора, всегда диалогичны: во-первых, они направлены на слушателя. Типичными в этом случае являются следующие способы их организации: *ты*-обращения, глаголы в форме повелительного наклонения, конструирующие вокруг себя такое лексическое наполнение, которое выполняет функцию лозунга, а сам текст порой выступает как своего рода манифестация. Во-вторых, диалогичными текстами являются те, которые исполняются несколькими рэп-исполнителями (группы, совместные треки). В-третьих, диалогичность текста достигается интертекстуальными и интермузыкальными включениями. Рэп-композиции, «читающиеся» одним исполнителем, более монологичны: в основу сюжета кладется некий рассказ, история, автобиография, а маркером в таких случаях является *Я*- или *Они*-повествование.

Общей тенденцией в лингвостилистическом и жанровом отношении становится ориентация рэп-текста на языковую эксперимент, стремление к интертекстуальности, к гротеску, гиперболе. В связи с этим особую роль в текстопорождении рэп-текстов играют такие ассоциативные механизмы, как паронимическая аттракция, языковая игра и «речевой» ритм.

Интертекст как языковая игра в рэп-текстах репрезентируется в цитатах и квазичитатах, переосмысливается субкультурное «чужое слово», в то же время встречаются аллюзии и реминисценции на тексты русской литературы, идеи мировой философии.

В качестве примера приведем совместную композицию Рича и Захара Прилепина «Тепло». Данный текст сближается со стихотворением С. Есенина «Грубым дается радость...» за счет ритма и одинаковых образов (но представленных абсолютно по-разному). Ср.:

1) Мутно глажу на окна. / В сердце тоска и зной. / Катится, в солнце измокнув, / Улица передо мной. (С. Есенин) —

Как мне тепло в этом городе солнечном, / На его улице я обречен, / Словно лекарство приему его горечь, / И мне ни почём и ему ни почём. (Рич и др.);

2) А на улице мальчик сопливый. / Воздух поджарен и сух. / Мальчик такой счастливый / И ковыряет в носу. (С. Есенин) —

Кружится день, словно девочка с обручем. / Мальчик в бейсболке играет с мячом. / Как мне тепло в этом городе солнечном, / Я ни о чём и он ни о чём. (Рич и др.).

Рэп-тексты насыщены различными окказиональными модификациями слов и словосочетаний. Так, например, наиболее частым приемом целенаправленного словообразовательного изменения автором звуко-буквенного образа является переосмысление значений за счет выделения квазиомонимичных сегментов: *И снова дождь льет по мостовым реками / Ленивыми потоками и грозы саундтреками...* (Баста, «В городской суе»). В приведенном примере поэтическая декомпозиция / композиция словоформы *саундтреками* членится как *саунд* и *реками*, где второй сегмент оказывается омонимичным лексеме *река*, использующейся в первой строке. Слово-тема (*реками*) и слово-мотив (*саундтреками*) акцентируют семы «поток», «большое количество», «масса». Семантема «трек» объединяется с семантемой «река»,

в результате чего получается метафорическое сравнение дождя, льющего по мостовым, с музыкальным треком, где общей поэтической коннотативной семей оказывается «звуковое сопровождение».

В рэп-текстах можно обнаружить множество семантических трансформаций: *Врач себе назначил морфий, и теперь он растворен / Между будущих и прошлых сослагательных времен* (Рич, Захар Прилепин «Бей хвостом»). Метафора *между будущих и прошлых сослагательных времен*, построенная на эвфемизме, — это, с одной стороны, обозначение отсутствия реальных ситуаций, о которых якобы фантазирует врач. С другой стороны, это эвфемизм, заменяющий типичную ситуацию для рэперов, о которой они часто повествуют, — «быть под кайфом», т.е. в состоянии наркотического опьянения. Кроме того, в данном случае обыгрывается и лексема *растворен*: ее лексическое значение указывает на образование некоторого вещества с водой, например однородной смеси, а омонимичное значение выражает сему «раскрытие» чего-либо (*раскрытая калитка* и пр.). Лексема *растворен* в контексте становится полисемантической. Основной смысл фразы — человек и его фантазии — единое целое, время которого растворилось, превратилось в ирреальное.

Русские рэп-тексты фиксируют изменения в современном русском языке: обилие сленгизмов, вулгаризмов, варваризмов, сочетание высокой и низкой лексики и пр., что отчасти разрушает привычные в рамках теории языковой личности представления о разграничении носителей элитарной, средней и низкой языковой культуры.

Наиболее значимым лингвостилистическим маркером рэп-текста является сленг, который весьма разнообразен и насыщен [Кожелупенко 2009]. Ориентация на англоязычный рэп прослеживается в творчестве Оксимилона, что связано с его биографией (большую часть жизни он провел в Англии). Использование афроамериканизмов, сленгизмов чаще всего наблюдается в рэп-текстах, посвященных теме творчества, так как именно она предполагает самоидентификацию автора как представителя и носителя данной субкультуры. Это характерно прежде всего для популярных исполнителей — Гуфа, Басты, Смоки Мо, но почти не представлено у 25/17, Соль земли, Хаски и др., которые ориентируются на рэп как «русскую» культуру.

В современном русскоязычном рэп-тексте наблюдается тенденция к снижению использования афроамериканизмов. Они встречаются в качестве имитации особенностей афроамериканского английского способа «читки»: иноязычные вкрапления выкриков, стонов, комментариев в сторону (например, *йо-йо*) или в рамках лексики, обозначающей музыкальные субкультурные реалии (*бит, фит, стаф, флоу, битмейкер* и др.), например:

Мне нужен *бит*, как раненому бинт, / Чтобы всех расшевелили, никто не спит. / Пойми, я без *бита*, как бейсбол без бит... (Баста, «Мне нужен бит»).

В этом примере мы видим, что происходит процесс адаптации заимствованной лексики за счет паронимической конечной и внутренней рифмы: *бинт — не спит — бит* (музыкальный термин) — *бита* (бейсбольная). Иноязычные вкрапления могут представлять собой целые фрагменты англоязычного текста, например: *Кто бы чё бы ни говорил, бра, кип ит риал...* (Ноггано, «Кип ит риал»), где *кип ит риал*, *стэй тру* обозначает 'оставайся настоящим, не делай глупостей'.

Наиболее продуктивным для русскоязычных рэп-исполнителей оказывается использование блатного жаргона, профессионализмов, например: *прошивка* по отношению к женщине (Каспийский груз, «Афганистан»), *паразитолог* по отношению к человеку, изучающему людей (Охххуmiron, «Тентакли»); заимствованного англоязычного сленга, адаптированного для русскоязычного текста. Так, например, на основе близкого звучания английского слова *brother* и русского *брат* происходят следующие модификации в рэп-тексте: *браза, бро, *брачо, бразильеро, братан, братюня, братиша*. Ср.: *Мне многие советуют: браза, пора завязывать, / Мол, в жизни важны мазы и материальная база* (Баста, «Под куполом»).

На фоне обращения к блатному жаргону русской языковой личности происходит сближение двух значимых музыкальных культур — рэпа и шансона (берущего начало из блатной песни и имеющего корреляцию с русским песенным фольклором), что обусловлено, вероятно, близостью к криминальной теме и ее адаптацией к специфике русского менталитета («народность», «смеховая культура», «фольклорность»). Тем не менее заимствованные лексемы часто переосмысливаются, например, в рэп-культуре

бодяжить (в значении 'разбавлять') используется и при характеристике человека: *И для меня остается важным быть первым, и реально первым небодяженным* (Баста, «Под куполом»), а лексема *вестись* расширяет свое значение ('быть восприимчивым, активным, мобильным по отношению к различным предложениям, инициативам') и используется в значении 'опротестивно верить':

Я всё это спокойно созерцаю / Сквозь линзы от «Казала», / Не *ведусь* на сало. (Словецкий, «Демоны»).

На современном этапе развития русскоязычного рэпа происходит расширение семантики уже существующих сленгизмов. Например, лексема *кот* обозначает 'коренного обитателя, человека той или иной местности':

Со мной мои *коты*, я не одиночка, / Если что-то качаешь – думай четче... (Slim, «Всем берегам»).

Образный потенциал рэп-текста, представленный метафорами, антитезами, приемами языковой игры, фразеологическими единицами, пословицами, поговорками, считается общей тенденцией в рэпе как глобальном явлении культуры [Гриценко, Дуняшева 2013]. Тем не менее ряд других исследований, в частности на уровне стилистического анализа, показывает, что «русский рэп-текст более поэтичен в силу большого количества метафор, аллегорий и сравнений» [Тульнова 2013: 5]. Кроме того, здесь же отмечается и различие американских и русских рэп-текстов, связанное с отсутствием у последних графическо-стилистических маркеров и грамматических нарушений.

Свойственная традиционным культурам мифологическая концепция мира, которая привлекает рок-поэтов, для рэп-исполнителей характерна в меньшей степени. Обращение к семантике мифа происходит преимущественно при переходе рэп-исполнителя в жанр рока или при обращении к определенным темам (тема мертвого города, представленная и в региональном рэпе; тема детства – зооморфные мотивы, образы). Есть и частные случаи репрезентации мифологем: так, в треке Оксимирона (Oxxxymiron) «Не с начала» рассказывается об отношениях молодого писателя Марка с его девушкой:

Незаметно поправь ее одеяло, за это себя предавая анафеме. / Она вышла из пены, худой отпечаток плеча оставляя на кафеле...

В данном отрывке представлена отсылка к греческой мифологии, к эпизоду, в котором девушка превращается в Афродиту. Само имя главного героя отсылает нас к апостолу Марку, одному из четырех евангелистов (Евангелие от Марка), погибшему от рук язычников.

Мифологичность в рэп-текстах чаще всего репрезентируется зооморфными метафорами:

Котенок вырастет котом, / Мышонок превратится в мышь, / И лишь для матери родной / Ребенок – навсегда малыш. / Бездомного кота однажды встретит пес, / Ночь добавит матери седых волос, / Сердце замирает, слушая шаги.

В данном примере используется зооморфная метафора, цель которой не приписать человеку свойства животного, а показать бессмысленность конфликта отцов и детей, поскольку для родителей дети всегда остаются детьми (ср. с фразеологизмом *жить как кошка с собакой*).

Стоит отметить, что в контексте рэп-текстов можно выделить и «детскую» мифологию, суть которой заключается, в частности, в репрезентации некоторых прецедентных имен собственных (литературные персонажи, фантастические места):

Из Муми-Долов, Хоббитонов и Слонопотамов / Из кладовок, антресолей и полуподвалов <...> / Я что-то тихо вынес ночами, заныкал... (Oxxxymiron, «Признаки жизни»);

Мир в котором живу я – это *Нарния*, / Воображаемое пространство меж гаражами, / Вот и снег потаял, мы мутимся через ежанских... (СЛАВА КПСС, «Родина»).

Употребление имен собственных в приведенном контексте носит пренебрежительный характер и является своего рода языковой игрой (в первом примере – прием типизации: имена собственные становятся нарицательными, несмотря на то что пишутся с прописной буквы; во втором – пространственная метафора, авторское переосмысление: в платяном шкафу был скрыт другой мир, а автор иронично интерпретирует образ Нарнии как нечто выдуманное, как атрибут своего детского мышления).

Если в рок-поэзии при обращении к семантике мифа совершается выход из времени хронологического и совершается переход

ко времени сакральному, то в рэп-текстах такое наблюдается редко, что, вероятно, связано с функционированием текстовых мифологем как элементов, необходимых для создания комического.

Специфика категорий времени и пространства в современных рэп-текстах обусловлена самим жанром. Так, в разных текстах мы наблюдаем стремление к отображению текстового пространства, часто обусловленное преобладанием того или иного функционально-стилевого типа текста. При наличии публицистичности в тексте происходит социальная характеристика пространства (как в публицистике); если же текст отличается большей художественностью, то перед нами предстает образ событийного пространства (как в художественной речи).

При характеристике пространства и времени в рэп-текстах важной является категория определенности / неопределенности, выражающаяся преимущественно с помощью неопределенных местоимений, наречий, числительных и др., а также тематического членения текста. Например, если мы сравним первые куплетные части двух композиций, объединенные общей темой детства: «Детство», 25/17 и «Детство», *Centr & Легенды Про*, то обнаружим, что и в том, и в другом случае тема-рематическая последовательность в ССЦ носит параллельный характер с гипертемой, только в первом примере эта гипертема «инверсионна». Фраза-зачин: *Манит запахом лета обратно птаху в детство...* автосемантична и конструирует тематическую перспективу данного ССЦ, а для текста в целом играет роль «фрейма», репрезентирующего личное авторское, так как данная рэп-композиция является совместным треком.

Во втором примере фраза-зачин: *Луч солнца разбудил, но я не открываю глаз...* — оказывается структурно и семантически обусловленной, в отличие от завершающего высказывания: *А помнишь, когда ты был ребенком.* (Союз *а* формально связывает его с предшествующим текстом: *И что из этого всего мы оставим потомкам...*) Это гипертема, находящаяся в постпозиции и переходящая в рему. Само ССЦ (первая куплетная часть) в тексте «Детство», 25/17 более раздроблено: если в совместном треке важна общая картина детства (кто, что, где, как), то в данной рэп-композиции герой сравнивает себя в разные возрастные периоды, в связи с этим второй текст и его ССЦ

статичен, первый же динамичен, что выражается и на уровне однотипной междфразовой связи, и с помощью разнообразных лексических средств.

Обобщая сказанное, еще раз отметим, что современный русскоязычный рэп-текст — это самобытный песенный жанр русской молодежной культуры, при этом мы не отрицаем влияние на него глобальных межкультурных процессов. Актуальность обращения к теме субкультурных текстов обусловлена тем, что, во-первых, они приобрели массовый характер, а во-вторых, имеют важную ценностно-культурную направленность. Рэп — это новый формат общения с молодежью, способ формирования ценностной картины мира и гражданской позиции (существуют такие разновидности рэпа, как политизированный и православный рэп). Русский рэп-текст можно рассматривать как явление, синтезирующее в себе вербальный, музыкальный и визуальный компоненты.

Рэп-текст обладает типологической спецификой, жанровым и лингвистическим своеобразием, выражающимися в художественно-образной коммуникативно-ориентированной системе текста, в ее динамичности. При анализе рэп-текста мы имеем дело с отражением знаний о мире: культурологических (реминисценции и интертекстуальные включения), связанных с национальной или субкультурной спецификой картины мира (паремии, идиомы). В этом отношении особую роль играют различные способы и художественные приемы, участвующие в реализации игровой стратегии рэпа, управляемой коммуникативно-прагматической установкой рэпера [Грудева, Дивеева 2017]. Но не менее важную роль играют и сами формально-структурные особенности рэп-текста (фонетические, словообразовательные, грамматические, синтаксические, тема-рематическое членение и пр.).

В основе организации рэп-текста находится коммуникативный потенциал самого слова (актуализация многозначности или отдельных семантических компонентов лексического значения слова), либо она обусловлена структурной организацией текста (синтаксический параллелизм, анафорические конструкции). Существенной особенностью в этом отношении становится ориентация на разнообразные возможности ассоциативного сближения слов, текстовых категорий, приемов художественной выразительности, что в итоге порождает множественные, но взаимообусловленные ассоциативные связи,

актуализирующие разные микросмыслы. Коммуникативная установка рэп-исполнителя на языковую игру определяет специфику рэп-текста как особой формы лингвокреативного мышления, которая связана с наследованием и переосмыслением литературных и культурных традиций XX–XXI вв. Игровые приемы, пронизывающие всю структуру рэп-текста, являются его необходимой составляющей, текстообразующим потенциалом, создающим эстетический эффект.

ЛИТЕРАТУРА

Гриценко Е.С., Дунышева Л.Г. Языковые особенности рэпа в аспекте глобализации // Политическая лингвистика. — 2013. — № 2 (44). — С. 141–147.

Грудева Е.В., Дивеева А.А. Коммуникативный потенциал языковой игры (на материале песен в стиле рэп) // Коммуникация в современном мире: теория и практика: монография / под ред. Е.В. Грудевой. — Новосибирск, 2017. — С. 129–144.

Зализняк Анна А. Переписка по электронной почте как лингвистический объект. — М., 2006 [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.dialog-21.ru/dialog2006/materials/html/Zalizniak.htm>. (дата обращения: 15.03.2018).

Кожелупенко Т.П. Сленг как средство субкультурного кодирования в современных американских и русских рэп-текстах: автореф. дис. ... канд. филол. наук. — СПб., 2009 [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.dissercat.com/content/sleng-kak-sredstvo-subkulturnogo-kodiro...> (дата обращения: 15.03.2018).

Коровов-Латынцев А. Русский рэп. Философские очерки. — М., 2016.

Масюкова В.М., Лебедев А.В. Культурно-образовательная парадигма постмодерна и музыкознание // Образование и культура постмодерна: сб. статей. — Казань, 2005. — С. 64–68.

Тульнова М.А. О способах локализации текстов глобальной культуры // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. — 2013. — № 1 (76). — С. 4–7.

Фролова Е.В. Рэп как форма социально-политической рефлексии в современной российской культуре (2009–2013 гг.). — М., 2015.

REFERENCES

Gritsenko E.S., Dunyasheva L.G. Yazykovye osobennosti repa v aspekte globalizatsii, in *Politicheskaya lingvistika*, No. 2 (44), 2013, pp. 141–147.

Grudeva E.V., Diveeva A.A. Kommunikativnyi potentsial yazykovoi igry (na materiale pesen v stile rep), in *Kommunikatsiya v sovremennom mire: teoriya i praktika: monograph*, ed. E.V. Grudeva, Novosibirsk, 2017, pp. 129–144.

Zaliznyak A.A. Perepiska po elektronnoy pochtke kak lingvisticheskii ob'ekt, Moskva, 2006, available at: <http://www.dialog-21.ru/dialog2006/materials/html/Zalizniak.htm>. (15.03.2018).

Kozhelupenko T.P. Sleng kak sredstvo subkul'turnogo kodirovaniya v sovremennykh amerikanskikh i russkikh rep-tekstakh: extended abstract of Ph candidate's thesis, Sankt-Peterburg, 2009, available at: <http://www.dissercat.com/content/sleng-kak-sredstvo-subkulturnogo-kodiro...> (15.03.2018).

Korobov-Latyncev A. Russkii rep. Filosofskie ocherki, Moskva, 2016.

Masiukova V.M., Lebedev A.V. Kul'turno-obrazovatel'naya paradigma postmoderna i muzykoznanie, in *Obrazovanie i kul'tura postmoderna: articles coll.* Kazan', 2005, pp. 64–68.

Tul'nova M.A. O sposobakh lokalizatsii tekstov global'ni kul'tury, in *Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*, No. 1 (76), 2013, pp. 4–7.

Frolova E.V. Rep kak forma sotsial'no-politicheskoi refleksii v sovremennoi rossiiskoi kul'ture (2009–2013 gg.), Moskva, 2015.

Речетворческий анализ поэтических текстов Варлама Шаламова на уроках русского языка

В статье рассматривается речетворческий анализ текста, цель которого – инициировать речевую деятельность учащихся, способствовать рождению собственного художественного замысла. Особое внимание уделяется речетворческой беседе, в результате которой ученики выявляют образы-ключи к авторскому замыслу, направленность авторских ассоциаций.

Ключевые слова: *речетворческий анализ текста; речетворческая беседа; лексикографическое сопровождение речетворческой деятельности учащихся; В. Шаламов.*

Anna P. Belova

The Speechmaking Analysis of the Poetic Texts by V. Shalamov at Russian Language Lessons.

The article explores the speechmaking analysis of text that aims to cause students in a dialogue and to encourage the development of their creative ideas. The paper focuses on a speechmaking conversation in which students define concepts and supporting details helping them to identify an author's idea and associations.

Key words: *speechmaking analysis of text; speechmaking conversation; lexicographic support of students literary speech activity; V. Shalamov.*

Одной из недостаточно разработанных проблем теории и практики обучения русскому языку является проблема речетворческого развития учащихся [Пономарева 2017: 198]. В связи с этим современные исследователи предлагают использовать в практике школьного преподавания русского языка речетворческий анализ текста. Методика речетворческого анализа текста разработана в трудах Л.Д. Пономаревой.

Речетворческий анализ художественного текста в результате речетворческой беседы по тексту предполагает выявление впечатления от прочитанного (что

вспомнилось, что поразило, что запомнилось, что взволновало); определение направленности авторских ассоциаций в тексте (выстраивание ассоциативных образных рядов); презентации ученических версий рождения художественного текста (сопоставление с существующей историей создания текста, если она зафиксирована); анализ структуры образной системы художественного текста (образные средства, их место, роль); рождение собственного художественного замысла и определение истоков его создания (общее настроение, состояние учащегося, время года, тема стихотворения, слово-образ и др.). Выполняемый на уроках речетворческий анализ художественного текста выводит учащихся в их собственную художественную речетворческую деятельность. Иницируют процесс создания текста речетворческая беседа по тексту с обращением к лексикографическому сопровождению речетворческого анализа текста, а также дополнительные и интегративные задания [Пономарева 2017: 199; Пономарева 2016: 18].

Особое внимание в организации речетворческой деятельности учащихся уделяется речетворческому осмыслению слова.

Анна Павловна Белова, учитель русского языка и литературы

E-mail: anna_p_b@mail.ru

МОУ «СОШ № 16»

ул. Возрождения, д. 1, Вологда, 160017, Россия

Secondary school № 16

1 Renaissance str., Vologda, 160017, Russian Federation

Ссылка для цитирования: Белова А.П. Речетворческий анализ поэтических текстов Варлама Шаламова на уроках русского языка // Русский язык в школе. – 2018. – № 7. – С. 25–30. DOI: 10.30515/0131-6141-2018-79-7-25-30.

Слово — это прежде всего единица, обладающая «речетворческим» потенциалом: оно является и исходным ростком возникновения текста, и материалом для его создания. Речетворческое осмысление слова — это путь от слова в словаре через слово в художественном тексте к слову своему, собственному [Пономарева 2009, Электронный ресурс]. Результативность речетворческого осмысления слова значительно повышается, если на уроке используются не только произведения художественной литературы, но и произведения живописи, музыки. Они помогают учащимся почувствовать живописное и музыкальное значение и звучание слова [Пономарева 2009, Электронный ресурс].

В качестве примера приведем фрагмент урока развития речи в XI классе, посвященный личности и творчеству Варлама Шаламова.

I этап

Предваряющее задание

Прочитайте высказывания Варлама Шаламова и И.П. Сиротинской.

1. Стихи Шаламова многозначны, многослойны. (И.П. Сиротинская).

2. Стихи — это не роман, который можно пролистать, проглядеть за одну ночь. Стихи требуют чтения внимательного, неоднократного перечитывания. Стихи должны читаться в разное время года, при разном настроении. (В. Шаламов).

3. В жизни моей не было человека, старшего родственника — поэта, школьного преподавателя, который открыл бы мне стихи. Нужно ведь для этого так немного: читать, читать, зачитываться до наркоза и потом искать причину этого гипнотического воздействия стихотворений. (Он же).

4. Стихи Шаламова не удивят формой: он считал, что возможности классического стиха неисчерпаемы. Но внимательно вчитавшись в эти, казалось бы, незатейливые строки, читатель ощутит сложный и трагический внутренний мир поэта, как эолова арфа, откликающийся на бури XX века (недаром в его стихах так много вьюг и метелей), чутко улавливающий волны судеб цветка, дерева, ручья, человека. (И.П. Сиротинская).

5. Поэт — инструмент, с помощью которого высказывается природа. Переводчик с языка природы на человеческий язык. (В. Шаламов).

6. Стихи, включенные в этот сборник (в «Колымские тетради»), появились на свет среди снегов и тайги, как первые ростки воскресающей человеческой души. (И.П. Сиротинская).

7. Эта книжка (сборник стихов «Колымские тетради») — для тебя, читатель стихов. Ты, конечно, еще существуешь и ставишь на свою полку книги, необходимые для твоей души, как родной голос друга, с которым ты встретился в бесконечности пространства и времени. Неважно, что вы не встретились при жизни поэта. Прочтите, переживите эту книгу вместе — и вы ощутите в своей жизни его присутствие. (Она же).

8. Научиться стихами проверять собственную свою душу, ее неосвещенные углы. (В. Шаламов).

Беседа по вопросам

— Как вы понимаете определение, данное стихам В. Шаламова, — многослойные? Какие слои вы чувствуете в стихах?

— Есть ли в вашем читательском опыте такие стихотворения, которые вы неоднократно перечитывали? Что вам как читателю, как человеку дает перечитывание?

— Пробовали ли вы перечитывать какое-либо стихотворение в разное время года? В состоянии грусти, или тоски, или скуки, или радости? Открывались ли вам в таком случае новые смыслы этих стихотворений?

— Как вы понимаете выражение «гипнотическое воздействие стихотворений»? Ощущали ли вы когда-нибудь гипнотическое воздействие стихотворений? Можете ли вы описать это удивительное состояние с помощью слов?

— Переведите с языка метафорического на язык обыденной речи следующее выражение: «Внутренний мир поэта как эолова арфа».

— Задумывались ли вы над тем, что у цветка, дерева, ручья, как и у человека, своя судьба?

— Как вы думаете, почему именно поэт способен понимать язык природы? Как вы считаете, возможен ли точный перевод с языка природы на язык человеческий?

— Представьте, что вы невидимы. Вы получили возможность наблюдать поэта в те удивительные минуты, когда он творит, сочиняет. Попробуйте описать обстановку, в которой находится поэт в эти минуты. Как вы думаете, в каких жизненных условиях, при каких жизненных обстоятельствах рождаются стихи?

— Как вам кажется, могут ли родиться стихи в тайге, в условиях вечной мерзлоты, в сорокоградусные морозы? Что может сподвигнуть человека писать стихи в таких условиях? О чем могут быть эти стихи? Как, по вашим предположениям, в них изменится описание привычных предметов?

— Как вы понимаете выражение «первые ростки воскресающей человеческой души»?

— Какие книги необходимы вашей душе? С чем бы вы сравнили эти книги? Попробуйте продолжить высказывание: «Книги, необходимые моей душе, я сравнил бы с ...»

— Как вы думаете, можно ли, прочитав стихи поэта, ощутить в своей жизни его присутствие? В какой форме? Случалось ли вам ощутить это присутствие в своей жизни?

— С каким поэтом вы хотели бы встретиться, если бы между вами не существовало границ в пространстве и во времени?

— Как вы понимаете выражение «стихами проверять собственную душу»?

— Как вы думаете, нуждается ли современный человек в поэзии?

— Какое существительное вы бы употребили, чтобы одним словом выразить ваше понимание того, кем является поэт? (Например, поэт — это инструмент, поэт — это переводчик, ...)

Интегративное задание

Перед вами картина Михаила Копьева «Портрет Варлама Шаламова». Какие черты характера поэта передал художник? Какую роль в создании образа В. Шаламова играют детали изображения, например: кисти рук, лежащий на земле рядом с фигурой В. Шаламова камень, пейзаж, цветовая гамма, словно размытое изображение?

II этап

Установка на восприятие поэтического текста

— Последние дни августа. В воздухе уже ощущается дыхание осени. Осеннее настроение. А может, весна еще вернется? Прочитайте текст.

Какая в августе весна?
Кому нужна теперь она?
Ведь солнце выпито до дна
Листою, пьяной без вина.
Моя кружится голова,
И пляшет пьяная листва.
Давно хрупка, давно желта
Земная эта красота.
И ходит вечер золотой
В урюмой комнате пустой.
И осень бродит на дворе
И шепчет мне о сентябре.
Гляжу на наши небеса.
Там невозможны чудеса.
Давно уж темной пеленой
Покрыто небо надо мной.

И с небосвода дождик льет,
И безнадежен небосвод.
И осень, — видно, из нерых,
И мной задержана в дверях.
Таких не видывал грязнуль
Прошедший солнечный июль.
И если б я хотел и мог,
Я б запер двери на замок.
Не может время мне помочь
Обратно лето приволочь.
И все же в сердце зажжена
Весна.

(В. Шаламов).

Речетворческая беседа

1) Какие чувства, воспоминания пробудило в вас это стихотворение?

2) Как бы вы озаглавили данный текст?

3) Как вы понимаете строчки: *И ходит вечер золотой / В урюмой комнате пустой?* Опишите картину, которая вам представляется.

4) О каких приметах наступающей осени говорит лирический герой?

5) Попробуйте озвучить шепот осени: *И осень бродит на дворе / И шепчет мне о сентябре.*

6) Переведите с языка метафорического на язык обыденной речи следующее выражение: *Давно уж темной пеленой / Покрыто небо надо мной.*

7) На фоне сумрачного осеннего пейзажа лирический герой стихотворения видит некоторые детали, не связанные с увяданием. Попробуйте словесно нарисовать этот пейзаж.

8) О каком чуде поведал автор? (*Примерный ответ.* Ощущение весны, вдруг появившееся накануне осени; чудо — весеннее преобразование души.)

9) Как вы думаете, почему лирическому герою кажется, что даже время не сможет помочь ему «обратно лето приволочь»?

10) Соотнесите состояние природы и состояние человека. (*Примерный ответ.* Лирический герой не хотел бы впускать в свою душу красоту, но не может сопротивляться ей; он ощущает себя словно пьяным, и мир тоже как будто пьянеет от этой внезапной «весенней осени»: *Моя кружится голова, / И пляшет пьяная листва.*)

11) Назовите особенности поэтической формы стихотворения. С какой целью автор выбрал именно ее? (*Примерный ответ.* Стихотворение записано без разделения на строфы; такая специфическая графика текста имеет особое значение: за счет отсутствия пробелов между строфами создается

впечатление целостного лирического высказывания, непрерывного монолога.)

12) Чем необычно начало стихотворения? (*Примерный ответ.* Первые строчки стихотворения — два скептических вопроса; лирический герой хотел бы убедить себя в том, что ему не нужно осенью весеннее чувство.)

13) Чем необычна концовка стихотворения В. Шаламова? (*Примерный ответ.* Специфическая концовка с неожиданным смысловым поворотом, который нарушает инерцию восприятия [Кротова 2016: 38].)

14) Познакомьтесь с лексикографическим описанием текста. Какие словарные характеристики нашли отражение в анализируемом поэтическом тексте?

Осень

Осень является, пожалуй, самым неоднозначным из четырех времен года: еще свежа память о тепле ушедшего лета, но уже заметны признаки близкой зимы.

Осень ассоциируется с третьим циклом жизни человека, где она олицетворяет зрелость.

По ассоциации с четырьмя стихиями осень уподобляется огню, так как огонь пожирает прошлое, подготавливая воскрешение.

Собственно, осень — для северного полушария Земли и весна для южного — время года от осеннего равноденствия до зимнего солнцестояния. Осеннее равноденствие — момент перехода склонения Солнца из северного в южное, равно как точка эклиптики, в которой совершается такой переход; происходит с 21 сентября.

Весна

Общеслав. Суф. производное от той же основы (*вес-*), что и *веселый*, др.-инд. *vasantás* «весна», латышск. *Vasara* «лето» и т. д. Буквально — «время, когда живет хорошо» [Шанский, Боброва 2004: 38].

Замок

Предмет, используемый для символического замыкания и отмыкания в магии и обрядах.

В охранительной магии закрытый замок использовали для ограждения от опасности охраняемый объект. В другом случае замком «запирали» самого носителя опасности, чтобы обезвредить его.

В медицинской практике замыкание замка символизировало замыкание болезни и применялось, в частности, при остановке различных кровотечений.

В любовной магии замки замыкали, чтобы крепче привязать, приковать любимого или мужа и жену друг к другу.

Замыкание замка могло служить символом магического закрепления желаемого результата.

Как замок крепок, прочен, надежен, таким же крепким и прочным должно быть совершаемое дело [Славянская мифология: энциклопедический словарь 2002: 169–170].

15) Приведите собственные версии рождения замысла прочитанного стихотворения.

16) Опишите состояние человека, взволнованного странным августом.

17) Случалось ли вам испытывать, как на вас нахлынули осенью весенние чувства? Расскажите об этом.

Дополнительные задания

1) Что объединяет приведенные ниже тексты и что их различает?

Август

Вечер. Яблоки литые
Освещают чернь сад,
Точно серьги золотые,
На ветвях они висят.
Час стремительного танца,
Листьев, вихрей ветровых,
Золоченого багрянца
Неба, озера, травы.
И чертят тревожно птицы
Над гнездом за кругом круг —
То ли в дом им возвратиться,
То ли тронуться на юг.
Медленно темнеют ночи,
Еще полные тепла.
Лето больше ждать не хочет,
Но и осень не пришла.

(В. Ш а л а м о в).

Небывалая осень построила купол высокий,
Был приказ облакам этот купол собой не
темнить.

И дивились люди: проходят сентябрьские
сроки,
А куда провалились студеные, влажные
дни?..

Изумрудною стала вода замутненных
каналов,

И крапива запахла, как розы, но только
сильней,

Было душно от зорь, нестерпимых, бесов-
ских и алых,

Их запомнили все мы до конца наших дней.

Было солнце таким, как вошедший в столи-
цу мятежник,

И весенняя осень так жадно ласкалась к нему,
Что казалось — сейчас забелеет прозрачный
подснежник...

Вот когда подошел ты, спокойный, к крыль-
цу моему.

(А. А х м а т о в а).

2) Найдите описание удивительного смещения осени и весны в стихах других поэтов.

Интегративные задания

1) Вы – художник. Попробуйте словесно нарисовать неряху-осень, грязную-осень, ее встречу с солнечным июлем.

2) Рассмотрите картину современного художника Ю. Обуховского «Солнечный октябрь». Почему так, а не иначе художник назвал эту картину?

3) Вам предстоит прослушать музыкальное произведение, название которого «Осень». Как вам кажется, какое настроение передаст в этой мелодии композитор? Прослушайте музыкальную пьесу Й. Гайдна «Осень». Какое настроение создается у вас в момент прослушивания мелодии Й. Гайдна?

III этап

Домашнее задание

Установка на восприятие текста

– Вспомните вид, который открывался из вашего окна. Растет ли под ним дерево? Какие приятные чувства и светлые мысли связаны у вас с этим деревом? Что бы вы почувствовали, если бы однажды это дерево кто-то срубил?

Прочитайте текст:

Я думаю все время об одном –
Убили тополь под моим окном.
Я слышал хриплый рев грузовика,
Ему мешала дерева рука.
Я слышал крики сучьев, шорох трав,
Еще не зная, кто не прав, кто прав.
Я знал деревьев добродушный нрав,
Неоспоримость всяких птичьих прав.
В окне вдруг стало чересчур светло –
Я догадался: совершилось зло.
Я думаю все время об одном –
Убили тополь под моим окном.

Ответьте на вопросы:

1) Какие чувства, воспоминания пробудило в вас это стихотворение?

2) Как бы вы озаглавили данный текст?

3) Опишите тополь, воспринимая его как живое существо.

4) Как вы понимаете строчку: *Я слышал крики сучьев, шорох трав...*?

5) Попробуйте описать два вида из одного окна, передавая чувства человека, который созерцает сначала один вид, потом другой: под его окном растет старый тополь; тополь срубили, в окне стало светло.

6) Переведите с языка метафорического на язык обыденной речи следующее выражение: *Я знал деревьев добродушный нрав.*

7) О каком совершившемся зле поведал лирический герой?

8) Соотнесите состояние тополя и состояние человека.

9) Назовите особенности поэтической формы стихотворения. С какой целью автор выбрал именно ее?

10) Познакомьтесь с лексикографическим описанием текста. Какие словарные характеристики нашли отражение в анализируемом поэтическом тексте?

Тополь

В Китае символ двойственности; листья белого тополя, верхняя и нижняя стороны которого имеют разный цвет (темные с верхней, солнечной, стороны и светлые с нижней, лунной), символизируют инь и ян, лунное и солнечное, а также все прочие дуалистические пары. Древние греки пытались объяснить это явление в мифе о Геракле (в римской мифологии – Геркулесе) тем, что герой надел венки из тополиных веток, перед тем как спуститься в подземное царство; дым закоптил верхнюю сторону листьев, а потом высветил нижнюю.

В греко-римской традиции белый тополь символизирует «Елисейские Поля» – обитель блаженных, куда попадают после смерти герои – любимцы богов, а черный – ад.

Тополь – священное дерево Сабазия и Зевса, но обычно несет траурную символику. Тополь также – символ одинокого девичества, девичьей тоски [Мегаэнциклопедия Кирилла и Мефодия, Электронный ресурс].

Окно

Часть дома, наделяемая многообразными символическими функциями.

В народных верованиях и фольклоре окно связывало человека с Богом и миром предков, а также с небесными светилами и природными стихиями.

У восточных и западных славян через окно передавали младенца, если рожденные в этой семье дети умирали. Такая передача была призвана обмануть смерть и враждебных духов и обеспечить ребенку долгую жизнь.

Русские, как только замечали, что человек умирает, ставили на окно чашку с водой, чтобы душа, покинувшая тело, могла омыться и улететь. В поминальной обрядности окно являлось местом общения с душами умерших [Славянская мифология: энциклопедический словарь 2002: 339–341].

11) Приведите собственные версии рождения замысла прочитанного стихотворения.

12) Опишите состояние человека, взволнованного описанным в стихотворении событием.

13) Случалось ли вам переживать утрату своего любимого дерева? Какие чувства вы тогда испытывали? Какие мысли вас посещали в связи с этим событием?

Дополнительное задание

Найдите описание умирающих деревьев в других стихотворениях В. Шаламова.

Интегративные задания

1) Рассмотрите картину русского художника А. Васнецова «Тополь». Каким настроением веет от этой картины?

2) Перед вами серия картин французского художника Клода Моне «Тополя». В чем особенность изображенных на картинах этой серии тополей?

3) Вы — художник. Попробуйте словесно описать воображаемую картину «Убитый тополь».

Речетворческий анализ исходного художественного текста способствует проявлению творческого начала у учащихся. Опыт работы показывает, что в результате проведенного анализа многие учащиеся впервые пробуют писать стихи.

ЛИТЕРАТУРА

Кротова Д.В. Два стихотворения о «небылой осени» (В. Шаламова и А. Ахматовой) // Известия Южного федерального университета, Филологические науки. — 2016. — № 3. — С. 36–43.

Тополь // Мегаэнциклопедия Кирилла и Мефодия [Электронный ресурс]. — URL: [http://megabook.ru/article/Тополь%20\(символ\)](http://megabook.ru/article/Тополь%20(символ))

Пономарева Л.Д. Лексикографическое сопровождение художественной речетворческой деятельности учащихся // Проблемы истории, филологии, культуры. — 2009. — № 24 [Электронный ресурс]. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/v/leksikograficheskoe-soprovozhdenie-hudozhestvennoy-rechetvorcheskoy-deyatelnosti-uchaschihsya> (дата обращения: 09.05.2018).

Пономарева Л.Д. Методическая интерпретация художественного текста в процессе обучения русскому языку // Актуальные проблемы современной науки, техники и образования. — 2017. — Т. 2. — С. 198–200.

Пономарева Л.Д. Речетворческий анализ художественного текста на уроках русского языка // Русский язык в школе. — 2016. — № 10. — С. 18–20.

Славянская мифология: энциклопедический словарь. — М., 2002.

Шаламов В. Колымские тетради. — М., 1994.

Шаламов В. Собраний сочинений: в 6 т. — Т. 5. Эссе. — М., 2015 [Электронный ресурс]. — URL: <https://profilib.net/chtenie/126849/varlam-shalamov-esse.php> (дата обращения: 09.05.2018).

Шанский Н.М., Боброва Т.А. Школьный этимологический словарь русского языка. Происхождение слов. — М., 2004.

REFERENCES

Krotova D.V. Dva stihotvoreniya o «nebyvaloi oseni» (V. Shalamova i A. Ahmatovoi), in *Izvestiya Yuzhnogo federal'nogo universiteta, Filologichesk- ie nauki*, No. 3, 2016, pp. 36–43.

Poplar // Mega-Encyclopedia of Cyril and Methodius. Available at: [https://megabook.ru/article/Poplar%20\(symbol\)](https://megabook.ru/article/Poplar%20(symbol)) (20.06.2018).

Ponomareva L.D. Leksikograficheskoe soprovozhdenie hudozhestvennoi rechetvorcheskoi deyatel'nosti uchashchihsya, in *Problemy istorii, filologii, kul'tury*, No. 24, 2009. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/v/leksikograficheskoe-soprovozhdenie-hudozhestvennoy-rechetvorcheskoy-deyatelnosti-uchaschihsya> (09.05.2018).

Ponomareva L.D. Metodicheskaya interpretatsiya hudozhestvennogo teksta v protsesse obucheniya russkomu yazyku, in *Aktual'nye problemy sovremennoi nauki, tekhniki i obrazovaniya*, 2017, vol. 2, pp. 198–200.

Ponomareva L.D. Rechetvorcheskii analiz hudozhestvennogo teksta na urokah russkogo yazyka, in *Russkii yazyk v shkole*, No. 10, 2016, pp. 18–20.

Slavyanskaya mifologiya: encyclopaedical dictionary, Moskva, 2002.

Shalamov V. Kolymskie tetradi, Moskva, 1994.

Shalamov V. Collected edition: in 6 vol. Vol. 5, Moskva, 2015. Available at: <https://profilib.net/chtenie/126849/varlam-shalamov-esse.php> (09.05.2018).

Shanskii N.M., Bobrova T.A. Shkol'nyi etimologicheskii slovar' russkogo yazyka. Proiskhozhdenie slov, Moskva, 2004.

«Животворный русский язык» (Работа над словом-концептом «дом» на материале произведений А. Яшина)

Статья посвящена важным вопросам изучения в школе основных культурных концептов, способствующих формированию ценностно-смысловых ориентиров обучающихся. Авторы рассматривают приемы работы со словом-концептом на уроках русского языка и во внеурочной деятельности с опорой на технологии концептного анализа слова. В качестве иллюстративного материала предлагается использование текстов произведений вологодского писателя А.Я. Яшина, анализ которых позволяет представить концепт «дом» как явление национальной культуры.

Ключевые слова: *концепт; дом; художественный текст; А.Я. Яшин; национальная культура; концептуальный портрет слова.*

Nataliya D. Dobrynina, Olga V. Lopatko

"Zhivotvornyi Russkii Yazyk" (Learning of the "Home" Concept based on Works by A. Yashin).

The article is dedicated to the problems of the basic cultural concepts learning that help to form value and semantic orientations of schoolchildren. The authors consider the procedures of the work on the concept at Russian language lessons and during the out-of-school activity supported by the technology of the word concept analysis. It is offered to use the texts by the Vologda writer A. Yashin as the illustrative material. Its analysis allows to present the "home" concept as a national culture phenomenon.

Key words: *concept; home; literary text; A.Ya. Yashin; national culture; concept image of the word.*

Язык, как известно, определяет принадлежность человека к той или иной национальной культуре. Знание о своих истоках, культурном прошлом и настоящем своего народа формирует духовно богатую языковую личность, уважающую исторические традиции своей страны. В связи с этим изучение основных культурных

концептов должно стать для обучающихся «ключом к пониманию каких-то важных особенностей культуры народа, пользующегося этим языком» [Шмелев 2002: 11].

Концепт объединяет знания разных предметных областей. В результате этого важным становится формирование концептуальной картины мира учащегося, ценностно-смысловых ориентиров.

Особое внимание привлекает такое слово-концепт, как «дом». Нет ни одного русского поэта, писателя, который бы не обратился к этому важному для каждого из нас образу. В русском языковом сознании приоритетным является представление о доме (крове, очаге, избе, хате) как центростремительном перекрестке всех жизненных путей человека, сходящихся у родного очага [Маслова 2004: 235]. Дом — жилое пространство человека, символ семейного благополучия и богатства. Дом со всеми его символическими значениями всегда противопоставлен внешнему миру как место, способное дать защиту, укрыть от невзгод, научить, как действовать дальше в сложных обстоятельствах, напитать силой и энергией предков.

Обширный материал для работы в связи с изучением концепта «дом» дает творчество Александра Яшина. Достаточно взять ряд произведений, чтобы увидеть, насколько полно и органично в его художественный мир входит образ дома. Анализ языкового материала произведений А. Яшина

Наталья Дмитриевна Добрынина, учитель русского языка

E-mail: dobrinina.nataliya2014@yandex.ru

Муниципальное общеобразовательное учреждение «Лицей № 32» города Вологды

ул. Кирова, д. 35, Вологда, 160031, Россия

Municipal educational institution «Lyceum № 32» of the city of Vologda

35 Kirova str., Vologda, 160031, Russian Federation

Ольга Владимировна Лопатко, учитель русского языка

E-mail: olgalopatko@yandex.ru

Муниципальное общеобразовательное учреждение «Лицей № 32» города Вологды

ул. Кирова, д. 35, Вологда, 160031, Россия

Municipal educational institution «Lyceum № 32» of the city of Vologda

35 Kirova str., Vologda, 160031, Russian Federation

Ссылка для цитирования: Добрынина Н.Д., Лопатко О.В. «Животворный русский язык» (Работа над словом-концептом «дом» на материале произведений А. Яшина) // Русский язык в школе. — 2018. — № 7. — С. 31–36. DOI: 10.30515/0131-6141-2018-79-7-31-36.

позволяет подойти к изучению концепта «дом» не только как к факту языка, но и как к явлению русской языковой культуры. Работу над словом-концептом следует проводить начиная с V класса.

При исследовании репрезентации концепта «дом» в художественных текстах А. Яшина мы опираемся на технологию концептного анализа, включающую 4 этапа [Шерстобитова 2016: 115].

I этап (ассоциативно-интуитивный) актуализирует первичное восприятие концепта, систему ценностей учащихся, позволяет показать психолингвистические составляющие слова.

Учащимся дается изолированная лексема «дом» с заданием подобрать к ней ассоциации. «Дом» для детей — это здание, тепло, очаг, природа, кот, родина, мама, уют, покой, планета. Как видим, основные социокультурные аспекты слова-концепта выделены уже на эмоциональном уровне. Далее учащиеся составляют словосочетания и предложения, ориентируясь на записанный ассоциативный ряд, что позволяет увидеть эмоциональный фон, на котором рисуется сам образ дома, и настроить обучающихся на восприятие материала на разных психологических уровнях.

II этап (словарный). Рассматривая семантику слова-концепта, необходимо выделить ключевые слова для определения общезыкового значения слова (понятийного ядра концепта) и для дальнейшей интериоризации концепта.

Учащимся предлагается в группах проанализировать стихотворения А. Яшина: «Москва — Вологда», «Я давно на родине не был...», «Земной поклон», «Пустырь», «С матерью наедине», выписав строки, отражающие суть слова-концепта. Затем, работая со словарями, ответить на вопрос: «Какие значения слова-концепта “дом” встретились в контексте стихотворений А. Яшина?»

В словаре В. Даля слово *дом* зафиксировано в следующих значениях:

1) строение для житья; в городе, жилое строение; хоромы; в деревне, изба со всеми ухажми и хозяйством. Крестьянский дом, *изба*; юж. *хата*; княжеский и вообще большой, вельможеский, *палаты*, *дворец*; помещичий, в деревне, *усадьба*; маленький и плохонький, *хижина*, *лачуга*; врытый в землю, *землянка*. Умал. *домец*, *домик*, *домок*, *домочек*; *домишка*, *домишечка*; увел. *домина*, *домища*. *Держать дом*, *вести дом*, хозяйство, распорядок. *Открытый дом*, хлебосольный...;

2) семейство, семья, хозяева с домочадцами; 3) род, поколение, говоря о владетельных или высоких особах; 4) кстр., твр. дом говор. вл. *домовище*, домовина, *гроб* [Даль 1979, I: 465–467].

В «Словаре русского языка» представлены такие значения слова *дом*:

1) здание, строение, предназначенное для жилья, для размещения различных учреждений и предприятий; 2) жилое помещение, квартира, жилье; 3) семья, люди, живущие вместе, одним хозяйством; 4) династия, царствующий род; 5) *чего* или *какой*. Культурно-просветительное, научное, бытовое и т.п. государственное учреждение, а также здание, в котором оно находится; 6) *устар.* заведение, предприятие [Словарь русского языка 1999, I: 425].

Учащиеся без труда определяют значения слова-концепта «дом» в контексте приведенных стихотворений: 1) дом — родина («Москва — Вологда»); 2) здание, постройка («Я давно на родине не был...»); 3) отражение души человека («Пустырь»); 4) судьба, малая родина («Земной поклон»); 5) связь поколений, уют, семья («С матерью наедине»).

Звучащие в классе определения дают характеристику концепта, а не отдельно взятой лексемы. Школьники чувствуют, что за простым словом, которое так обыденно и понятно, скрывается множество смыслов, отражающих, с одной стороны, субъективное представление А. Яшина о доме как модели мира, а с другой — выражающих народное сознание, близкое и самим учащимся: дом — Россия, Родина, судьба, исток духовной жизни, дающий начало и направление всему жизненному пути человека.

В процессе анализа концепта «дом» учитель также может предложить учащимся подумать над буквенным образом слова и ассоциациями, с которыми связана каждая из букв. Варианты ответов разные, в зависимости от воображения учащихся, например: Д — крыша, кров; О — окно; М — мир... На основании данных ответов можно сформулировать некоторые из значений концепта: дом является местом, где человек приобретает первоначальный жизненный опыт, это окно в мир, его первая Вселенная, здесь он находится в безопасности, постигает основы народных и семейных традиций.

Учитель может направить учащихся к развитию еще одной мысли при определении буквенного образа слова: вспомнить наименование буквы Д в древнерусской

азбуке («Добро»). В результате школьники смогут связать такие концепты, как «дом» и «добро», и придут к выводу, что человек оказывается счастлив в своем доме, а счастливый человек готов нести добро окружающим.

Чтобы проиллюстрировать полученные выводы по буквенному образу слова, учащимся предлагается прослушать стихотворение А. Яшина «На Бобришном угоре», а затем описать свои впечатления и ответить на вопрос: «Какие значения приобретает слово *дом* в контексте стихотворения вологодского поэта?» Словесное иллюстрирование способствует не только ценностному осмыслению анализируемого концепта, но и развитию речи и творческих способностей учащихся.

III этап (диалог культур) — предметное и метапредметное «развертывание» концепта. Наблюдая за этимологией слова *дом*, можно увидеть, в каких значениях бытовало слово в древности. Оно восходит к общеславянскому древнеиндийского происхождения «дом» в значении «жилище, постройка, здание» (ср. др.-инд. *Dāma* «дом», греч. *Domos* «строение», лат. *Domus* «дом» и т.д. Производное от **dēmti* «строить» (ср. греч. *demo* «строю»). Но некоторые из исследователей считают, что в этом слове сошлись три древнейших корня **doma* — «владычествовать», т.е. руководить поступками домашних, **demo* — «строить, сооружать», **dem* — «дом как общественная организация», т.е. семья [Колесов 1986: 311]. Интересным фактом является и то, что первоначально основным значением слова было как раз «род, семья», а вторым — «хозяйство». По мере изменений социальных условий жизни актуализировалось то одно, то другое исконное его значение, но всегда сохранялись в нерасторжимом единстве и все остальные.

Как использовать эти этимологические сведения в работе по изучению концепта «дом»? Можно предложить учащимся на примере нескольких стихотворений и фрагментов прозы А. Яшина проанализировать, какое значение слова *дом* является основным в его творчестве. В качестве задания-исследования посоветуем ребятам подсчитать вариативность значений и частотность употребления слова-концепта в одном из сборников стихотворений А. Яшина.

Наполнение концепта зависит от многих факторов. Читая произведения А. Яшина,

подчас замечаешь органическую связь их с народной мудростью, фольклорными текстами, открываешь в ином свете старое, давно знакомое, что свидетельствует о самобытности автора, мастерском владении словом.

Пословицы и поговорки, сложившиеся в народе, призывают людей любить родной дом, заботиться о нем, беречь его. Именно родной очаг становится одним из важнейших приоритетов в жизни, где человек черпает силу семьи и получает все необходимое для счастливой жизни, что подтверждается народной мудростью. Учащимся предлагается соотнести строки из произведений автора с известными им пословицами, поговорками, фразеологизмами со словом *дом*, бытующими в языке.

- 1) Главным своим несчастьем считала, что подолгу жила не дома («Баба Яга»);
- 2) Здесь все свое, в городе все чужое («Баба Яга»);
- 3) Ведь нет всё равно ничего на свете / Милей твоего немудрого крова («С матерью наедине»);
- 4) И пусть иногда сурово / Встречает родная изба, / — Я тутошний, / Из Блуднова, / И это моя судьба («Земной поклон»);
- 5) Ни заповор не надо, / Ни замков, / Ни ограды («На Бобришном угоре»);
- 6) А объявится рядом, / Кто с недобрым поглядом, / К тем она [избушка] повернется / Не передом, / Задом («На Бобришном угоре»);
- 7) Всё в этом мире для человека, / Почему же он не понимает, / Как хорошо жить в лесу («Всё для человека»);
- 8) Никакие парки Подмосковья / Не заменят мне моих лесов («Москва — Вологда»);
- 9) А где они теперь, эти стены? <...> Уехала она из родной деревни, будто живой воды лишилась... («Подруженька»);
- 10) Все — чему сердце радо, / Все — для ума и души («Обнова»).

Для справок: В гостях хорошо, а дома лучше. Мой дом — моя крепость. Избушка на курьих ножках. В доме и стены помогают. В гостях хорошо, а дома лучше. Чувствовать себя как дома. Все дороги ведут к дому. А домик-то хоть гнилой, а свой. Отбиться от дома. Жить своим домом. Дом вести — не лапти плести. В семье разлад — так и дому не рад.

По окончании выполнения этого вида работы школьники дополняют свои представления о значениях концепта «дом» новыми сведениями: привязанность к дому, забота о нем всегда в народе считались добродетелью, дом — воплощение родного, безопасного пространства. И поэт не

отходит от этих представлений, утверждая непреходящую ценность народной мудрости.

Как уже отмечалось выше, русский народ зачастую обобщает понятия «дом» и «семья». И то и другое означает уют, безопасность, мир и согласие. В русской избе под одной крышей жили и вели общее хозяйство несколько поколений рода: деды, отцы, сыновья, внуки, а значит, и традиции дома, семьи переходили из поколения в поколение. После соотнесения изречений народной мудрости и строк из произведений А. Яшина учащиеся легко придут к выводу о том, что нужно всегда стремиться делать все возможное на благо своего дома и своих родных, а пренебрежение этими обязанностями грозит душевными терзаниями и страданиями.

В рассказе «Подруженька» А. Яшин так описывает переживания главной героини, переехавшей из деревни жить на станцию:

Вот когда пожалела Катерина Федосеевна, что покинула свое деревенское житье-бытье! Дома, говорят, и стены помогают. А где они теперь, эти стены? <...> Уехала она из родной деревни, будто живой воды лишилась, от святых даров отеклась [Яшин 1989: 436].

Люди, покидая родные места, оставляют дома. «Родные, знакомые с детства слова / Уходят из обихода...» [Яшин 1968: 232]. А. Яшин, хорошо знавший «животворный» народный язык, стремился сохранить его национальный колорит. По его мнению, «наиболее живой и современной» является та традиция, «которая питается соками живого, разговорного языка» [Попова-Яшина 2008: 226]:

Нас к этим словам привадила мать,
Милы они с самого детства,
И я ничего не хочу уступать
Из вверенного наследства.

«Слова исчезают, как пестери, как пряницы и веретена» [Яшин 1968: 232], но А. Яшин знает, как их сохранить: он вводит диалектные слова в речевой оборот своих литературных героев.

Особого внимания заслуживает повесть «Сирота» с красочными, живописно яркими картинками северного быта. Используя диалектные слова, писатель создает образ всеми забытого деревенского дома. Учащиеся выполняют задание восстановить текст А. Яшина, вставив на месте пропусков слова (в тексте они выделены):

Изба, в которой Павел должен был прожить несколько лет, была совершенно такой же, как все деревенские избы: при входе, над головой, — **полати**; от входа справа — большая русская печь, при ней лежанка-**подтопок** на время зимних морозов; за **пекаркой** — кухня, кое-где ее зовут **кутьей**; там **чело** — там стряпают, варят, разливают парное молоко, стирают белье; там же вход в **подполье**, в **голбец**, — это либо дверь между стеной и печкой, либо **западня** прямо на середине пола и спуск под пол, как в трюм парохода. В кухне же — **суденка**, вроде низкого посудного шкафа, набитая до отказа блюдами, глиняными плошками, алюминиевыми тарелками и чайными чашками, а чуть повыше — **поллицы** с глиняными горшками и кринками, с подойницей, с чугунами. От главной половины избы кухня отделена дощатой **заборкой** (в иных избах — занавеской). В этой главной половине напротив входа — **сутный угол**, в котором вперемежку с иконами висят портреты разных больших и небольших людей, а по обе стороны от обеденного стола тянутся вдоль стен массивные сосновые лавки-скамьи» [Яшин 1979: 232–233].

Для справок.

Голбец, м. Деревянная пристройка к русской печи в виде большого шкафа с дверцей, «комнатки», внутри с лестницей, ведущей в подполье.

Заборка, и, ж. Деревянная перегородка, отделяющая одну часть избы от другой, обычно не доходящая до потолка.

Западня, й, ж. 1. Подполье, погреб. 2. Входное отверстие в подполье, погреб. 3. Дверца, закрывающая вход в подполье, погреб.

Кутья, й, ж. Кухня в крестьянском доме.

Пекарка, и, ж. Русская печь.

Подполье, я, ср. Помещение под полом дома, подвал.

Подтопок, пка, м. 1. Пристроенная сбоку к русской печи и имеющая с ней общий дымоход плита, с конфорками в верхней металлической доске. 2. Часть печи, где сжигается топливо; топка. 3. То же, что подпечек во 2-м знач. Пространство в нижней части русской печи, расположенное под шестком и прикрытое дверцами или доской; служит для хранения дров, домашней утвари и т. п. 4. Отверстие под топкой, через которое поступает воздух для усиления тяги при горении, поддувало.

Полати, ей. Лежанка, устроенная между стеной избы и русской печью; деревянные настилы, сооружаемые под потолком.

Поллица, ы, ж. 1. Широкая полка, идущая над лавками вдоль стен в крестьянском доме. 2. Навесной открытый шкафчик для посуды.

Суденка, и, ж. 1. Напольный шкаф для посуды. 2. Полка для посуды. 3. Низкий шкаф для хранения продуктов (чаще в сенах).

Сутный угол. Передний угол в избе, в котором находились иконы и стол, куда сажали почетных гостей.

Чело, а, ж. Наружное отверстие русской печи [Словарь вологодских говоров 1983–2007].

В индивидуально-авторском концепте «дом» четко выражен ценностный компонент.

Использование стилистических синонимов слова *дом*, эпитетов не только отражает разное отношение персонажа к дому, но и характеризует самого хозяина («дом походил на своего хозяина»). Это можно увидеть, прочитав примеры из произведений А. Яшина, написав синонимы и эпитеты к слову *дом* в таблице 1.

Таблица 1

Использование синонимов и эпитетов как средство характеристики персонажа, изображения его отношения к дому

Примеры	Синонимы к слову <i>дом</i>	Эпитеты
И пусть иногда сурово Встречает родная изба, – Я тугошний, Из Блуднова, И это моя судьба. («Земной поклон») [Яшин 1968: 39]	Изба	Родная
Ни заповров не надо, Ни замков, Ни ограды. Добрим людям избушка Круглый год будет рада. («На Бобришном угоре») [Там же: 193]	Избушка	
Обкорнанный, обезображенный мамынский дом стал напоминать инвалида на костылях; его так и прозвали: «увечный». («Сирота») [Яшин 1979: 334]		Обкорнанный обезображенный увечный
Горница же, оклеенная бумажными обоями, напоминала больше квартиру районного служащего, чем деревенскую избу. («Сирота») [Яшин 1979: 266]	Горница	
Устинья сколько ни работает, как ни гнет спину – оглянется: все будто чужое, все будто на чужих хлебах и под чужим кровом живет. («Баба Яга») [Яшин 1989: 172]	Кров	Чужой

Отражая многообразие явлений окружающей действительности, индивидуально-авторский концепт «дом» в творчестве Яшина репрезентирует системные отношения, проявляющиеся в первую очередь

в лексике. Убедиться в этом учащиеся смогут, проанализировав стихотворение «Обнова». Предлагается заполнить таблицу 2 примерами из текста.

Таблица 2

Системные связи слова-концепта «дом» в стихотворении А. Яшина «Обнова»

Синонимы	Однокоренные слова	Лексико-синтаксические связи	Тематическое поле	Индивидуально-речевой образный смысл
Терем-теремок	Домок	Охотничий домок	Крыша Пол Потолок Косяки Рамы Углы Крыльцо Желоб Конек	Обнова Новый ориентир

Несколько стихотворений А. Яшина включает в себя употребление слова-концепта «дом» в ряду с однокоренными и синонимичными словами: *избушка* («На Бобришном угоре»), *изба* («В бору случилось невозможное»), *(наш) угол* («С матерью наедине»), *домик* («Спасибо солнцу»), *домой* («Покормите птиц»), *дома* («Москва – Вологда»). Подбор указанных групп слов и определение их экспрессивной окраски способствуют более четкому осмыслению концепта, выраженного языковыми средствами, что воспитывает ценностное отношение к языковым единицам, способствует формированию отношения к родному языку как национальной сокровищнице, приобретает к сложившимся нравственным, эстетическим идеалам русского народа.

IV этап (концептуальный) отражает «построение» («собрание» смыслов) концепта. Работает воображение, «выделяются лакуны для создания открытий на уровне ученических исследований».

По окончании анализа слова-концепта «дом» на материале творчества А. Яшина учащиеся составляют кластер, который отражает основные значения изучаемого концепта; используя сведения о концептуальном портрете слова *дом*, размышляют, почему истоком человеческой жизни и жизни духовной является отчий дом.

Интересным будет для учащихся и следующее задание.

У В. Белова в «Бобришном угоре», рассказе-воспоминании о пребывании в гостях у Яшина, есть слова: «... ты принес из сенец дров и затопил печь. И огонь словно вдохнул душу в домик на Бобришном угоре» [Белов 2007: 55]. У А. Яшина в повести «Баба Яга» читаем: «Печь – сердце дома. Пока печь не сложена, избы еще нет. Печь не затоплена – и дом еще не живет, не пахнет живым духом. Он вроде еще не освящен. А затопят русскую печь, и будет она теплой, пока дом живет...» [Яшин 1989: 186–187]. Можно ли говорить о том, что В. Белов вслед за А. Яшиным одушевляет дом, считает его сродни человеку?

В наше время, когда многие понятия теряют свой первоначальный смысл, представления о слове деформируются, важной в школе становится работа над концептом через обращение к художественному миру поэтов и прозаиков, описывающих путь к истокам, воспитывающих уважение к народным традициям, любовь к животворному русскому языку.

ЛИТЕРАТУРА

Белов В.И. Привычное дело. Рассказы. – М., 2007.

Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. – М., 1979. – Т. 1. – С. 465–467.

Колесов В.В. Мир человека в слове Древней Руси. – Л., 1986.

Маслова В.А. Когнитивная лингвистика: учеб. пособие. – Минск, 2004.

Попова-Яшина Н. Александр Яшин. О языке // Вологодский лад. – 2008. – № 8. – С. 226.

Словарь вологодских говоров: учеб. пособие по русской диалектологии. – Вологда, 1983–2007.

Словарь русского языка: в 4 т. – 4-е изд., стер. – М., 1999. – Т. 1: А–Й.

Шерстобитова И.А. Концепт в методике преподавания русского языка как иностранного // Педагогическое образование в России. – 2016. – № 11. – С. 114–119.

Шмелев А.Д. Русская языковая модель мира: материалы к словарю. – М., 2002.

Яшин А.Я. Бессонница: лирика. – М., 1968.

Яшин А.Я. Журавли: Книга прозы / сост. Ю.Г. Буртин, З.К. Яшина, М.А. Яшин. – М., 1979.

Яшин А.Я. Земляки: Повести, рассказы, из дневника писателя. – М., 1989.

REFERENCES

Belov V.I. Privychnoe delo. Stories, Moskva, 2007.

Dal' V.I. Tolkovyi slovar' zhivogo velikorusskogo yazyka: in 4 vol., Moskva, 1979, vol. 1, pp. 465–467.

Kolesov V.V. Mir cheloveka v slove Drevnei Rusi, Leningrad, 1986.

Maslova V.A. Kognitivnaya lingvistika: study guide, Minsk, 2004.

Popova-Yashina N. Aleksandr Yashin. O yazyke, in *Vologodskii lad*, No.8 2008, p. 226.

Slovar' vologodskikh govorov: Study guide on Russian dialectology, Vologda, 1983–2007.

Slovar' russkogo yazyka: in 4 vol., 4th issue, ster., Moskva., 1999, vol. 1, A–J.

Sherstobitova I.A. Kontsept v metodike prepodavaniya russkogo yazyka kak inostrannogo, in *Pedagogicheskoe obrazovanie v Rossii*, No. 11, 2016, pp. 114–119.

Shmelev A.D. Russkaya yazykovaya model' mira: Material for dictionary, Moskva, 2002.

Yashin A.Ya. Bessonnitsa: lyrics, Moskva, 1968.

Yashin A.Ya. Zhuravli: Kniga prozy, comp. Yu.G. Burtin, Z.K. Yaashina, M.A. Yashin, Moskva, 1979.

Yashin A.Ya. Zemlyaki: Short novels, stories, from writer's diary, Moskva, 1989.

О работе с лексемами *собор*, *храм* на уроках русского языка

Целью исследования является изучение методов работы по обогащению словарного запаса учащихся на уроках русского языка в V классе. В работе использовался следующий методический инструментарий: дескриптивный метод, или метод лингвистического описания, представленный такими приемами, как сбор, обработка и интерпретация материала; прием опроса информантов (учащихся).

К числу основных результатов, обсуждаемых в данной статье, относятся следующие: подбор языкового материала при лексической работе с учащимися V класса на уроках русского языка может основываться на менталеобразующей функции образования.

Исследование показало, что при работе с лексемами *собор*, *храм* могут быть использованы следующие методы работы: устное толкование лексического значения слова детьми; уточнение лексического значения слова, которое дает учитель; уточнение лексического значения по толковому словарю; этимологическая работа с привлечением иллюстративного материала; привлечение для работы с лексемами материалов экскурсий. Работая над обогащением словарного запаса учащихся, обеспечивая усвоение лингвистических знаний в менталеобразующем аспекте, педагог способствует формированию духовно-нравственных идеалов, на которых и основывается общечеловеческая мораль.

Ключевые слова: *лексическая работа; русский язык; значение слова; словарный запас учащихся.*

Mariya A. Yaschenko

About the Work with Lexical Items *Sobor*, *Khram* at Russian Language Lessons.

The aim of research is studying of vocabulary increase methods for the 5th grade students at Russian language lessons. Such methods were used in the work as descriptive method or methods of linguistic description presented by acquisition, handling and interpretation of information, as well as enquiry of the students. The main achievements are selection at Russian language lessons can be based on the stamp-of-mind function of education. This approach is realized during enrichment of students' vocabulary by study of section "Morphology", by study of epithet, that can be represented in the Section "Noun", "Adjective" during teaching the 5th grade students of connected speech.

The research showed that the following work methods as verbal interpretation of lexical meaning by children; specification of lexical meaning, which is given by a teacher; specification of lexical meaning with a dictionary; etymological work with use of illustrative material; use of information from excursions can be used during work with lexical items "Sobor", "Khram". A teacher helps developing of moral and spiritual values by means of students' vocabulary enrichment and acquisition of linguistics knowledge.

Key words: *work with vocabulary; Russian language; word meaning; students' vocabulary.*

Полноценное овладение навыками речи предполагает умение точно, ясно, последовательно выразить мысли и довести их до понимания слушателя (или читателя), используя при этом из стилистических богатств языка те средства, которые придадут речи большую доходчивость и действенность

Мария Александровна Ященко, кандидат филологических наук, доцент кафедры отечественной филологии и прикладных коммуникаций

E-mail: mayaschenko1808@yandex.ru

ФГБОУ ВО «Череповецкий государственный университет»

пр-т Луначарского, д. 5, Череповец, Вологодская обл., 162600, Россия

Cherepovets State University

5 Lunacharskii pr., Cherepovets, Vologda region, 162600, Russian Federation

Ссылка для цитирования: Ященко М.А. О работе с лексемами *собор*, *храм* на уроках русского языка // Русский язык в школе. – 2018. – № 7. – С. 37–39. DOI: 10.30515/0131-6141-2018-79-7-37-39.

соответственно цели высказывания. У школьников (учащихся) этот навык формируется, естественно, не сразу. Необходимыми предпосылками его образования являются: овладение строем родного языка, его грамматическими нормами и достаточный запас слов в активном словаре ученика. Знание грамматического строя родного языка, его особенностей и закономерностей и умение сознательно пользоваться знаниями приобретаются учащимися систематически, в соответствии с установленными программами по данному учебному предмету, на протяжении всего периода обучения в школе.

Другой основой развития речи является расширение запаса слов. Элементы словарной работы находят место на уроках русского языка в связи с изучением грамматики и правописания, на уроках литературы при анализе художественного текста. Список слов, семантику которых должен знать ребенок и правильно употреблять

их в речи, определяется исходя из разных целей. В одних случаях методисты берут за основу грамматико-орфографические трудности слов, в других — смысловую ценность того или иного слова [Баранов и др. 1990: 237]. Оба направления актуальны, решают свои специфические задачи.

В настоящее время, работая над обогащением словарного запаса учащихся, учителя опираются на словарь текстов учебников по русскому языку, на изучаемые литературные произведения, на словарь текстов для изложения и предположительный словарь тем сочинений. Основу обогащения словарного запаса учащихся составляют тематические и лексико-семантические группы слов. Известно, что уроки русского языка создают ту базу, на которую должны опираться учителя-предметники для успешного решения задачи развития речи учащихся на межпредметном уровне.

Учитывая межпредметно-коммуникативный принцип отбора тематических групп слов для лексической работы, методисты выделяют следующие тематические группы слов: общественно-политическая лексика, морально-этическая, спортивная, лексика гигиены и здравоохранения, искусства и культуры, военная лексика, лексика права и труда [Пам же: 240]. Однако мы полагаем, что необходимо расширить набор лексем для работы с учащимися. В менталитете отражаются многообразные аспекты человеческой жизнедеятельности: культура, традиции, образ жизни, религиозные представления, язык [Богданова 2015, Электронный ресурс]. Культурологический подход к образованию, к воспитанию позволяет нам обратиться к русской культуре и ее нравственным ценностям.

Реализацию данного подхода применительно к учебному предмету «Русский язык» мы покажем, опираясь на опыт работы заслуженного учителя РФ, учителя высшей категории школы № 3 им. А.А. Потапова г. Череповца Ященко Ирины Борисовны. Для примера мы рассматриваем работу над лексемами *собор*, *храм*. В учебнике «Русский язык. 5 класс» (Т.А. Ладыженская, М.Т. Баранов и др.) имеется «Толковый словарь», насчитывающий около 117 слов [Ладыженская и др. 2013: 156]. Указанные выше лексемы не входят в его состав, но встречаются в некоторых текстах упражнений. Например, при изучении имен существительных собственных и нарицательных педагог проводит целенаправленную словарную работу, используя упр. 498 на с. 55. Учитель предлагает

школьникам подумать о значении слова *собор*, подбирая к нему однокоренные слова. Ученики дают свои ответы, например, *собирать*, *соборный*, *собрание*, *Соборная* (горка), *соборование*. Далее педагог предлагает прочитать текст, подумать над значением выделенных слов.

В давние времена случился великий голод в России. Когда бедствие миновало, князь Иван Калита в благодарность Богу за освобождение от этой небесной кары решил построить *собор*. Назвали его Архангельским. Хорошее решение принял князь Иван Калита, но тяжело одному находить ответы на многие вопросы. Постепенно верующие и епископы (начальники священников) стали собираться для обсуждения вопросов религии и нравственности. Такое собрание получило название *Поместный собор*. А при принятии важных жизненных решений слали гонцов во все концы земли русской, приглашая народ на *Земский собор*. Так на Руси XVI века московские правители советовались с состоятельными людьми того времени.

Педагог спрашивает у учащихся, что построил князь Иван Калита? Что означает это слово? (Собор — это место, куда люди приходят, собираются для молитвы. Это большой храм в городе или монастыре.) Учащиеся рассматривают иллюстрации и по ходу обсуждения устанавливают, для чего люди созывались на Поместный собор, какие вопросы решали на Земском соборе. Учащиеся самостоятельно приходят к выводу, почему в Словаре В.И. Даля значение слова *собор* указывается в словарной статье, посвященной слову *собирать*.

Учитель обращает внимание учащихся на то, что существуют многозначные слова. Знание значений слов помогает нам не только правильно употреблять их в речи, но и открывает страницы истории, культуры нашей страны. В качестве домашнего задания педагог предлагает детям написать сочинение-миниатюру о Воскресенском соборе города Череповца.

Культурологический подход к речевому развитию школьников находит свое место на уроках русского языка, связанных с изучением морфологии, орфографии. Например, при повторении падежных окончаний имен существительных педагог обращает внимание на упр. 560, в котором рассказывается о деятельности Александра Невского. Учитель предлагает детям прочитать упражнение и ответить на вопросы:

1) Почему все области хотели иметь Александра Невского своим князем.

2) После чего у войска появилась вера в победу? Найдите предложение, подтверждающее вашу мысль.

3) Какой синоним, имеющий приподнятый, торжественный характер, можно подобрать к слову *церковь*?

Далее учитель спрашивает детей, как раньше называли большой, богатый дом. (*Хоромы*.) Педагог показывает слайд с изображением богатого дома. Затем учащиеся узнают о происхождении слова *храм*. Старославянизм *храм* связан с собственно русским словом *хоромы*, что означает «здание, дом». Храм представляет собой архитектурное здание или сооружение, предназначенное для совершения богослужения. Храм также называют церковью.

В качестве домашнего задания детям предлагается записать лексическое значение слова *храм* в тетрадь и вспомнить, в честь кого, каких праздников названы храмы в Череповце. При проверке домашнего задания учитель обращает внимание учащихся на то, что слово *храм*, помимо основного значения, имеет переносное: место, внушающее по каким-либо причинам чувство глубокого почтения, благоговения.

Анализируя опыт работы заслуженного учителя И.Б. Яценко, мы видим, что педагог в своей деятельности отводит определенное место менталеобразующим возможностям учебной дисциплины. Учитель, работая с учащимися над лексемами *собор*, *храм*, стремится подбирать языковой материал, способствующий формированию менталитета подрастающего поколения. Приведем отрывок беседы, посвященной фрагменту рассказа В.М. Шукшина «Мастер» [Шукшин 1975: 209–218].

Как-то в выходной день Семка опять пошел к Талицкой церкви. Сел на кособок, стал внимательно смотреть на нее. Тишина и покой кругом. Тихо в деревне. И стоит в зелени белая красавица... столько лет стоит!.. молчит. Много-много раз видела она, как восходит и заходит солнце, полоскали ее дожди, заносили снега... Но вот... стоит. Кому на радость? О чем же думал тот неведомый мастер, оставляя после себя эту светлую каменную сказку? Как песню спел человек, и спел хорошо. Зачем надо было? Он сам не знал. Так просила душа.

Семка сидел в церкви, пока пятно света на каменном полу не подкралось к его ногам. Он вылез из церкви и пошел домой.

— Определите основную мысль текста. (Радость, восхищение, восторг.)

— Найдите ключевые слова, определяющие основную мысль отрывка. (*Церковь, деревня, мастер, душа*.)

— Подтвердите свою мысль словами из текста.

Учащиеся находят подтверждения в тексте. Далее учитель предлагает детям подумать и ответить на вопрос, какое впечатление произвела на Семку Талицкая церковь. Помогая учащимся ярче представить и передать впечатление Семки от увиденного, педагог предлагает учащимся подобрать эпитеты к слову *церковь*.

Дети подбирают эпитеты: *белокаменная, златоглавая, молчаливая, пустынная, тихая, радостная, торжественная, таинственная* и др.

Итак, опыт работы заслуженного учителя РФ И.Б. Яценко позволяет нам сделать вывод о том, что, работая над обогащением словарного запаса учащихся, обеспечивая усвоение лингвистических знаний в менталеобразующем аспекте, педагог способствует формированию духовно-нравственных идеалов, на которых и основывается общечеловеческая мораль.

ЛИТЕРАТУРА

Богданова А.А. Менталеобразующие функции социально-гуманитарного знания // Современные проблемы науки и образования. — 2015. — № 5 [Электронный ресурс]. — URL: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=21772> (дата обращения: 03.04.2018).

Методика преподавания русского языка / М.Т. Баранов, Т.А. Ладыженская, М.Р. Львов и др.; под ред. М.Т. Баранова. — М., 1990.

Русский язык. 5 класс: учебник для общеобразовательных учреждений: в 2 ч. / Т.А. Ладыженская, М.Т. Баранов и др.; науч. ред. Н.М. Шанский. — М., 2013.

Шукшин В.М. Беседы при ясной луне // Шукшин В.М. Рассказы. — М., 1975. — С. 209–218.

REFERENCES

Bogdanova A.A. Mentaleobrazuyushhie funktsii social'no-gumanitarnogo znaniya, in *Sovremennye problemy nauki i obrazovaniya*, No. 5, 2015. Available at: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=21772> (03.04.2018).

Metodika prepodavaniya russkogo yazyka, ed. M.T. Baranov, Moskva, 1990.

Russkii yazyk. 5th grade. Textbook for general education institutions, in 2 p., Moskva, 2013.

Shukshin V.M. Besedy pri yasnoi lune, Moskva, 1975, pp. 209–218.

ВНЕКЛАССНАЯ РАБОТА

DOI: 10.30515/0131-6141-2018-79-7-40-44

О.В. ФРОЛОВА

Использование игр с карточками при изучении художественных тропов (На материале стихотворений Н.М. Рубцова)

Используя жизнеутверждающий потенциал поэтических строчек Н.М. Рубцова, тренировать школьников VI–VIII классов в определении художественных тропов: эпитета, сравнения, метафоры.

Ключевые слова: эпитет; сравнения; метафора; Н.М. Рубцов; отработка навыков; дидактическая игра.

Olga V. Frolova

Use of Cards Games during Studying of Artistic Tropes (According to Material of Lyrics by N.M. Rubtsov).

The author offers to train schoolchildren of 6–8th forms to define artistic tropes such as epithet, comparison, metaphor by using of the potential of N.M. Rubtsov's lyrics.

Key words: epithet; comparison; metaphor; N.M. Rubtsov; skills training; didactic game.

Трудность общения с современными школьниками чаще всего вызвана их способностью понимать сказанное исключительно в прямом значении. Есть «два принципиально различных способа познания мира — понятийное и образное. Познавая мир, человек создает о предметах и явлениях действительности понятия и образы. Понятие — это общая мысль о предмете, идея предмета, его сущность. Образ, упрощенно говоря, — это картина предмета, воспринимаемого нашими чувствами» [Солганик 2001: 47]. Способствуя пониманию метафорического лексического переноса, развивая представление о сущности образа, мы тем самым раздвигаем

границы картины мира и формируем сферу чувств у ребенка. «Изобразительной называют речь, способную вызвать конкретное представление, создавать яркие (зрительные, слуховые, вкусовые и др.) образы. Такая речь рождает эмоциональный отклик в душе читателя, сопереживание и потому лучше сохраняется в памяти» [Головкина, Смольников 2010: 198].

Игровые формы работы позволяют учителю ограничиться объяснением теории, а практический навык по определению типа тропа школьники смогут нарабатывать самостоятельно. В основе игровых заданий на карточках — исследование текстовых поэтических примеров и понимание оригинальности словесных образов. Различение художественных приемов по наименованию — первый шаг к осмысленному использованию их в речи: осознанию их сущности, целесообразности, уместности и точности.

Характеристика основных тропов и подробная их классификация приведены в пособиях С.Х. Головкиной и С.Н. Смольникова «Лингвистический анализ текста» в главе «Словесные образы в тексте» [Там же: 198–230], И.Б. Голуб в главе «Лексические образные средства» [Голуб 2001: 130–151]. Емкие определения и яркие примеры приводятся в учебных пособиях Г.И. Канакиной

Ольга Валентиновна Фролова, учитель

E-mail: olgafrolova777@yandex.ru

Муниципальное общеобразовательное учреждение «Лицей № 32» города Вологды

ул. Кирова, д. 35, Вологда, 160031, Россия

Municipal educational institution «Lyceum № 32» of the city of Vologda

35 Kirova str., Vologda, 160031, Russian Federation

Ссылка для цитирования: Фролова О.В. Использование игр с карточками при изучении художественных тропов (На материале стихотворений Н.М. Рубцова) // Русский язык в школе. — 2018. — № 7. — С. 40–44. DOI: 10.30515/0131-6141-2018-79-7-40-44.

и И.Г. Родионовой [Канакина, Родионова 2012: 60–67], Г.Я. Солганика [Солганик 2001: 47–61] и др.

Задания, предложенные в статье, рассчитаны на отработку навыка определения эпитета, сравнения и метафоры, а также олицетворения как частного случая метафоры. Остальные приемы, используемые в приводимых в статье стихотворных фрагментах, лишь называются. Перед работой учитель напоминает учащимся VI–VIII классов только самые общие понятия для определения художественных приемов и способы их выражения, например:

- эпитет — образное определение, эпитет в языке чаще выражен прилагательным, причастием или наречием; рождение образа связано с процессом восприятия или формирования отношения к предмету, осмысления его;

- при определении сравнения обращаем внимание учеников на такие языковые приемы выражения сравнения, как: 1) форма существительного в Т. п. и 2) сравнительные союзы (*как, будто, как будто, словно, точно*), и то, что следует за союзом далее: а) слово (= сравнительный оборот), б) основа предложения (= сравнительное придаточное), в) слово или слова, воспринимаемые как одно понятие (= фразеологический оборот);

- метафора — скрытое сравнение; чаще выражена глаголом-сказуемым или существительным в Р. п.;

- олицетворение — антропоморфная метафора, т.е. свойства, качества, действия человека приписываются другому, как правило, неодушевленному объекту.

Ведущая тема лирики Н.М. Рубцова ограничена взаимоотношениями природы и человека. В художественном мире поэта, как верно отмечает С.Ю. Баранов, Россия, русский народ, национальная история представлены в зримых и осязаемых образах малой родины, более того: «Выявление сути большого через слияние с малым — характерная черта образного мышления Н.М. Рубцова <...> вопреки расхожей формуле, большое в поэзии Рубцова видится не на расстоянии, а при максимальном приближении» [Баранов 2016: 290]. Природа — родина — человек взаимосвязаны, одно не мыслится без другого.

Предлагаемые приемы работы больше подходят для проведения внеурочных занятий (например, «Осень и зима в поэзии Н.М. Рубцова», «Сравнение,

олицетворение, эпитет и метафора») в VI–VIII классах, так как предполагается элемент соревнования при групповой форме организации занятия. Чтобы результаты работы групп были понятны участникам, лучше заранее создать «жюри», пригласив в него родителей и старшеклассников. Но при подведении итогов необходимо подчеркнуть, что победителями оказались все, потому что в процессе работы развивали языковую интуицию, учились сотрудничать в команде, а также соприкоснулись с прекрасными поэтическими строками, ощутили богатство родного языка, углубили свое знание о нем.

Задание на внимание: «Наше! 100%». Дети, поделившиеся на команды, должны определить лишь тот художественный прием, который выпал им при жеребьевке: эпитет, метафора, сравнение. Ведущий выразительно читает стихотворный текст первый раз, затем, читая во второй раз по строчкам или фрагментам, голосом выделяет тот или иной художественный прием (при этом страница с текстом разделена на задуманные фрагменты). Команда, правильно определившая называемый прием как свой, получает эту строчку себе. Итог подводится по полноте и точности ответов. Недостающие и лишние ответы «вычитаются» из 100%. Например, в стихотворении Н.М. Рубцова «Осень! Летит по дорогам...» 3 метафоры = 100%, 7 эпитетов = 100%, 1 сравнение = 100%¹.

Осень! Летит по дорогам **осени выюга и стон!**
(метафоры)

Каркает около стога стая **озябших** ворон,
(эпитет)

Скользкой, неровной тропой в зарослях
пасмурных ив
(эпитет)

лошадь идет с водопоя,

голову вниз опустив.

Мелкий, **дремотный**, без меры, (эпитет)

словно из множества сит, (сравнение)

Дождик **знобящий** и **серый** (эпитеты)

все моросит, моросит...

Жнивы*, деревья и стены

в мокрых **сетях полутьмы** (метафора)

словно бы ждут перемены **—

чистой, веселой зимы (эпитет) [Рубцов 2016: 8].

¹ Все стихотворные цитаты приводятся по стихотворному сборнику Н.М. Рубцова «Душа хранит» [Рубцов 2016], приуроченному к 80-летию со дня рождения поэта.

(**Жнива* – сжатое поле, на котором убраны злаки (сжаты зерновые)).

**Сложные, неоднозначные случаи, которые школьники могут ошибочно принять за какой-либо прием в этом типе игровых заданий следует пропустить. В предложении: «Жнивы, деревья и стены... словно бы ждут перемены» – *словно* употребляется между однородными подлежащими и сказуемым; в данном контексте нет сопоставления либо уподобления объектов по элементу сравнения, а потому правильнее считать эту строчку антропоморфной метафорой, или олицетворением. Слово *словно* используется для выражения субъективной модальности в качестве частицы со значением «вроде бы».)

Задание «Кто смел, тот и успел» похоже на предыдущее. Отличается оно тем,

что при повторном построчном чтении делается пауза, а строчку получает команда, первой правильно назвавшая художественный или языковой прием (так легко посчитать результат игры). Возможна и другая организация работы: за определенное время (7–10 минут) команды, ориентируясь на выделенные слова, напротив стихотворной строки записывают название тропа или языкового приема, создающего поэтическую выразительность. За правильный ответ начисляется 1 балл, за неверный – снимается 1 балл. При чтении стихотворения Н.М. Рубцова «Первый снег» [Рубцов 2016: 11] требуется минимальный смысловой комментарий, оно близко и понятно детям, а потому может быть использовано при выполнении задания на определение текстовых художественных приемов.

Таблица 1

Строчка(-и) из стихотворения Н.М. Рубцова «Первый снег»	Ответ ученика
Ах, кто не любит первый снег!	Риторическое восклицание, начинающееся с междометия
В замерзших руслах тихих рек,	Эпитет (в лексическом строе стихотворения контекстуальные синонимы)
В полях, в селеньях и в бору, Слегка гудящем на ветру!	Однородные члены (передают значение 'везде') Эпитет реализуется как причастный оборот, передающий признак по действию: бор слегка гудит на ветру
В деревне празднуют дожинки И на гармонь летят снежинки	Диалектное слово; <i>дожинки</i> – последний день жатвы, отмечающийся как праздник [Словарь 2011: 67]; Полная женская ямбическая рифма словно соответствует женской пляске
И весь в светящемся снегу	Эпитет
Лось замирает на бегу На отдаленном берегу	Звукопись рифмовки передает звук ветра Эпитет
Зачем ты держишь кнут в ладони?	Риторическое вопрос
Легко в упряжке скачут кони, И по дорогам, меж полей, Как стаи белых голубей, Взлетает снег из-под саней...	Сравнение Многоточие словно обрывает поэтическую речь, позволяет продолжить любоваться прелестью природы и наслаждаться и первым снегом, и первым «зимним» катанием на лошадях
Ах, кто не любит первый снег! В замерзших руслах тихих рек В полях, в селеньях и в бору, Слегка гудящем на ветру!	Повторение 1 строфы, рефрен словно окольцовывает стихотворение, выводит из «задумчивости» многоточия, возвращая ощущение восторга

Стихотворение Н.М. Рубцова «Январское» построено с использованием приема олицетворения. Развернутая антропоморфная глагольная метафора, на которой основан текст стихотворения, позволяет предложить учащимся разные задания от: «Посчитайте, сколько глаголов и глагольных форм используется при создании образа Мороза (развлекательный грамматический аукцион, в котором побеждает команда, давшая

самый близкий к правильному ответ – 16 слов)» до: «Восстановите авторский текст, вставьте пропущенные глагольные формы». Пропущенные слова команда получает на карточках, сложенных в произвольной последовательности. По завершении восстановления поэтического текста возможен мини-конкурс на выразительное чтение.

Работа с деформированным текстом способствует развитию чувства ритма,

акцентирует внимание на важных для понимания смысла словах и тренирует память для дальнейшего заучивания наизусть. В стихотворении «Зимняя песня» преобладают эпитеты — прилагательные и причастия, в стихотворении «Доволен я буквально всем!» полнота ощущения от гармонии

мира передается с помощью существительных. Поэтому пропуск грамматически значимых частей речи позволяет использовать и эти стихотворения при выполнении задания, направленного на восстановление авторского текста.

Таблица 2

Деформированный текст	Н.М. Рубцов «Январское»
Мороз под звездочками светлыми По лугу белому, по лесу ли _____, _____ ветками, Снежком _____ весело. И все под елками _____, И все за елками _____, — Снежком атласным _____! И в новогодний путь — _____! А после сам _____, В мальчишку вдруг _____ И сам на праздник _____: — Кому невесело гуляется? — Лесами темными и грозными _____ вперед с дарами редкими, И все _____ звездами, И все _____ ветками, И льдинки отвечают звонами, А он _____*, _____* к народу С шампанским, с музыкой, с поклонами Спокойно прожитому году; Со всеми _____ он и _____, И жизнь в короткой этой праздности Как будто снова начинается — С морозной свежести и ясности! *Слово повторяется	Мороз под звездочками светлыми По лугу белому, по лесу ли Идет, поигрывая ветками, Снежком поскрипывая весело. И все под елками похаживает , И все за елками ухаживает , — Снежком атласным принаряживает ! И в новогодний путь — проваживает ! А после сам принаряжается , В мальчишку вдруг преображается И сам на праздник отправляется : — Кому невесело гуляется? — Лесами темными и грозными Бежит вперед с дарами редкими, И все подмигивает звездами, И все поигрывает ветками, И льдинки отвечают звонами, А он спешит, спешит к народу С шампанским, с музыкой, с поклонами Спокойно прожитому году; Со всеми дружит он и знается , И жизнь в короткой этой праздности Как будто снова начинается — С морозной свежести и ясности!
Идет, поигрывая, поскрипывая, похаживает, ухаживает, наряжает, проваживает, наряжается, преображается, отправляется, бежит, подмигивает, поигрывает, спешит, дружит, знает-ся (16 слов)	

В поэтических строчках Н.М. Рубцова слово в переносном значении органично встроено в текст. Появление метафоры, а тем более олицетворения подготовлено предыдущими словами в прямом значении, сдвиг лексического значения в сторону образности, как правило, незначителен, зачастую о нем говорят лишь рядом стоящие слова, распространенная метафора создается поэтом за счет эпитетов или сравнения. Задание «Калейдоскоп рифм» может быть предложено для определения как одного, так и всех использованных художественных приемов: команды тянут карточки с поэтическими фрагментами, читают их и называют художественный прием (или все приемы). Дополнительное задание по «Переводу с поэтического на критический прозаический» позволит учащимся примерить роль

литературного критика: понять мироощущение поэта, почувствовать на себе разницу обыденно-бытового восприятия жизни и художественного. Оно учит комментировать поэтический текст, адекватно его понимать. Но подобную языковую вольность имеет право предлагать учитель-профессионал только чутким к слову детям, иначе есть опасность обратного эффекта.

Возможна и другая организация работы — игра по кругу в поэтическое лото: команда кладет карточку, называет используемые приемы (можно усложнить условия — комментирует уместность использования данного приема и обоснованность образа в контексте), а затем называет следующий прием для другой команды. В этом случае команды получают равный комплект карточек.

Таблица 3

№	Строчки из стихотворений Н.М. Рубцова	Ответ ученика
1	Творя бессмертное творенье , Смирная бойких рифм дожди , Тружусь. («Мой чинный двор ...», 1960) [Рубцов 2016: 38]	Самоирония / каламбур за счет однокоренных слов развернутая метафора
2	...Клен у забора качался И, продрогнув насквозь , иногда К нам в окно осторожно стучался . Он, наверно, просился к теплу , Нас увидев в просвете за шторой. («Матери», 1957) [Там же: 14]	Развернутая метафора олицетворение
3	А у нас в деревне у оград С ветром и дождем шумел, как улей , Вот такой же желтый листопад... («Березы», 1957) [Там же: 16]	Сравнение эпитет
4	С неотразимым чувством восхищенья Я безотчетно море полюбил. Любил я свист кочующего шторма, Картавых птиц над дюнами любил. («Родное море», 1958) [Там же: 18]	Эпитеты
5	Нахмуренное , с прозеленью небо, Во мгле, как декорации, дома , Асфальт и воздух Пахнут мокрым снегом, И веет мокрым холодом зима. («Оттепель», 1959) [Там же: 28]	Эпитет сравнение эпитет

Правильно говорить и писать учит грамматика, но точно выразить свою мысль может лишь человек, приобщившийся к образности, изначально заложенной в многообразии лексических значений, оттенков и переходов смысла русского слова. Осваивая тропы и фигуры, школьники начинают лучше понимать богатство родного языка.

ЛИТЕРАТУРА

Вологодское словечко: школьный словарь диалектной лексики / отв. ред. Л.Ю. Зорина. — 2-е изд., исправл. и доп. — Вологда, 2011 [Словарь].

Баранов С.Ю. Николай Рубцов: жизнь и поэзия // Сб. «Душа хранит». — М., 2016. — С. 286–298.

Головкина С.Х. Лингвистический анализ текста. 10–11 кл.: учеб. пособие для классов гуманитарного профиля общеобразовательных учреждений / С.Х. Головкина, С.Н. Смольников. — М., 2010.

Голуб И.Б. Стилистика русского языка. — 3-е изд., испр. — М., 2001.

Канакина Г.И. Учимся работать с текстом. Подготовка к Единому государственному экзамену по русскому языку: учебное пособие / Г.И. Канакина, И.Г. Родионова; под общей редакцией Г.И. Канакиной. — 2-е изд., перераб. и доп. — М., 2012.

Рубцов Н.М. Душа хранит. Избранная лирика. — М., 2016.

Солганик Г.Я. Стилистика русского языка. 10–11 кл.: учеб. пособие для общеобразоват. учеб. заведений. — 3-е изд., испр. и доп. — М., 2001.

REFERENCES

Vologodskoe slovechko: shkol'nyi slovar' dialektnoi leksiki, resp. ed. L.Yu. Zorina, 2nd issue, revised and corrected, Vologda, 2011.

Baranov S.Yu. Nikolai Rubtsov: zhizn' i poeziya, in «Dusha hranit» book, Moskva, 2016, pp. 286–298.

Golovkina S.H. Lingvisticheskii analiz teksta. 10–11 forms: study guide for classes of humanitarian section of general education institutions, Moskva, 2010.

Golub I.B. Stilistika russkogo yazyka, 3rd issue, revised, Moskva, 2001.

Kanakina G.I. Uchimsya rabotat' s tekstom. Podgotovka k Edinomu gosudarstvennomu ekzameni po russkomu yazyku: study guide, 2nd issue, revised and enlarged, Moskva, 2012.

Rubtsov N.M. Dusha hranit. Selected lyrics, Moskva, 2016.

Solganik G.YA. Stilistika russkogo yazyka. 10–11 forms, textbook for general education institutions, 3rd issue, revised and enlarged, Moskva, 2001.

«Поле чудес» по книге В.И. Белова «Лад»

В статье предлагается конспект внеклассного мероприятия по книге В.И. Белова «Лад: очерки о народной эстетике». Внимательное отношение к слову писателя важно для формирования личностной потребности в дальнейшем освоении культурного пространства родного края.

Ключевые слова: *русская деревня; крестьянский быт; традиции; историческая связь поколений; внеклассное мероприятие.*

Margarita N. Zyкова

"Pole Chudes" According to the Book by V.I. Belov "Lad".

The out-of-school activities run-down according to the book by V.I. Belov "Lad: ocherki o narodnoj estetike" is offered in the article. The advertence to the author's wordk is important to form the personal requirement of the further learning of the cultural space of the native land.

Key words: *Russian village; country life; traditions; generation historical links; out-of-school activities.*

Василий Белов, безусловно, тончайший знаток народной речи. Каждое его слово, оборот речи наполнены любовью к природе, русской деревне и всему тому, что составляет ее непростой крестьянский быт. Конечно, современные школьники в большинстве своем уже достаточно далеки от понимания значения многих традиционных крестьянских особенностей мироощущения, традиций. Однако не стоит забывать, что без этого знания невозможна историческая связь поколений. Признанный мастер слова, писатель умело погружает читателей в сложный мир наших предков, ненавязчиво давая понять, «как нам необходим сейчас опыт людей, которые жили до нас».

Известно много различных методов и приемов, позволяющих совместить познавательную и воспитательную функции обучения. Самым универсальным и любимым детьми видом деятельности, в результате которой они познают мир, является игра. Игра — уникальный инструмент педагогического воздействия. Игровые формы обучения не предполагают элемента оценки, направлены на активизацию творческого мышления школьников, пробуждают интерес к предмету.

Мargarita Nikolaevna Zyкова, учитель русского языка и литературы

E-mail: margoca@yandex.ru

БОУ «Тарногская средняя школа»

ул. Одинова, д. 45, село Тарногский Городок, 161560, Вологодская область, Россия

Tarnogsky Secondary School

45 Odintsova str., village Tarnogsky Gorodok, 161560, Vologda region, Russian Federation

Ссылка для цитирования: Зыкова М.Н. «Поле чудес» по книге В.И. Белова «Лад» // Русский язык в школе. — 2018. — № 7. — С. 45–47. DOI: 10.30515/0131-6141-2018-79-7-45-47.

Форма: познавательно-воспитательная игра.

Направление: духовно-нравственное (реализация регионального компонента в V–IX классах).

Цель:

— формирование личностной потребности в дальнейшем освоении культурного пространства родного края.

Задачи:

— актуализировать читательский опыт обучающихся;

— развивать познавательный интерес обучающихся;

— воспитывать через любовь к малой родине, основанную на духовном освоении ее культурного достояния.

Результативность:

Обучающиеся получают новые знания о жизни наших предков, их обычаях, традициях. Заинтересуются более глубоко творчеством В.И. Белова и самостоятельно прочитают другие произведения вологодского писателя.

Книга В.И. Белова «Лад» выбрана с учетом следующих **характеристик:**

— региональная принадлежность;

— культурная значимость;

— идейно-художественная состоятельность;

— познавательная ценность;

— воспитательная направленность.

Продолжительность: 40 минут.

Оборудование: игровой барабан, доска и мел для записи слов, призы, книга В.И. Белова «Лад», фотографии писателя.

Ребята предварительно познакомились с биографией В.И. Белова, так как отборочный тур состоит из вопросов на знание фактов биографии писателя.

Игру может провести сам учитель или подготовленные учителем обучающиеся из другого класса. Они хорошо знают содержание книги «Лад». Два человека являются ведущими и по очереди проводят отборочный тур, а затем и игру. Один человек открывает буквы и включает музыку.

Структура мероприятия:

- организационный момент (объявление темы, отборочный тур);
- основная часть (игра, состоящая из трех туров, финала, супер-игры, игры со зрителями; награждение победителя);
- заключительная часть (советы писателя молодежи (по материалам книги), напутствия участникам мероприятия от учителя, рефлексия).

Вопросы для отборочного тура

1-я тройка игроков

1. Где и когда родился В.И. Белов? (23 октября 1932 г. в д. Тимониха Харовского района.)
2. Как звали родителей В.И. Белова? (Анфиса Ивановна и Иван Федорович.)
3. За какую книгу автору в 1981 г. присуждена Государственная премия СССР? (За книгу «Лад».)

Комментарий учителя:

Впервые очерки были опубликованы в журнале «Наш современник» в 1979–1981 гг. Книга не случайно называется «Лад», так как рассказывает о ладе, а не о разладе крестьянской жизни. Она была задумана как сборник зарисовок о северном быте и народной эстетике. Рассказы-очерки воспроизводят жизненный круг крестьянина от рождения до смерти, годовой кругооборот крестьянского быта и бытия: рождение, крестины, детство, отрочество, смотрины, свадьба, проводы в армию, память об умерших. Рассказы-картины рисуют год крестьянина с обрядовыми, культурными традициями жизни: праздники и будни, работа и отдых, семейные отношения...

2-я тройка игроков

1. В каких жанрах начинал В.И. Белов свою литературную деятельность? (Поэтическом и драматургическом.)
2. Как назывался первый поэтический сборник В.И. Белова? («Деревенька моя лесная», сборник был издан в 1961 г.)
3. Какие вы знаете книги В.И. Белова? Назовите их. («Кануны», «Все впереди», «Рассказы о всякой живности», «Катюшин дождик», «Лад», «Год великого перелома», «За тремя волоками» и др.)

3-я тройка игроков

1. Какие книги В.И. Белов написал для детей? («Рассказы о всякой живности», «Катюшин дождик», «Про Мальку».)
 2. Издавались ли книги В. Белова за рубежом? (Книги издаются и публикуются за рубежом на венгерском, немецком, датском, польском, румынском, словацком, французском языках.)
 3. Дата смерти писателя. (4 декабря 2012 года.)
- #### **Резервные вопросы**
- Какое звание присвоено писателю в 1997 г.? (Почетный гражданин города Вологды.)
- Кому адресовано творчество В.И. Белова? (Детям и взрослым.)
- Какой институт окончил В.И. Белов? (Литературный институт им. Горького в Москве.)

Ход игры

Основная часть

Задание 1 (глава «Будни и праздники»)

Пока топились печь, хозяйка успевала нагреть у огня несколько больших чугунов с пойлом для скотины (заваривались ботва, листья капусты, добавлялись жмых, отруби). Она раскатывала тесто на хлебы или пироги, выгребала в тушил-ку горячие угли. Проснувшееся семейство после мытья утиралось одним полотенцем, которое менялось и на неделе. Для вытирания рук висел особый...

Как называлось полотенце для вытирания рук?

р	у	к	о	т	е	р	н	и	к
---	---	---	---	---	---	---	---	---	---

Объявляется победитель 1-го тура.

Задание 2 (глава «Мастера и подмастерья»)

Люди, занимавшиеся этим видом промысла, снабжали углем местных кузнецов и продавали свою продукцию в городах. Они жили в лесу неделями. Выкапывали большие ямы, набивали их дровами и поджигали. Хитрость состояла в том, чтобы вовремя погасить этот исполинский костер, закрыть яму дерном и потушить угли. Если закроешь слишком рано — вместо углей окажутся головешки, если поздно, то будет одна зола. Можно себе представить, на кого был похож угольщик, с недельку поживший в лесу!

Как называли этих людей?

у	г	л	е	ж	о	г	и
---	---	---	---	---	---	---	---

Объявляется победитель 2-го тура.

Задание 3 (глава «Застольщина»)

Набив вымытыми репами большой горшок, его вверх дном, на лопате сажали на ночь в теплую печь. Поутру около чугуна начиналось настоящее пиршество. Пареницу ели дети и взрослые, наголо и с хлебом, с солью и без соли. Если ту же пареницу тонко изрезать и на противне посадить в печь еще на одну ночь, то получится уже...

Как называется это самое популярное детское лакомство?

в	я	л	е	н	и	ц	а
---	---	---	---	---	---	---	---

Объявляется победитель 3-го тура
Финал (часть 3 «Длиною в жизнь»)

В старину в богатых водою местах сохранялся обычай племени чудь на лодках привозить своих дочерей в праздничные и ярмарочные села. Отец, брат или мать, вместе с приданым оставляли девку-невесту под перевернутой лодкой, а сами уходили в деревню глядеть на праздник. Местные ребята-женихи тотчас появлялись на берегу. Одну за другой переворачивали они лодки, разглядывая и выбирая себе невест. Правда, этот обычай в русских селах не имел широкого распространения.

Как называли таких невест?

п	р	и	п	л	а	в	у	х	и
---	---	---	---	---	---	---	---	---	---

Суперигра (глава «Застольщина»)

Непростая задача испечь хорошие пироги! Особенно в праздники. У хозяйки-большухи за несколько дней начинала болеть душа. Зато сколько было довольства и радости, когда, «отдохнув» на залавке под холщовой накидкой, часть пирогов перекочевывала на стол, и все семейство садилось за самовар.

Конечно, самым известным и любимым считался рыбник, когда в тесто загибали свежего леща, судака, щуку и т.д. Нередко запекали в тесте давленную свежую чернику, получался ягодник. Пироги, политые сметаной, посыпанные крупой и после печи обильно помазанные маслом, называли посыпушками.

Как назывались пироги, политые разведенной на молоке картошкой и сметаной?

н	а	л	и	т	у	ш	к	и
---	---	---	---	---	---	---	---	---

Награждение победителя.

Игра со зрителями

1. Кто такой изуграф? (Изуграф — художник по росписи.)

2. Кого в вологодских деревнях называли швецами? (Портных и сапожников.)

3. Что предвещает сорока, прилетевшая поутру к дому? (Скорый приход или приезд близких родственников.)

4. Что такое бухтина? (Бухтина — народный анекдот, шутка.)

5. Для чего коту обрубали кончик хвоста? (Предполагалось, что такой кот будет лучше ловить мышей.)

Заключительная часть

Советы В.И. Белова (ведущий читает и комментирует)

1) «Все в жизни должно быть взаимосвязано и не жить отдельно друг от друга, всему свое место и время».

2) «Красоту не отделяйте от пользы, а пользу — от красоты».

3) «Движение от ничего или из ничего невозможно. Нам нужен опыт людей, которые жили до нас. Культура и быт обладают преемственностью, поэтому знание того, что было до нас необходимо».

4) «Молодому человеку необходимо обладать высокими нравственными критериями. Физическая закалка и уровень академических знаний без них ничего не значат».

Этими советами В.И. Белова хочется закончить нашу встречу, надеюсь, она была интересной и полезной. Я желаю, чтобы в ваших семьях всегда царил лад и каждый помнил о том, что сказал замечательный вологодский писатель: «Будущие поколения не смогут обойтись без ныне живущих, то есть без нас с вами. Им так же будет необходим наш нравственный и культурный опыт, как нам необходим сейчас опыт людей, которые жили до нас».

ЛИТЕРАТУРА

Белов В.И. Лад: очерки о народной эстетике. — Л., 1984.

REFERENCES

Belov V.I. Lad: ocherki o narodnoi estetike, Leningrad, 1984.

Топонимика и краеведение (О работе топонимического кружка)

В статье рассматриваются вопросы взаимосвязи топонимии и краеведения. На материале отантопонимных названий населенных пунктов Белозерского края показана возможность использования данных топонимии для изучения истории региона, его языковых особенностей. Предложена примерная тематика вопросов, которые могут быть рассмотрены на занятиях топонимического кружка.

Ключевые слова: *имя собственное; топоним; ойконим; гидроним; антропоним; топооснова.*

Nataliya A. Volkova, Nataliya P. Tikhomirova

Toponymics and Area Study (Of the Toponymics Section Work).

We consider the problems of inter-relations between toponymics and area study in this article. We use deantroponimic terms and names of the localities of the Belozersky region as our data and demonstrate ways of using this toponymic data to study the region's local history and particularities of language used there. It is introduced a draft set of thematic questions that could help to introduce to students at the extra-curricular section such as a toponymic club.

Keywords: *proper name; toponym; oikonym; hydronym; antroponym; toposbase.*

В специальной краеведческой литературе лингвистическому направлению отводится незначительное место, хотя и отмечается, что язык хранит богатейшие сведения о жизни людей в самые различные эпохи. При этом среди всех категорий слов выделяются географические названия (топонимы). «Названия — это вечные памятники своей эпохи и как таковые имеют право на самое пристальное изучение и исследование со стороны краеведов» [Краеведение 1985: 63].

Наталья Александровна Волкова, доктор филологических наук, профессор

E-mail: volkova35@rambler.ru

ФГБОУ ВО «Череповецкий государственный университет»

пр-т Луначарского, д. 5, Череповец, 162600, Россия

Cherepovets State University,

5 Lunacharskii pr., Cherepovets, 162600, Russian Federation

Наталья Павловна Тихомирова, кандидат филологических наук, доцент

E-mail: ntikhomirova@list.ru

ФГБОУ ВО «Череповецкий государственный университет»

пр-т Луначарского, д. 5, Череповец, 162600, Россия

Cherepovets State University,

5 Lunacharskii pr., Cherepovets, 162600, Russian Federation

Ссылка для цитирования: Волкова Н.А., Тихомирова Н.П. Топонимика и краеведение (О работе топонимического кружка) // Русский язык в школе. — 2018. — № 7. — С. 48–53. DOI: 10.30515/0131-6141-2018-79-7-48-53.

Географические названия всегда привлекали внимание своей загадочностью. К. Паустовский назвал топонимы «поэтическим оформлением страны». В самом деле, почему поле в Устюженском уезде называлось *Бородинское сражение*, а большая лужа (на месте заросшего озера) носит название *Вещей*, хотя в Белозерском крае никогда не было крупных сражений, ну а *Вещая* — это уж из области мистики. Со стремления разгадать тайну географического названия нередко начинается увлечение языком.

Топонимы привлекают внимание и своей доступностью. Л. Успенский в книге «Загадки топонимики» призывает: «Идите к ним, они вас ждут» [Успенский 1973: 266]. Послему этому совету и отправимся, например, в окрестности села Харламовского Череповецкого района. За грибами жители идут на *Хутора* (так называется место в лесу, где в прошлом находились два хутора), за ягодами — за *Камень* или *Кругленький Мошок*. Место купания в селе называют *Соленые Пески*. В нашем крае — и соленые пески?! Почему? В формировании названия, видимо, сказалось своеобразное видение мира: в основе топонима сравнение песка и соли по цвету. Неровную, бугристую местность, напоминающую застывшие каменные волны, называют *Волчьи Гривы*. Все становится понятным при обращении к местному говору, в котором слово *грива* обозначает ‘возвышенность’, к тому же местные жители отмечают, что в прошлом в этих местах водилось много волков.

Итак, работа по краеведению с использованием местной топонимии расширит лингвистический кругозор учащихся: топонимический материал может быть собран самими школьниками в результате опроса местного населения (что особенно ценно) и извлечен из письменных источников (такими являются списки населенных мест, исторические документы, хранящиеся в местном музее, карты). Географические названия доступны наблюдению, классификации. Под руководством учителя ученики могут овладеть навыками лингвистического анализа топонимов. Анализ географических названий непременно потребует привлечения таких групп лексики, как личные имена людей, диалектные слова, и таким образом расширит словарный запас у детей.

Географические названия окружают человека с детства. Порой мы их просто не замечаем, но в наши дни многие географические названия исчезают. И только деревенские старожилы сейчас помнят, как называлось дальнее поле, луг за рекой, лесное урочище, топкое место на болоте. Например, *Рамешка, Долгуша, Исады, Васины Портки, Чертеж* и т.д. На местных же картах и поля, и участки леса даются под номерами 1, 2, 3 и др. Поэтому работа по краеведению непременно должна включать популяризацию топонимических знаний, учить сохранять имена и умело ими пользоваться.

Среди традиционных форм внеклассной работы особое место может быть отведено топонимическому кружку. Кружок позволит организовать систематические занятия по определенной программе и с постоянным составом. Примерная тематика кружка может быть следующей:

1. «Между живущих людей не бывает никто безыменным» (Гомер. «Одиссея»). (Понятие об ономастике как лингвистической науке и ее разделе — антропонимике.)

2. «Язык земли». (Понятие о топонимике как разделе ономастики: топонимы и их разряды; значение топонимов в жизни общества.)

3. «Следы времен минувших». (Связь топонимии с историей общества).

4. «Загадки топонимики». (Знакомство с наиболее значимыми для страны топонимами, их анализ, топонимические легенды.)

5. Топонимия Белозерского края. (Характеристика особенностей, связанных с историей региона.)

6. Названия населенных мест Белозерского края. (Своеобразие славянских ойконимов, их классификация.)

7. Названия водных источников Белозерского края. (Субстратные и славянские названия, своеобразие славянских гидронимов, их классификация.)

8. Микротопонимия Белозерского края. (Названия покосов, полей, урочищ, возвышенностей и т.д.)

9. Топонимия края как источник изучения диалектной лексики.

10. О чем рассказывают улицы вашего города, села? (В названиях улиц — события, история города, села.)

Основными формами и методами работы могут быть экскурсия по городу, селу, экспедиция по сбору топонимов, работа с источниками (историческими документами, картами, словарями); обработка собранных материалов (запись, классификация); лекция учителя, сообщения участников кружка, беседа; составление игр и задач с использованием топонимов (шарады, «Кто больше и быстрее»), сочинения-миниатюры, фотографии, проведение КВН и пр.

Среди перечисленных форм учебной деятельности особое место занимает полевая работа (сбор материала на местности). Это важно в связи с тем, что местные названия (микротопонимы) забываются, населенные пункты переименовываются, некоторые исчезают совсем. Отчет о проведенной работе по сбору материала на местности может быть представлен либо в виде карточек, на каждой из которых должен быть записан один топоним, либо в виде тетради с записями. См., например:

болото Круглый Мошок
Вологодская область
Череповецкий район
С. Харламовское

На обороте карточки может быть записана этимология названия, предложенная местными жителями; исторические сведения.

Успех кружка во много зависит от подготовки учителя. Материал по общим вопросам ономастики обширен и доступен. Это работы А.В. Барандеева, А.К. Матвеева, В.А. Никонова, А.И. Попова, А.В. Супранской, Л.В. Успенского, Ю.И. Чайкиной и др. Наша задача состоит в том, чтобы собрать сведения на основе местной топонимии, топонимии Белозерского края.

Изучением географических названий занимается наука топонимика (греч. *topos* — ‘место’, *онута* — ‘имя’). Совокупность топонимов образует топонимию того или иного региона. Топонимы делятся на несколько разрядов, в том числе: **ойкони-мы** — названия населенных мест (город *Череповец*, село *Великое*, деревня *Нова*), **гидронимы** — названия водных источников (река *Шексна*, озеро *Белое*), **микротопонимы** — названия мелких топообъектов (поле *Бородинское Сражение*, мыс *Соленые Пески*, покос *Рамешка*), **урбанонимы** — названия внутригородских объектов (улица *Бардина*, проспект *Луначарского*).

В настоящее время ведется большая работа по региональному изучению топонимии России. Топонимические ландшафты страны разнообразны, что определяется многими причинами, в частности природными условиями, особенностями быта и хозяйствования, отличиями в восприятии мира, соотношением топонимических пластов разного происхождения.

В плане топонимического районирования Белозерье (западная часть Вологодской области) обычно относят к так называемому Озерному краю (Новгородская, Псковская и Ленинградская области). Свое название *Белозерье* получило по имени самого крупного озера края — *Белого*, известного в памятниках письменности с давних пор. Белым его называли и вепсы, первые насельники края. «Ближайшие вепсы отстоят от озера на полсотни километров, но многие знают его и называют именем Воугедарь; “Воугед” означает по-вепски ‘белый’, -арь- — деформированное *ярвь* — ‘озеро’» [Попов 1981: 54]. В Белое озеро впадают 26 рек и вытекает одна — *Шексна*. Кроме *Шексны*, значительными реками края являются *Кема*, *Ковжа*, *Суда*, *Андога*, *Молога*.

В состав Белозерского княжества, выделившегося как самостоятельное целое в XIII в., входили *Сугорье*, *Кема*, *Карголома*, *Андога*, *Вадбал*, *Шелешпань*, *Ухтома*, *Белое озеро*. Даже беглый перечень этих названий говорит о преобладании иноязычных названий. Летопись сообщает: «В лето 6370... а первыи насельницы в Новгороде словене, в Полотске кривичи, в Ростове меря, в Белоозере весь» [Повесть временных лет 1960: 18]. Путешественник XVI в. С. Герберштейн писал о Белозерье: «Жители этой местности имеют особый

язык, хотя все ныне говорят по-русски» [Герберштейн 1908: 123]. Данные современной истории и археологии также подтверждают этот факт. Свидетельствует об этом и топонимия края.

К наиболее древнему топонимическому классу, отражающему язык древнего народа, населявшего в прошлом ту или иную территорию, относятся гидронимы. На территории Белозерья около 60% названий наиболее крупных озер и рек имеют финно-угорское происхождение: *Андога*, *Суда*, *Шексна*, *Мегра*. Так, *Мегра*, в прошлом *Мегрега*, буквально «барсучья река», где «основа *мегр-* восходит к карел. *mägrä*, вепс. *mägr* — ‘барсук’, формант *-ega* от фин. *joki (jogi)* — ‘река» [Чайкина 1988: 142].

Топонимия засвидетельствовала относительную хронологию обрусения аборигенов края. Иноязычные топонимы, войдя в русскую топонимическую систему, испытали на себе ее влияние. Многие из них осложнены русскими суффиксами (река *Мондомка*, река *Урусарка*, река *Уломка*, река *Кьяндица*, деревня *Лундино*), имеют при себе славянские определения (*Большая Палшема* — *Малая Палшема*, *Большая Пельпахта* — *Малая Пельпахта*), приобретают значение рода и падежа (в *Карголоме*, на *Киснеме*).

Некоторые топонимы, бытующие на территории Белозерья, восходят к этнонимам, называющим аборигенов края. Вероятно, эти названия были даны славянами, ибо «в гуще сплошных поселений народности не могут возникнуть топонимы, в основе которых лежит этноним, если только их не дадут со стороны» [Никонов 1964: 3]. Так, этническое имя *чудь* отразилось в таких ойконимах, как *Задние Чуди*, *Передние Чуди*, *Средние Чуди*, *Чудино*. Чудью, чухарями русские называли вепсов. В белозерских говорах до сих пор живут образования от второго слова: «*Мянда* — это вот болотина по-чухарски. Баб.». Об аборигенах края говорят и такие названия, как *Пано-Яковлевская*, *Пановка*, *Паново*, *Старопаны* или *Паны*. В этих географических названиях нашел отражение апеллятив «пан», «паны» этнического содержания. Вот что дает словарь Г. Куликовского: «Под этим именем, иногда заменяемым именем Чуди, в памяти обитателей Олонецкой губернии смешаны, по-моему, все, с кем пришлось вести борьбу колонизаторам края. По губерниям рассеяны

многочисленные курганы, холмы, могилы, которые народ зовет панками, панскими могилами» [Куликовский 1898: 73].

Многие иноязычные названия с трудом поддаются расшифровке. Стремление разгадать необычное название приводит к возникновению топонимических легенд, основанных на народной (наивной) этимологии. Вот, например, что рассказывают местные жители о происхождении названия *Суда*: «Суда — поселок находится на реке Суде. В реку впадает две небольшие речки. Они быстрые и мелкие. По берегам этих речек жили беспокойные люди: ругались, ссорились между собой. И вот решили устроить суд над ними. Судили их на том месте, где эти речки впадают в одну тихую, спокойную. Ее называли Судой». В данном случае топонимическая легенда возникла на основе случайного звукового сходства слов *Суда* и *суд*. Во многих легендах такого рода действуют исторические лица (Иван Калита, Петр I, Екатерина II, Батый и др.). Так, например, в Белозерском крае есть деревня Куреваниха. Жители ее считают, что название ей дала Екатерина II, когда проезжала в этих местах во время куревы («курева» — ‘метель’ в белозерских говорах). Однако необходимо помнить, что к народной этимологии следует относиться с осторожностью.

Анализ размещения топонимов иноязычного и славянского происхождения на территории Белозерского края позволяет сделать вывод о более позднем активном заселении славянами западной части региона: именно на западе и северо-западе края зафиксировано большинство гидронимов (в бассейнах Ковжи и Кемы), ойконимов финно-угорского происхождения (Бабаевский, Белозерский, Вытегорский, Кадуйский районы). Славянские ойконимы довольно равномерно распределены по территории края, но наибольшая их плотность в южной и восточной части региона. Это связано с особенностями миграции славян. Заселение края славянами началось в VIII–IX вв. Первыми славянами на Белоозере были новгородцы (словене). Следы их запечатлены в географических названиях. В древности здесь проходил торговый путь из Новгорода Великого на восток: р. Вытегра — р. Ковжа — оз. Белое — р. Шексна — р. Славянка — оз. Словенское — оз. Кубенское — г. Вологда. Названия р. *Славянка*, оз. *Словенское*, с. *Волочек*

Словенский (Волокославинское) отражают древний этноним — *словене*. Второй поток славян шел со стороны Поволжья, откуда двигались племена кривичей. Их путь лежал по р. Мологе, р. Шексне к Белому озеру. Заселили эти славяне преимущественно восточную и южную часть края. Таким образом, в Пришекснинье отмечаются в основном славянские названия поселений. Названия, иноязычные по происхождению, чаще встречаются в ойконимии запада и северо-запада. Основная масса их сохранилась в местах, в прошлом менее доступных, труднопроходимых и болотистых, куда славяне пришли позднее. Таким было, например, междуречье Андоги и Суды. Историки отмечают, что «большая полоса незаселенных земель лежала между волостями по реке Суде и волостями по Андозеру и Андоге» [Копанев 1951: 10].

Как видим, географические названия стали возникать в глубокой древности. Создавая их, человек исходил из необходимости отличить одно место от другого, чтобы понять, о каком поселении, озере, поле, сенокосе, какой реке, пашне идет речь. Название мог получить и камень на реке (*Великий Холуй*), и дерево (*Великая Сосна*). В каждом случае в основу положен тот или иной признак предмета, отражающий особенности географической среды, социально-экономические условия жизни края. Косвенным доказательством этого может служить тот факт, что в ойконимии преобладают названия, отражающие социально-экономические отношения («д. Кузнецовская: во дворе Самсонко кузнец»). В гидронимии же чаще встречаются именованья, отражающие физико-географические признаки реалей (оз. *Круглое*, оз. *Черное*, бол. *Сердцевидное*). В языке признак, положенный в основу названия, реализуется через основы соответствующей семантики и выступает как внутренняя форма топонима, являясь его дотопонимическим значением. Анализируя дотопонимическое значение названий, можно выделить лексико-семантические группы топонимов. Например, в ойконимии Белозерского края можно выделить следующие группы:

1. Ойконимы, образованные от антропонимов (д. *Васина*, д. *Иванково*).

2. Ойконимы, отражающие названия типов поселений (д. *Слобода*, д. *Починок*).

3. Ойконимы, отражающие характер занятий населения (д. *Гончарка*).

4. Ойконимы, отражающие религиозные верования населения (с. *Ильинское*, с. *Никольское*).

5. Ойконимы, отражающие особенности рельефа местности (д. *Веретье*, д. *Прислон*).

6. Ойконимы, отражающие форму и размер объекта (д. *Круглицы*).

7. Ойконимы, получившие название по смежному объекту (д. *Ростани*).

8. Ойконимы, отражающие социальные отношения населения (д. *Боярская*, д. *Монастырская*).

В качестве примера рассмотрим одну из групп. Самую многочисленную группу составляют отантропонимные ойконимы (60%). Наличие большой группы ойконимов от основ антропонимов объясняется следующими причинами: деревни на Севере были одно- или двудворными, поэтому в качестве основы топонима чаще всего использовалось имя владельца вновь разработанного участка земли, поставившего двор на этом участке. В XV–XVII вв., в процессе развития феодальных отношений на Севере, возникает большое количество новых поселений, в первую очередь починков, чем и объясняется высокий процент этой группы ойконимов. Способность личного имени выступать в качестве основы топонима доказывается письменными памятниками: «д. Ермаково: владелец Ермачко Царь Федотов да сын его Ивоня (XVI в.)» [Сотная 1544: 192] – д. Ермаково (XX в.).

Анализ ойконимов показывает, что в их основе могут лежать древние русские имена, которые были своеобразными характеристиками людей. Имя давалось человеку как примета, по которой его можно было выделить из семьи, рода. Это так называемые языческие, некалендарные имена: *Верещага*, *Вешняк*, *Ждан*, *Нечай*, *Третьяк* и т.д. В местных письменных памятниках есть примеры, которые прямо указывают на происхождение ойконимов от некалендарных имен: «поч. Лобанов: владелец Лобан; поч. Муравьев на устье Сизьмы: владелец Муравей Есин» [Там же: 191, 202]. Около 100 календарных личных имен представлено в ойконимии Белозерья: д. *Антушево*, д. *Антоновская* (*Антуш*, *Антон*), д. *Васино*, д. *Васьково*, д. *Васютино*, д. *Васильевская* (*Вася*, *Васька*, *Васюта*, *Василий*), д. *Петряково*, д. *Петряево*, д. *Петрино*, д. *Петрушино*, д. *Петрово*, д. *Петровская* (*Петряк*, *Петряй*, *Петр*, *Петруша*) и т.д.

Многие ойконимы образованы от так называемых «квалитативных форм», под

которыми понимаются «всякие формы, выражающие, кроме основного значения, различные дополнительные семантические, стилистические, субъектно-оценочные и часто экспрессивные характеристики предмета или лица» [Толкачев 1977: 76]. Таких ойконимов достаточное количество, так как в основе названий населенных пунктов, как правило, лежат имена лиц, принадлежавших к неумищим классам, или вообще лиц, находящихся в зависимом положении. Особенно активны выступающие в качестве топооснов антропонимы с суффиксом *-к-*. Сравните, с одной стороны, с. *Елизарово Раменье* от имени боярина Елизара Цыплятева, с. *Федосын Городок* от имени княгини Федосьи, владевшей им, с. *Романова Слободка* от имени вотчинника Романа Ивановича из рода Лихаревых, с другой стороны – «поч. Иванков: в. Иванко Игнатов: поч. Харламков: в. Харламко Сонин да сын его Петрушка» [Сотная 1544: 192, 202].

В качестве топооснов отмечены также антропонимы со словообразовательными формантами на *-ня* (*Паня* – д. *Панино*), *-ук-/юк-* (*Васюк* – д. *Васюково*), *-ун-/юн-* (*Костюня* – д. *Костютино*), *-ут-/ют-* (*Ванюта* – д. *Ванютино*), *-ш-* (*Демша* – д. *Демшино*), *-уш-* (*Якуш* – д. *Якушево*), *-ак-* (*Мишак* – д. *Мишаково*), *-ец-* (*Ларионец* – д. *Ларионцево*) и др.

Основная масса отантропонимических ойконимов образована от мужских имен, что объясняется ролью мужчины в экономической и хозяйственной жизни: именно они разрабатывали и возделывали участки земли, ставили избы. В переписных документах фиксировались имена владельцев дворов, женщина же получала права на владение в случае смерти мужа. Однако встречаются и названия, в основу которых положены женские имена: д. *Марьино*.

Группа посессивных ойконимов довольно устойчива во времени. Этот принцип номинации продолжал действовать и в последующие века, но населенные пункты назывались уже не по именам владельцев, а по именам людей, внесших тот или иной вклад в историю: д. *Карл Либкнехт* (Бабаевский район).

Группа названий населенных пунктов, имеющая в качестве основы календарные имена (71% по нашим подсчетам), в два раза превышает группу названий, образованных от некалендарных имен. Объясняется это может экстралингвистическими причинами: значительная миграция славян на

территорию Белозерского края начинается только после X в. Некалендарные имена усиленно запрещались церковью, государством. Вероятно, большинство населенных пунктов в Белозерье возникло в тот период, когда некалендарные имена стали выходить из употребления. Между тем следует отметить, что медленное распространение христианства на Севере и сохранение язычества в Новгородской земле и Белозерье было обусловлено значительным числом угро-финского населения.

Сохранились местные предания о местах бывших языческих капищ. Одно из них записано в Устюженском уезде. Недалеко от Устюжны находится место, представляющее собой зарастающее озеро. Его называют *Вещей Лужей* и рассказывают, что в древности оно считалось священным: в нем омывались жертвы, приносимые в честь божества, и по этим жертвам предсказывалось будущее, так как невидимо их в это время касался сам бог, отчего озеро и получило название *Вещая Лужа*. Рядом находился языческий храм, куда в определенное время из всех соседних капищ стекались жрецы [Поливин 1861: 25].

Неодинакова и частотность использования календарных и некалендарных имен в качестве топооснов: от некалендарного имени, как правило, образовано 1–3 названия, от календарного — до 50. Наиболее часто в качестве топооснов в Белозерье выступают следующие календарные имена: Иван, Василий, Павел, Михаил, Семен, Тимофей, Федор, Борис.

Каждая из перечисленных групп ойконимов может стать объектом самостоятельного изучения на занятиях топонимического кружка.

ЛИТЕРАТУРА

Герберштейн С. Записки о Московитских делах. — СПб., 1908.

Копанев А.И. История землевладения Белозерского края в XV–XVI вв. — М.; Л., 1951.

Краеведение. — Л., 1985.

Куликовский Г. Словарь областного олонетского наречия в его бытовом и этнографическом применении. — СПб., 1898.

Никонов В.А. Топонимика в историко-географической этнографии. — М., 1964.

Повесть временных лет. Ч. 1. — М.; Л., 1960.

Поливин Е.А. Устюжна // Архив исторических и практических сведений, относящихся до России, издаваемый Н. Калачевым. Кн. 6. — СПб., 1861. — С. 15–26.

Попов А.И. Следы времен минувших. — Л., 1981.

Сотная из писцовых книг Ф.Ф. Хидыршикова и Г.Л. Клементьева на земли Кирилло-Белозерского монастыря в Белозерском уезде 1544 г. // Северный археологический сборник. — Вологда. — Вып. 2. — 1972. — С. 184–202.

Толкачев А.И. Из истории словообразования форм со значением субъективной оценки (квалитативов) личных собственных имен греческого происхождения в древнерусском языке // Историческая ономастика. — М.; Л., 1977. — С. 72–130.

Успенский Л.В. Загадки топонимики. — М., 1973.

Чайкина Ю.И. Географические названия Вологодской области: Топонимический словарь. — Архангельск, 1988.

REFERENCES

Gerbershtein S. Zapiski o Moskovitskikh delah, Sankt-Petersburg, 1908.

Kopanev A.I. Istoriya zemlevladieniya Belozerskogo kraia v 15–16th century, Moskva, Leningrad, 1951.

Kraevedenie, Leningrad, 1985.

Kulikovskii G. Slovar' oblastnogo olonetskogo narechiya v ego bytovom i etnograficheskom primenenii, Sankt-Petersburg, 1898.

Nikonov V.A. Toponimika v istoriko-geograficheskoi etnografii, Moskva, 1964.

Povest' vremennykh let. P. 1, Moskva, Leningrad, 1960.

Polivin E.A. Ustyuzhna, in Arhiv istoricheskikh i prakticheskikh svedenii, odnosyashchihsia do Rossii, izdavaemyi N. Kalachevym., book. 6, Sankt-Petersburg, 1861, pp. 15–26.

Popov A.I. Sledy vremen minuvshih, Leningrad, 1981.

Sotnaya iz pistsovykh knig F.F. Hidyrschikova i G.L. Klement'eva na zemli Kirillo-Belozerskogo monastyrya v Belozerskom uезде 1544 g. // Severnyi arheologicheskii sbornik, Vologda, Issue 2, 1972, pp. 184–202.

Tolkachev A.I. Iz istorii slovoobrazovaniya form so znacheniem sub"ektivnoi otsenki (kvalitativov) lichnykh sobstvennykh imen grecheskogo proiskhozhdeniya v drevnerusskom yazyke, in *Istoricheskaya onomastika*, Moskva, Leningrad, 1977, pp. 72–130.

Uspenskii L.V. Zagadki toponimiki, Moskva, 1973.

Chaikina Yu.I. Geograficheskie nazvaniya Vologodskoi oblasti: Toponymic dictionary, Arhangel'sk, 1988.

Принятые сокращения названий географических объектов

бол. — болото	поч. — починок
д. — деревня	р. — река
оз. — озеро	с. — село

АНАЛИЗ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА

DOI: 10.30515/0131-6141-2018-79-7-54-60

Г.В. СУДАКОВ

Особенности языка художественной прозы В.И. Белова

Объектом исследования в статье является проблема «регионального текста». Установлены свойства «вологодского» текста, роль В.И. Белова в формировании этого художественного феномена, вклад писателя в развитие изобразительных средств, характерных для его поэтики: диалектная лексика, цветообозначения, сравнения.

Ключевые слова: *лингвопоэтика; «вологодский» текст; диалектизмы; колоризмы; сравнения; изобразительные средства языка.*

Gurii V. Sudakov

Special Aspects of Language of Literary Works by V.I. Belov.

In the article the object of the research is the "regional text" problem. The author describes the peculiarities of "Vologda text", as well as V.I. Belov's role in the formation of this literary phenomenon and his contribution to the development of the expressive means, which are representative for his poetics, i.e. dialectal vocabulary, names of colors, comparisons.

Key words: *linguo-poetics; «Vologda text»; expressive language means; dialect words; names of colours; comparisons.*

Художественные произведения В.И. Белова посвящены изображению вологодской, преимущественно сельской действительности. Первая особенность поэтического образа территории, создаваемого писателем, — это его активное влияние на судьбы героев. Наряду с историко-культурной и социальной значимостью территория (локус) должна обладать мифологическим смыслом, т.е. быть местом гармонии человека с природой, самодостаточным и защищенным стеной народной духовности и культуры. Образы такого места закрепляются в разнообразных и разновременных

текстах. Для возникновения реального «вологодского» текста существуют исторически значимые центры культуры на территории Вологодчины (Белозерск, Великий Устюг, Вологда, Тотма, Устюжна и др.), что подталкивает к художественной рефлексии по поводу этой территории, к освоению вологодского варианта национальной картины мира. Художественные образы Вологодчины многочисленны (вологодское кружево, вологодское масло, Дед Мороз, великоустюгская чернь по серебру и т.д.), они разные, в том числе негативные (вспомним мифологемы «вологодский конвой», «вологодская ссылка»).

Вторая особенность — для Белова Вологодская земля — мифопоэтическое пространство, таящее в себе загадку русской истории и духовности. Кроме того, в Вологодчине скрывается и тайна русского художественного слова. Напомню мысль из беловского «Лада»:

Слово порождало и объясняло жизнь, оно было для крестьянина хранителем памяти и залогом бесконечности будущего. Вместе с этим (и может быть, как раз поэтому) оно утешало, помогало, двигало на подвиг, заступалось, лечило, вдохновляло.

Гурий Васильевич Судаков, доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка, журналистики и теории коммуникации

E-mail: gvs035@rambler.ru

ФГБОУ ВО «Вологодский государственный университет».

ул. Ленина, д. 15, Вологда, 160000, Россия

Vologda State University

15 Lenina str., Vologda, 160000, Russian Federation

Ссылка для цитирования: Судаков Г.В. Особенности языка художественной прозы В.И. Белова // Русский язык в школе. — 2018. — № 7. — С. 54–60. DOI: 10.30515/0131-6141-2018-79-7-54-60.

Язык земли Вологодской мыслится как одно из художественных средств характеристики территории и народа, проживающего здесь: это местная топонимика и минимум диалектных речений, необходимых в художественных целях. Топос воспроизводится речевыми средствами, поэтому обязательные элементы пейзажа и обязательные цветообозначения — это синее небо, зеленый лес, белое зимой и желтое летом поле, цветущий луг и разноцветье деревенских праздников.

Следующее свойство «вологодского» текста — система образов-персонажей с их особым отношением к окружающему миру и с особым складом мышления: праведник как национальный тип и негодяй (не-годяй, не годящийся, выродок) как носитель зла и отрицания общественной морали, поэтому каждый элемент «вологодского» текста — это не местное и локальное, а попытка раскрытия всей России. Любой региональный текст — это комплекс гуманитарного знания как ответ на вызовы времени, на глубинные потребности национального самосознания.

Наконец, это система мотивов (поиск счастья, земли обетованной, испытание характера и силы духа, преображение личности и т.п.) и связанных с ними сквозных художественных образов, основанных на фольклорной традиции (дом, труд, добро, совесть, дорога и др.).

Таким образом, «вологодский текст» В.И. Белова — это совокупность художественных текстов, имеющих общую вне-текстовую ориентацию (ориентацию на Вологодчину как мифопоэтическое пространство), текстов, представляющих в основном вологодский вариант национальной картины мира и отличающихся общностью художественных мотивов и образов.

Обратимся к трилогии В.И. Белова, куда входят романы «Кануны» (Кануны), «Год великого перелома» (Год), «Час шестый» (Час), и рассмотрим некоторые языковые средства, актуальные в его творчестве и характерные именно для «вологодского текста». Для Белова деревня — это не только реальная жизнь народа и реальные народные характеры, это образ национального бытия, передача русского национального сознания. «Кануны» — идеальная картина деревни Шибанихи, центральный образ которой — семья. В «Год великого перелома» дом/«семья» как центр мироздания

рушится. «Час шестой» — постепенное восстановление жизни на руинах семейных гнезд. Семейно-бытовое повествование дает возможность достаточно широкого использования средств живой народной речи — диалектизмов и просторечия. Живые образы природы и самобытные характеры героев потребовали ярких красок для их изображения — сравнений и цветообозначений.

Диалектизм в художественном тексте используется как стилистическое средство, обладающее яркой образностью, выразительностью. Диалектные слова, употребленные для создания местного колорита и для характеристики речи героев, требуют семантической прозрачности употребленного слова (или фразеологизма), т.е. понимания смысла этого речения с помощью контекста.

Какие приемы раскрытия значения диалектизма использует В.И. Белов?

Первая возможность раскрыть значение диалектного слова — широкий контекст, т.е. несколько слов или целая фраза. Например, непосредственно в тексте писатель разъясняет смысл выражения *щи постные* (другое название блюда *сухарница*):

...сухарницу сами сделали: Евграф разминал сухари в ладонях, сыпал в большое глиняное блюдо с похлебкой. Такими щами в посты испокон веку называли овсяную заспу, сваренную с картошкой и луком. (Час).

Второй способ раскрытия значения — это краткое изложение смысла диалектизма посредством общеупотребительных средств:

Он принес дров, открыл *челисник* — дымовую дыру и затопил каменку. (Кануны).

Речь идет о Носопыре: он жил в бане, которая топилась по-черному, т.е. печь (*каменка*) не имела трубы, поэтому сверху в стене было отверстие для выхода дыма — *челисник*. В другом месте значение этого слова поясняется авторским примечанием:

Дым от каменки уходил в *челисник* под низкой крышей избушки (прим. автора: отверстие под потолком для выхода дыма). (Час).

Третий прием — это толкование диалектизма с помощью синонимов литературного языка, например:

— Я ему, дьяволу, *вихлет* сломлю (прим. автора: хребет). — Моржам будешь спины ломать, гражданин Миронов. (Год).

Здесь наблюдается некоторая избыточность в пояснении смысла слова *вихлет*: и авторское примечание — *хребет*, и контекстное пояснение — *спина*.

Следующий прием — употребление при слове ссылки: *по-здешнему, другими словами, как называли*. Это позволяет писателю вводить в текст диалектизмы этнографического плана:

Шибановцы городили лесной огород, по-здешнему *осек*, опоясывая покотину и отделяя ее от хлебных полей (Кануны; ср. в вологодских говорах *осек* — это и «изгородь, ограда», и «огороженное лесное пастбище» — Вологодское словечко).

Писатель сравнивает местные говоры, подчеркивая разнообразие укладов и говоров даже соседних деревень:

Вспахать надо было всего один *загон*, как называли в Шибанихе полосы. (В Ольховице говорили почему-то не *загон*, а *повыток*.) (Год).

Индивидуальные участки селян чаще называли *полоса* (это слово и приводит В.И. Белов как общеупотребительное). Специалисты разъясняют: в вологодских говорах *повыток* — «земельный надел на одну душу или на одну семью» [Вологодское словечко 2010].

Рассмотрим еще один прием разъяснения смысла диалектизма — это авторское примечание:

...он оставлял Роговых, как говорится, «*на верхосытку*». (Год).

Ср.: «*На верхосытку* — лакомое кушанье, подаваемое в конце обеда или ужина» [Там же]. Обратим внимание на то, что здесь автор это выражение взял в кавычки («*на верхосытку*»), да еще и предупредил словами *как говорится* о факте его цитации из народной речи. Говорить о непродуманности, стихийности народных речений у Белова в этом случае уж никак не приходится.

Некоторые разъяснения автора превращаются в этнографические справки. Как воспоминания юности, сердцу писателя были дороги деревенские развлечения *горюн* и *столбушка*, см.: *звать к столбу, идти к столбу, выйти от столба*, где *столб* употреблено в значении «занавешенный в углу за печью закуток для беседы парня с девушкой один на один». Учтем, что *столбушки* как место уединения становятся важным элементом в развитии взаимоотношений героев, они характеризуют целомудренную

деревенскую этику (см. описание этой игры в рассказе «Лад»). Судя по данным вологодских диалектологов, эта игра и соответствующие названия представлены только в Харовском районе [Вологодское словечко 2010]. В описании *столбушки* есть выражение *сделать головешку*:

Неужто сделает *головешку*, не придет;

Головешка — это когда отказывают и не идут к столбу. (Год).

Данное выражение в значении, раскрытом В.И. Беловым, пока не учтено в диалектных словарях.

Диалектизмы употребляются преимущественно в речи героев. Более того, местные речения, включенные в авторский текст, разъясняются автором более старательно, чем выражения из речи героев. Рисуя картины сельского быта, В.И. Белов опирался на собственное знание быта и культуры жителей Харовского района, где прошли его детство и юность, где созданы многие его произведения.

К диалектным речениям Белов относился с большим разбором и вводил их очень ограниченно. При чем автор не стремился сделать их незаметными, наоборот, выбирал самые яркие, семантически выразительные и эмоционально насыщенные, подчеркивал их необходимость при описании деревенского быта и тем самым показывал самобытность, автономность крестьянского мира, его самодостаточность в материальном и культурном отношении. Некоторые слова становятся понятны в контексте благодаря семантике их корней: *рукотёрник, самосильно, загаркать народ, ежеседень*.

Художественно одаренной личности природа дарит всегда несколько способностей. В.И. Белову был дарован тонкий слух: он без труда освоил игру на гармонии, а его художественные произведения свидетельствуют, что он слышал и птичий свист, и мелодии частушек, и утренний гул своей деревни. Кроме того, у писателя с детства проявился вкус на цвет. Он даже пробовал себя в живописи, правда, делал это только для себя, не признаваясь посторонним в своей страсти.

Цвет в быту, в природе — неперменная часть народной культуры. На цвет в окружающем мире у В.И. Белова был свой взгляд, который изложен в «Ладе»:

С чьей-то легкой руки природу русского Севера журналисты называют «неброской», «неяркой и скромной». Между тем нигде по

стране нет таких ярких, таких выразительных, очень контрастных и многозвучных красок, как на Северо-Западе России. (Лад).

По мнению писателя, цветовое богатство природы превосходит выразительные возможности человеческого языка:

У человека пока нет таких красок, нет и названий многих цветовых состояний закатного или утреннего неба. Сказать, что заря *алая* (или *багровая*, или *лиловая*), значит, почти ничего не сказать: заря ежеминутно меняет свои цвета и оттенки, на линии горизонта краски одни, чуть выше совсем другие, и самой границы между зарей и небом не существует. А каким цветом назовешь спящий солнечным блеском зимний наст, в тени *голубовато-просвеченный* в глубину и *серебристый*, как бы плавающий под прямыми лучами? (Лад).

Попробуем восстановить цветовую палитру писателя и исследовать колористическую лексику как художественное средство в тексте трилогии.

Живописна деревенская свадьба: *красная, белым крестом* вышитая рубаха Ивана Никитича; *Микуленок с белоснежным платом* через плечо и в шапке *с бархатным табачного цвета верхом*; *красные, белые и розовые платки, сарафаны и косынки девок* в церкви; жених Павел *в черной паре в косоворотой зеленой ластиковой рубашке* и невеста Вера *в бордовом шерстяном сарафане*. (Кануны).

С какими предметами связан цвет у писателя? Это небо, утренняя и вечерняя заря, лес и поле в разные времена года.

Первый деревенский пейзаж у писателя — это зимнее небо над Шибанихой:

Синие знобящие звезды близкими гроздьями висели в *фиолетовом* небе... *Желтым* нездешним цветом источались повсюду и мерцали под лунною снега. (Кануны).

Цветообозначения пополняются местной лексикой:

Высокие звезды роились в *кубовом* небе. (Кануны);

Кубовая краска, *синяя* растительная краска. (Даль-2).

Для летнего неба характерна *синяя бесконечность, безбрежность синевы, сквозная небесная синева* (Кануны); осенью — *пронзительное бело-синее небо; за сквозной молочной синевой быстро поднималось золотое нежаркое солнце* (Там же).

Для описания зари и солнца писатель использует все сокровища колористической лексики (14 названий цветов и их оттенков): *розовый, алый, малиновый, краснеющий, опалово-красный, красно-сиреневый, лазоревый, лиловый, бронзово-розовый, багровый, золотой, ослепительный, яркий*. Если утренняя заря, то *розовый шар солнца краснел в просветах медностволых сосен, подымаясь все выше, розовый этот шар становился все меньше, превращаясь в золотой ослепительный слиток* (Час шестый). Вечерняя заря — *оранжево-розовая* (Кануны). В последней части трилогии цвет используется очень редко, но вечерняя заря и здесь великолепна:

Солнышко садилось в такой *лазоревой*, такой *золотой* широте родимого неба... что у Евграфа опять захватило дух. (Час шестый).

Поэтично описание вечерней зари в Ленинграде:

Над Ленинградом все еще спускались призрачные белые ночи. Первая сумеречная кисея, вытканная над невиской водой, уже опустилась на левый берег. Красно-сиреневый закат на северо-западе четко оттенял все силуэты... Адмиралтейский шпиль, пронзивший зеленоватое небо. (Час шестый).

Лес — один из любимых неодушевленных персонажей писателя. Даже предвсенний лес — это цветовое раздолье: *густо-зеленые* конусы елок и *размывая зелень* тонких стволов осинника; «Словно легкий *сиреневый* пар, поднялась и задрогла *над розоватыми* свечами стволов березовая прозрачная шевелюра; мерцали, *золотились* на солнышке *червонно-коричневые* мутовки сосен»; нежный *зеленец* хвои; поднебесная *синева* (Кануны). В лесу автор видит и *глухаря с краснойбровой головой и с радужной, с зеленовато-синим отливом шеей, и золотые морошковые россыпи подобно звездам небесным* (Час шестый).

Для влюбленного Прозорова *ярок и зелен* превосходный полдень Иванова дня, цветаста и нарядна «веселая тропа»: *цветущий бело-розовым цветом клевер; бордовые колокольцы; купальницы в весенней желтизне; нежная, пронзительно-розовая, словно лазурная гвоздичка, которую называют в народе девичьей красотой; белый, с кремово-желтым отливом багульник; краснеющая земляничкой горушка* (Кануны). А осенью

плавает над росой *синяя паутина*, *желты* и свежи соломенные зароды, *ослепительны изумрудно-сизые озимые полосы*, *безмолвно и ярко пылают рубиновые всплески рябин*, в тайге *золотые, оранжевые и серебристо-желтые пряди* осенней листвы (Кануны).

Если деревенский пейзаж у Белова всегда отличается чистыми благородными красками, то в городском, кстати, редком у писателя, другая палитра, художник находит здесь очевидные изъяны: *белая мгла; золотушный сгусток солнца, никем не замечаемый и словно ненужный небу и городу* (очень точное замечание автора!); *красноватые монолиты Кремлевской стены; серебристые лишаи инея, синяя гарь выхлопов* (Кануны).

Были ли у писателя любимые цвета, какие-то предпочитаемые краски? Да, это те цвета, которые можно найти в окружающей природе: красный и синий во всем богатстве их оттенков, а также зеленый и желтый. Выбор писателем цвета зависел, прежде всего, от изображаемого предмета, от описываемого времени года, а главное — от того, к какому герою имеет отношение изображаемая сцена. Не случайно цветообозначения широко используются в «Канунах», ограниченно — в «Часу шестом», практически отсутствуют — в «Годе великого перелома».

В последнем романе трилогии есть фрагмент, в котором зафиксировано цветное мировидение Родины душой и сердцем Никиты Ивановича Рогова:

Огороженный гигантскими столбами розовых и малахитовых ледяных сполохов, высланных золотой зоревой парчой, окутанный черной дождливой шубой, распростерся на Божьей Земле Русский Север. (Час шестой).

Этот последний пейзаж в тексте как последний взгляд повествователя на родной Русский Север.

Сравнение — один из древнейших и важнейших приемов создания образности. Тематическая классификация сравнений, т.е. определение того, с чем сравнивается, отражает языковую картину мира писателя (субъективно-оценочное отношение писателя к фактам объективной действительности) и является предметом антропоцентристской лингвистики. Этот момент важен при анализе языка писателя и раскрытии его мировидения. Сравнения могут характеризовать внешность героя и его

состояние, передавать мысли и переживания персонажа, оценивать предмет или явление.

В «Привычном деле» (далее ПД) самые распространенные в ряду структур сравнительной семантики — это конструкции с союзом *как*. В их составе немало фразеологизмов. В динамичном рассказе Ивана Африкановича о поездке с Митькой употребляются и оригинальные обороты с союзом *как*, и фразеологизмы той же конструкции:

Вот ты, Африканович, говоришь — город *как нетопленная печь*, не греет, не тешит;

...отпускники... бродят с прямыми, *как дверные косяки*, спинами;

у меня в кармане пусто, *как весной на гумне*.
Весь хмель *будто рукой сняло*. (ПД).

Сравнения, которые используют герои и автор, отличаются оригинальностью и точностью. Многие сравнения с союзом *как* в «Привычном деле» связаны с миром природы:

Катюшкино сердечко прыгало, как воробей;

Темные ели берегли зеленую свою глубину: глядишь, как в омут. (ПД).

Конструкции с союзом *будто* обозначают сравнения приблизительные, не категоричные. Очень часто такие обороты включаются в целый ряд сравнений (чаще рядом с союзом *словно*), что позволяет уточнить изображаемую картину, показать постепенные изменения в душевном состоянии героя:

Задумал, затужил, *будто задолжал кому*, а долг не отдал. *Будто потерялось в жизни что-то самое нужное*, без чего жить нельзя и что теперь вроде бы и не нужным стало, а глупым и пустым, даже обманным оказалось. (ПД).

Сравнительные обороты с союзом *словно* немногочисленны и сопровождаются другими сравнительными конструкциями:

У речки, нестарый, глубоко по-ребячьи спит осинник. И, *словно румянец на детских щеках*, проступает сквозь сон прозрачная, еле заметная зелень коры. Несмелая еще зелень, зыбкая, *будто дымок*. (ПД).

Творительный сравнения используется Беловым редко. Такой оборот употреблен в речи Мишки, причем для усиления сравнения рядом даны два разноструктурных оборота, поясняющих быстроту действия:

Мы с лесенки-то ракетой. Как ветром нас сдунуло! (ПД).

Фразы с союзом *что* отличаются разговорным характером, содержат иронический элемент: *А ноги возьми, что вырублены... девка что баржа* (ПД).

Для передачи эмоциональных переживаний героя, для характеристики его поведения автор часто использует целый ряд эмоциональных сравнений:

Четыре дня лежала еще дома — колесом пошла вся жизнь. В доме сразу как не топлено стало. Да и самого будто стреножили, белый свет стал низким да нешироким, ходишь как в тесной, худым мужиком срубленной бане. (ПД).

В «Плотницких рассказах» создан выразительный образ рассказчика — плотника Смолина Олёши. У старика Смолина сравнения сочны и эмоционально выразительны; особенность его речи — одновременное употребление по поводу описываемой ситуации или оценки персонажа нескольких сравнений разной структуры:

Весь вечер я, как в огне, сам себя не помню... Как погляжу на нее, будто меня ошпарит чем... А сам весь от страха дрожу, хуже всякой войны. (ПР).

Конструкции с союзом *будто* наиболее частотны в речи Олёши Смолина, причем все связаны с воспоминаниями старого плотника о своей главной и единственной в жизни любви — о Татьяне: 1) описание переживаний самого героя:

К окошку меня, как магнитом, так само и волокёт, дрожу весь, как глянул в баню-то, будто в кипятки меня окунули. (ПР),

заметим, что динамизм действия и психологическая насыщенность описания усиливаются за счет одновременного употребления разных сравнительных оборотов; 2) поэтичное описание внешности и поведения девушки:

Глаза у ее были, я тебе скажу, — не глаза, а два омутка, то синие, то черные, глядят куда-то сквозь тебя, а не поймешь, что думают, будто забыли чего, а вспомнить не могут... До травки-муравки будто из милости ногами дотрагивается; ...На белый свет будто вытаяла... Косить, бывало, пойдет либо суслоны жать, не идет — птахой летит, что с поля, что в поле. (ПР).

Отметим в последнем случае увеличение семантического объема сравнений за счет

конструкций с именным сказуемым (*глаза — два омутка*) и с творительным сравнения (*птахой летит*).

У повествователя Кости Зорина сравнения по синтаксическим особенностям и по лексическому наполнению носят книжный характер:

Здесь, так же как снежные глыбы с ветхой кровли, сползают с души многослойные глыбы прошлого. (ПР).

Преимущественно для речи рассказчика Константина Зорина характерны наречия со сравнительно-уподобительным значением: *Сюда же одна за одной собрались и собачки, но здесь они вели себя совсем не по-уличному* (ПР). Сравнение с союзом *словно* (11 употреблений) отмечено в речи Зорина только в двух случаях: 1) тематика сравнений характерна для городского жителя, сами сравнения носят развернутый и книжный характер, например: *Обиды отрочества — словно зарубки на березах: заплывают от времени, но никогда не зарастают совсем* (ПР); 2) второй ряд сравнений обусловлен конкретными деревенскими наблюдениями рассказчика и влиянием этих событий на его речь:

...я ныром, словно в летний омут после жаркого дня, незаметно ушел в бездну Олёшиных разговоров;

Лошадь вздрагивала, испуганно кося большим, по цвету радужно-фиолетовым, словно хороший фотообъектив, глазом. (ПР).

Реже в речи повествователя встречается союз *будто*, причем такие конструкции связаны только с деревенской действительностью:

Бригадир поздоровался так, что будто только вчера потух наш последний костер;

Мерцали над деревней синие, будто обсосанные леденцы, звезды. (ПР).

Сравнения в романе «Час шестой» (Час) разнообразны по структуре и по художественному назначению. Особенно распространены в трилогии сравнения, связанные с миром природы:

Собрание гудело как потревоженный мышами улей;

Ленинский Коминтерн, как лесной гриб, сгнил на корню. (Час).

Преобладает лексика природы и в сравнениях с союзом *словно*: *Только спит*

она чутко, словно ночная птица. (Час). Творительный сравнения тоже связан с образами сельской природы: *Ослепительной счастливой зарницей мелькнула в жизни кур-санта отпускная неделя.* (Час). В сравнениях нередко используются образы животных:

Он *по-медвежьи* неловко повернулся к охраннику;

Белые ресницы Миши Лыткина то и дело *по-телячьи* моргали. (Час).

Деревенскому жителю хорошо понятны и следующие сравнения: *Запомнились и коровьи вздохи внизу, под верхним сараем, словно меха в Гавриловой кузнице; долгий, повдovsky тяжёлый вздох коровы.* (Час).

Развернутая цепь сравнительных структур использована автором, чтобы передать силу лесного ветра:

Ровный мощный поток ветра летел с юго-запада. Гудело вокруг все, шумело в сосновых и еловых верхах, широко и безостановочно, словно вода, падающая с какой-то безбрежной небесной плотины. Так же, с такой же упрямой и добротной настырностью, ровно и бесконечно шумят жернова, перетирающие сухое зерно, засыпанное в мельничный кош до самых краев. (Час).

Заканчивается это описание ярким образом: *Лес гудел вокруг «охотников» будто вселенский потоп.* (Час).

С крестьянским трудом связаны оформленные оборотами с союзом *словно* выразительные образы, возникающие в сознании крестьян в разных ситуациях:

...когда печь была сбита, Евграф похлопал по ней ладонью, словно по запряженной лошади: — Живет, добро!;

Глубокая затаенная обида, словно огонь под соломенным пеплом, таилась где-то далеко в сердце. (Час).

Сравнительные обороты являются средством иронии, сатиры или мягкого юмора. Например, Павел беспощадно оценивает аграрную политику государства: *Все крестьянство раздавили в лепешку, как червяка.* (Час).

В.И. Белов не забывает о профессии героя, который наблюдает ту или иную картину. Для матроса Василия Пачина естественны сравнения, связанные с образами флотской службы:

По цвету крыша была похожа на серый борт корабля;

Братва окрестила «якорем» тот самый галюн, где курильщики собирались каждый вечер перед отбоем. (Час).

В целом сравнения в прозе Белова разнообразны по структуре, выразительны по своим семантико-стилистическим качествам, метки, красочны и выразительны. Они помогают нарисовать внешность героев, передать их душевные переживания, кратко и точно описать обстановку и состояние природы. По частотности употребления преобладает оборот с союзом *как*, затем идет форма сравнительной степени, конструкции с союзами *словно* и *будто*, далее — творительный сравнения и формы с приставкой *по-*, остальные конструкции единичны. В.И. Белова больше заботила точность обозначения, он стремился сразу, одним словом или словосочетанием (чаще с определением), обозначить предмет или явление, назвать действие и охарактеризовать героя.

Таким образом, выбор и описание места и времени, оценка всего происходящего в деревне через сознание и голоса главных персонажей — жителей вологодской деревни, характер использованных писателем диалектизмов, цветообозначений и сравнений свидетельствуют о том, что В.И. Белов создал особый «вологодский» текст.

ЛИТЕРАТУРА

Белов В.И. Год великого перелома. Хроника начала 30-х годов // Белов В.И. Собр. соч.: в 7 т. — М., 2011. — Т. 2—4. — С. 5—378.

Белов В.И. Лад: Очерки о народной эстетике. — 2-е изд. — М., 1989.

Белов В.И. Утром в субботу (Из записной книжки) // Белов В.И. За тремя волоками: Повести; Рассказы; Очерки. — М., 1989.

Вологодское словечко: Школьный словарь диалектной лексики / отв. ред. Л.Ю. Зорина. — Вологда, 2010.

Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. — М., 1978—1979.

REFERENCES

Belov V.I. God velikogo pereloma. Hronika nachala 30-h godov, in *Belov V.I. Collected edition.: in 7 vol.*, Moskva, 2011, vol. 2—4, pp. 5—378.

Belov V.I. Lad: Ocherki o narodnoi estetike, 2nd issue, Moskva, 1989.

Belov V.I. Utrom v subbotu (Iz zapisnoi knizhki), in *Belov V.I. Za tremya volokami: Short novels, stories, notes.* Moskva, 1989.

Vologodskoe slovechko: Shkol'nyi slovar' dialektnoi leksiki, resp. ed. of L.Yu Zorina, Vologda, 2010.

Dal' V.I. Tolkovyi slovar' zhivogo velikorusskogo yazyka: in 4 vol., Moskva, 1978—1979.

Повтор как средство художественной выразительности в поэзии Н. Рубцова

В статье исследуются различные виды повторов в поэтической речи Н.М. Рубцова, устанавливаются их семантические и функциональные особенности. Анализируются случаи корневого лексического повтора, способы синтаксической организации повторяющихся элементов (параллелизм, анафорические построения). Рассматриваются как особые образования в структуре текста рефрен и обрамление (инклюзия), выявляется их роль в выражении содержания текста и стилистические функции. В результате анализа установлено, что повтор для поэта – основополагающий принцип структурно-семантической организации текста, один из способов выражения субъективной модальности, авторского отношения к изображаемому, значимое средство выразительности, создающее неповторимый стиль писателя и большой силы экспрессию в художественном тексте.

Ключевые слова: *Н. Рубцов; стилистическая фигура; повтор; рефрен; обрамление; параллелизм; период.*

Svetlana Kh. Golovkina

Repetition as the Mean of Artistic Expression in the Poetry by N. Rubtsov.

The different types of repetitions in poetic texts of N. Rubtsov are investigated in the article, their semantic and functional features are set. The cases of root lexical repetition, methods of syntactic organization of repetitive elements (parallelism, anaphoric constructions) are analysed. The refrain and framing (inclusion) are examined as the special elements in the structure of text, their role in expression of maintenance of text and stylistic functions come to light. It was set as a result of analysis that according to the poet repetition becomes the fundamental principle of structural and semantic organization of text, one of the tools of subjective modality creation, of the authors attitude to the content, meaningful means of expressiveness, creating the special unique style of writer and emotional expression in artistic text.

Key words: *N. Rubtsov; stylistic figure; repeat; refrain; inclusion; parallelism; period.*

Повтор – универсальный механизм построения поэтического текста. Рассматривая повтор как одно из явлений функционирующей языковой системы, ученые исследуют его с разных позиций: «как экспрессивно-стилистическое средство, как грамматическое средство, как нарушение языковой нормы, как средство усиления, актуализации, гармонизации структуры текста, как содержательную категорию, то есть на уровне функционирования повторяющихся в тексте образов, символов, мотивов и ситуаций» [Надеждин 2015]. В ряде работ представлены разные

подходы к классификации и определению функциональных особенностей повторов на разных уровнях образной системы [Арнольд 2002; Москвин 2007; Хазагеров 2009].

Повторы относятся к образным центрам языка, являясь необходимым конструктивным элементом поэтического текста. Каждый поэт по-своему может использовать языковой материал для создания собственных новых экспрессивно-смысловых оттенков речи.

В поэтической системе Николая Рубцова – одного из русских поэтов XX века – это и способ организации структуры поэтического текста, и средство связи текстовых единиц, и средство художественной выразительности. Повтор служит выделению слов, ключевых для понимания содержания и модальности текста, становится характерной и неотъемлемой чертой индивидуально-авторского стиля поэта.

Нередкое явление поэтической речи Н. Рубцова – повтор слов одной части речи, а также однокоренных слов разной частеречной принадлежности в начале строки (в анафоре), на стыке или в конце строки (в эпифоре). Самым частотным у Рубцова оказывается глагольный повтор,

Светлана Христофоровна Головкина, кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка, журналистики и теории коммуникации
E-mail: sgolovkina@mail.ru

ФГБОУ ВО «Вологодский государственный университет»

ул. Ленина, д. 15, Вологда, 160000, Россия

Vologda State University
15 Lenina str., Vologda, 160000, Russian Federation

Ссылка для цитирования: Головкина С.Х. Повтор как средство художественной выразительности в поэзии Н. Рубцова // Русский язык в школе. – 2018. – № 7. – С. 61–66. DOI: 10.30515/0131-6141-2018-79-7-61-66.

направленный на выполнение разных функций: а) обозначение длительности, непрерывности действия («*Горишь, горишь*, как добрая душа, / *Горишь* во мгле — и нет тебе покоя...»; «*И длится, длится* поневоле / Тяжелых мыслей череда...»)¹; б) обозначение повторяющегося действия, сходного повторяющегося состояния («Погружены в томительный мороз, / Вокруг меня снега *оцепенели*! / *Оцепенели* маленькие ели, / И было небо темное, без звезд»); в) обозначение интенсивности действия («*Спасали* скот, *спасали* каждый дом / И глухо говорили: — Слава богу!»; «*Идут, идут*, как мысли, облака...»; «*Скрипят, скрипят* под ветками качели...»).

Повторяющиеся наречия в поэтических текстах Н. Рубцова эмоционально выделяют способ и степень проявления действия или признака («*Тихо* ответили жители: / — Это на том берегу. / *Тихо* ответили жители, / *Тихо* проехал обоз, / Купол церковной обители / Яркой травой зарос...»; «Как по саду, садику багряному / *Грустно-грустно* листья шелестят»; «— Прости, — сказал родному краю, — За мой отъезд, за паровоз. Я *несерьезно*. Я играю. Поговорим еще *все-всезнающе*»). Повторение слов категории состояния служит у Рубцова выделению особого состояния природы или человека («*Глухо* в раскрытом окошке, *глухо* настолько, Что слышно бывает, как *глухо*...»).

Отметим также случаи субстантивно-го («С моста идет дорога в *гору*. / А на *горе* — какая грусть! — лежат развалины собора...»; «И *путь* без солнца, *путь* без веры / Гонимых снегом журавлей...»; «Я не просплю сказанные *сосен*, / Старинных *сосен* долгий шум...») и адъективного повторов («И сдержанный говор *печален* / На темном *печальном* крыльце...»; «Чтоб удивительно *светлое* утро / Встретить, как *светлую* весть!..»). В среднем то или иное слово повторяется в текстах Н. Рубцова от 2 до 4 раз. Однако есть произведения, целиком построенные на повторе, например, стихотворение «Угрюмое»:

Я вспомнил *угрюмые* волны,
Летающие мимо и прочь!
Я вспомнил *угрюмые* молы,
Я вспомнил *угрюмую* ночь.
Я вспомнил *угрюмую* птицу,
Взлетевшую жертву стеречь.

Я вспомнил *угрюмые* лица,
Я вспомнил *угрюмую* речь.
Я вспомнил *угрюмые* думы,
Забывшие мною уже...
И стало *угрюмо*. *угрюмо*
И как-то спокойно душе.

Использование анафоры, параллелизм конструкций, повторы местоимения, глагола, прилагательного позволяют выразить особое эмоциональное состояние лирического героя. Так, с одной стороны, достигается высокий уровень экспрессии, с другой — на фоне повторяющихся компонентов особую значимость приобретают существительные, находящиеся в синтагматической связи с прилагательным *угрюмый*.

Интересны поэтические тексты Н. Рубцова, основанные на языковой игре с полисемией, точнее на антанаклазе — фигуре речи, базирующейся на повторении либо омонимичных, либо многозначных языковых единиц в разных контекстуальных значениях. В структуре повтора однокоренные слова и слова, имеющие этимологически общий корень. В качестве примера такого сближения в пределах небольшого контекста можно рассмотреть фрагмент стихотворения «Видения на холме»:

Россия, Русь! Храни себя, храни!
Смотри, опять в *леса* твои и доли
Со всех сторон нагрянули они,
Иных времен татары и монголы.
Они несут на флагах черный *крест*,
Они *крестами* небо *закрестили*,
И не *леса* мне видятся *окрест*,
А *лес крестов* в *окрестностях* России.
Кресты, кресты...

Как заклинание звучит фраза: *Россия, Русь! Храни себя, храни!* Риторическое обращение, лексический повтор, восклицательная интонация создают общий эмоциональный настрой контекста. Выразительность и эмоциональная насыщенность обусловлены столкновением в контексте слов одного этимолого-словообразовательного гнезда (*крест, закрестить, окрестность, окрест*). Крест здесь и изображение свастики, и знак, создаваемый движением руки, и могильный. Слово *лес* используется как в первичном значении ('пространство, заросшее деревьями и другими растениями'), так и в переносном — 'большое количество чего-либо'. В результате семантической диффузии в тексте развивается мотив испытаний, страданий, выпавших на долю Родины.

¹ Тексты стихотворений цит. по: Рубцов Н. М. Русский огонек. Стихи, переводы, воспоминания, проза, письма: в 2 т. — Вологда, 1994. — Т. 1.

Во многом благодаря использованию в одном тексте разных типов повтора Н. Рубцов достигает музыкальности, напевности стиха. Не случайно произведения автора привлекают внимание современных музыкантов, композиторов, многие его стихотворения становились в разное время песнями («Плыть, плыть...», «Букет», «Улетели листья с тополей...», «В горнице», «Березы», «Зимняя песня» и др.), многие уже в авторском заглавии содержат слово *песня* и, по воспоминаниям друзей поэта, исполнялись самим Рубцовым под аккомпанемент гармони.

Не случайно традиционным для поэта является рефренный повтор — «композиционный прием повторения стиха или ряда стихов» [Квятковский 2000: 286] в разных частях стихотворения, своего рода песенный припев. «Следуя за различными куплетами, то есть входя в разные контексты, он приобретает все время новую семантико-эмоциональную окраску. Повторение слов лишь способствует ее выделению» [Лотман 1970, Электронный ресурс]. Обычно Н. Рубцов включает рефрен в текст стихотворения через каждые 2 или 3 строфы, создавая содержательные блоки той или иной текстовой модальности, позволяющие увидеть изменение состояния лирического героя в разных пространственных и временных планах. Несомненно, «одинаковые элементы обнажают и структурное различие частей поэтического текста, делают его более явным, поскольку бесспорно, что увеличение повторов приводит к увеличению семантического разнообразия, а не однообразия текста. Чем больше сходство, тем больше и разница» [Там же].

Рефрен выполняет композиционную функцию, играет роль средства ритмической организации стихотворения. В таком рефренном повторе у Н. Рубцова обычно участвует от 2 до 4 строк, включающих одно сложное или — реже — два осложненных предложения. При этом можно отметить случаи с полным лексико-синтаксическим и неполным (с заменой отдельных самостоятельных или служебных слов и некоторым изменением структуры и семантики предложения) повтором.

Стихотворение «Прощальное» («*Печальная Вологда дремлет...*») — пример полного повтора в рефрене (2 и 4 строфы):

Родимая! Что еще будет
Со мною? Родная зоря
Уж завтра меня не разбудит,

Играя в окне и горя.

Рефрен участвует в формировании темпоральной сетки текста. Его содержание обращено к будущему, тогда как остальные части отражают образы прошлого и настоящего. Изменение модальности текста происходит за счет использования в рефрене риторического восклицания и вопросно-ответных структур. Именно рефрен становится средоточием рефлексии лирического героя, вызванной его эмоциональным состоянием глубокой тревоги, печали, безысходности от расставания, неотвратимости утраты, одиночества. Кроме того, многократные повторы за рамками рефрена разных форм прилагательных *печальный, темный* и наречия *печально* (1-я строфа — «*Печальная Вологда дремлет / На темной печальной земле...*», 3-я строфа — «*И дверь опустевшего клуба / Печально закрылась уже*», 5-я строфа — «*И сдержанный говор печален / На темном печальном крыльце*», «*все стало печальным в конце*», 6-я строфа — «*На темном разъезде разлуки / И в темном прощальном авто / Я слышу печальные звуки...*») создают общее настроение текста, а также служат его связи с заглавием. Контраст между отдаленным прошлым и настоящим в основной части стихотворения поддерживается за счет включения в текст после каждого рефрена пары слов, выражающих антонимичное содержание: *веселые трубы — двери печально закрылись, все было веселым вначале — все стало печальным в конце*. Настроение лирического героя становится еще более понятным после прочтения письма Н. Рубцова поэту Г.Я. Горбовскому: «Вообще, в Вологде мне всегда бывает и хорошо, и ужасно грустно и тревожно. Хорошо оттого, что связан с ней я своим детством, грустно и тревожно, что и отец, и мать умерли у меня в Вологде. Так что Вологда — земля для меня священная, и на ней с особенной силой чувствую я себя и живым, и смертным» [Рубцов 1994: 390]. Та же тема, сходное антонимическое противопоставление слов, называющих эмоциональное состояние (*мне хорошо — грустно, тревожно*), лексический повтор в тексте письма позволяют говорить о несомненной связи двух текстов.

В стихотворении «На ночлеге» функцию рефрена выполняют 3-я и 6-я строфы. В 3-й строфе: *И отправился в темный угол, / Долго с лавки смотрел в окно / На поobleкшие травы луга... / Хоть бы слово еще*

одно! — поэт использует форму прошедшего времени *смотрел*, в 6-й меняет ее на форму будущего времени *долго будет смотреть в окно*, создавая таким образом временную перспективу текста. На фоне повтора минимальная замена становится особенно заметной. Уходящее «сегодня» становится новым днем, но каждое «завтра» ничем не отличается от предыдущего дня. События повторяются, неизменно течет жизнь. Неполный повтор двух начальных (*Лошадь белая в поле темном. / Воем ветер, бурлит овраг*) и конечных строк стихотворения (*Лошадь белая в поле темном / Вскинет голову и заржет*) показывает, насколько существенны изменения в окружающем мире, всё в жизни повторяется и становится привычным.

Многие стихотворения Н. Рубцова содержат кольцевой повтор — обрамление: «Сапоги мои — скрип да скрип...», «Зимняя песня», «Дорожная элегия», «Плыть, плыть», «На ночлеге», «Привет, Россия...», «Прекрасно небо голубое!». Усилению воздействия на читателя способствует и активное использование поэтом разных видов повтора (лексического, морфологического, синтаксического) внутри обрамляющей части:

Сапоги мои — скрип да скрип
Под березою,
Сапоги мои — скрип да скрип
Под осиною,
И под каждой березой — гриб,
Подберезовик,
И под каждой осиною — гриб,
Подосиновик!

Повтор в начале и в конце текста не только служит структурной организации текста, сообщает ему особую мелодичность, но и вводит в текст образ лирического героя, предметов окружающего мира, позволяет показать в обрамлении и остальной части текста события разного времени, отграничить пространство реальное и мифологическое. Так в стихотворении «Сапоги мои — скрип да скрип» первое предложение начинает описание картины идущего по лесу человека как реального события. Следующая развернутая часть текста рисует картину мифологическую (*будто видит твоя душа сновидение*): далеко от села, в глуши лесной, ведьмы плачут жалобно и чаруют детским пением, сводят с ума, а тучи да лапы трясин кружат глаза. Мифологизируется и пространство, и время:

Таковы на Руси леса
Достославные,
Таковы на лесной Руси
Сказки бабушки.
Эх, не ведьмы меня свели
С ума-разума песней сладкою —
Закружило меня от села вдали
Плодоносное время
Краткое...

Лексические повторы в этой части стихотворения (*леса — лесной, с ума-разума*), параллелизм структур, инверсия направлены на создание текста, стилизованного под фольклорный (сказку, быличку).

Повторное использование первого предложения в конце текста позволяет вернуть читателя в реальность. Сходным образом организовано и стихотворение «Зимняя песня»:

В этой деревне огни не погашены.
Ты мне тоску не пророчь!
Светлыми звездами нежно украшена
Тихая зимняя ночь.
Светятся, тихие, светятся, чудные,
Слышится шум полыньи...
Были пути мои трудные, трудные.
Где ж вы, печали мои?
Скромная девушка мне улыбается,
Сам я улыбчив и рад!
Трудное, трудное — все забывается,
Светлые звезды горят!
Кто мне сказал, что во мгле заметленной
Глохнет покинутый луг?
Кто мне сказал, что надежды потеряны?
Кто это выдумал, друг?
В этой деревне огни не погашены.
Ты мне тоску не пророчь!
Светлыми звездами нежно украшена
Тихая зимняя ночь...

Начальная строфа определяет пространственную и временную позицию лирического героя и в то же время обозначает объект, ставший толчком для поэтической рефлексии (звездное небо). Последняя строфа возвращает героя в реальность из его внутренних переживаний, воспоминаний, надежд и сомнений. Лексические повторы на протяжении всего текста служат усилению непрерывности действия, интенсивности и глубины состояния или признака (*светятся — светятся, трудные — трудные, улыбается — улыбчив, трудное — трудное*), повтор в вопросительных предложениях (*кто мне сказал...*) также выполняет усиленную функцию, выступает как действенное средство оформления убеждения. Ради того чтобы окончательно перевести

сомнения в уверенность, в третий раз в вопросе поэт производит лексическую замену (*сказал — выдумал*). Потому и в последней строфе повторяющееся побудительное предложение (*Ты мне тоску не пророчь!*) воспринимается по-новому — как табу, а не предостережение или просьба, как запрет, вызванный предшествующими «светлыми» размышлениями лирического героя. Таким образом, в поэтическом тексте трудно говорить о существовании абсолютного повтора, «поскольку даже при полном совпадении отрывков текста меняется их место в целом произведении, отношение к нему,

прагматическая функция и др.» [Лотман 1972: 41].

В поэтических текстах Н. Рубцова можно отметить также случаи использования кольцевого повтора с заменой слов или словосочетаний, перестановкой компонентов фразы, изменением грамматической формы отдельных компонентов, модальности или цели высказывания синтаксической конструкции. Тогда 1-я и последняя строфы подобно диалоговым структурам вступают в отношения как реплика-стимул и реплика-реакция. Сравним 1-е и последнее четверостишие стихотворения «Березы»:

Я люблю, когда шумят березы, Когда листья падают с берез. Слушаю — и набегают слезы На глаза, отвыкшие от слез.	Русь моя, люблю твои березы! С первых лет я с ними жил и рос. Потому и набегают слезы На глаза, отвыкшие от слез...
---	---

В начале стихотворения поэт называет объект, вызывающий эмоциональное состояние (березы), в повторе 2-й строки дается уточнение времени (пора листопада), когда чувства проявляются особенно сильно. Состояние не названо, но описано через внешние его проявления в 3-й и 4-й строках.

В последней строфе происходит замена 1-й и 2-й строк — результат компрессии лирического описания в предшествующем тексте стихотворения. Образ получает символическое наполнение: береза — знак «своего пространства» (малой родины), ассоциативно связанный с могилой матери, гибелью отца в период осеннего листопада. Объяснение причины слез влечет замену глагола *слушаю* в 3-й строке на наречие *потому*. В структурном отношении меняются типы синтаксических конструкций (от сложного предложения к простым), и текстовая модальность (появляются усиливающие эмоциональную окраску текста риторическое обращение, восклицательная интонация). Усиливает экспрессию и поставленное автором в конце текста многоточие, создающее «эффект кома в горле», мешающего продолжить речь.

Наблюдения над поэтическими текстами («В сибирской деревне», «Зимняя ночь», «Подорожники», «До конца» и др.) позволяют утверждать, что прием кольцевого повтора с различными лексико-синтаксическими изменениями в последней строфе становится у Н. Рубцова устойчивой поэтической моделью для воплощения авторского замысла.

Среди синтаксических способов организации речи на основе повтора отметим период. Это сложноподчиненное предложение, в первой части которого (содержащей однородные придаточные) интонация повышается, а во второй (главной части) понижается. Период представляет собой «комбинацию синтаксического параллелизма» или синтаксической анафоры, сопровождающейся повтором союза или союзного слова, ряда сходных предложений с возможным пропуском сказуемого (зевгма) и интонационной антитезы [Хазагеров 2009: 205–206].

Это явление уникальное для поэзии Н. Рубцова, как, впрочем, редкое для всей русской поэзии, ведь «стихотворение, написанное в форме периода, свидетельствует о широте поэтического дыхания автора и зрелом мастерстве, при наличии которого только и можно совладать со сложной аппаратурой стиха, включающего в себя несколько строф» [Квятковский 2000: 244]. В классической русской поэзии яркими примерами таких текстов являются стихотворения А.С. Пушкина «Когда порой вспоминаешь...» (26 строк), М.Ю. Лермонтова «Когда волнуется желтеющая нива...» (16 строк), А.А. Фета «Когда мечтательно я предан тишине...» (20 строк). Стихотворение Н. Рубцова «В глуши» содержит 16 строк, где 1, 5 и 9-я представляют собой параллельно повторяющиеся части придаточных времени, создающие особое напряжение в тексте:

Когда душе моей
 Сойдет успокоенье

С высоких, после гроз,
Немеркнущих небес,
Когда душе моей
Внушая поклоненье,
Идут стада дремать
Под ивовый навес,
Когда душе моей
Земная веет святость,
И полная река
Несет небесный свет,
Мне грустно оттого,
Что знаю эту радость
Лишь только я один:
Друзей со мною нет...

Интонация антитезы поддерживается в главной части сложного предложения антонимической парой, определяющей векторы тематического развития текста: радость связана с осознанием того, что заключено в придаточных предложениях, грусть — с мотивом одиночества.

Таким образом, широкое использование разных типов повтора как текстообразующего и изобразительно-выразительного средства, сочетание в одном тексте лексического и синтаксического повторов — характерные черты поэтической индивидуальности Н. Рубцова. Повторение целых строф в разных частях текста усиливается за счет лексического (корневого, синонимического, антонимического) и морфологического повтора отдельных словоформ разных частей речи, синтаксического параллелизма, анафор, анаistroф, эпифор и т.д. Композиционная особенность многих стихотворений Н. Рубцова — кольцевой повтор (инклюзия), или обрамление, с разной последовательностью включения повторяющихся строк, возможными заменами отдельных слов, изменением синтаксической структуры и эмоционально-экспрессивного содержания текста.

ЛИТЕРАТУРА

Арнольд И.А. Стилистика. Современный английский язык. — М., 2002.

Квятковский А.П. Школьный поэтический словарь. — 2-е изд., стереотип. — М., 2000.

Лотман Ю.М. Анализ поэтического текста: Структура стиха. — Л., 1972.

Лотман Ю.М. Структура художественного текста. — М., 1970 [Электронный ресурс]. — URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Literat/Lotman/_Index.php (дата обращения: 28.04.2018).

Москвин В.П. Выразительные средства современной русской речи. Тропы и фигуры. Терминологический словарь-справочник. — 3-е изд. — Ростов-на-Дону, 2007.

Надеждин А.М. Корневой повтор в художественной речи М.И. Цветаевой: дисс. ... канд. филол. наук. — Нижний Новгород, 2015.

Рубцов Н.М. Русский огонек. Стихи, переводы, воспоминания, проза, письма: в 2 т. — Вологда, 1994. — Т. 1.

Хазаров Г.Г. Риторический словарь. — М., 2009.

REFERENCES

Arnol'd I.A. Stilistika. Sovremennyi angliiskii yazyk, Moskva, 2002.

Kvyatkovskii A.P. Shkol'nyi poeticheskii slovar', 2nd issue, ster., Moskva, 2000.

Lotman Yu.M. Analiz poeticheskogo teksta: Struktura stiha, Leningrad, 1972.

Lotman Yu.M. Struktura hudozhestvennogo teksta, Moskva, 1970, available at: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Literat/Lotman/_Index.php (28.04.2018).

Moskvin V.P. Vyrazel'nye sredstva sovremennoi russkoi rechi. Tropy i figury. Terminological guide dictionary, 3rd issue, Rostov-na-Donu, 2007.

Nadezhdin A.M. Kornevoi povtor v hudozhestvennoi rechi M.I. Tsvetaevoi: Ph. candidate's thesis, Nizhnii Novgorod, 2015.

Rubtsov N.M. Russkii ogonek. Stihy, perevody, vospominaniya, proza, pis'ma: in 2 vol., Vologda, 1994, vol. 1.

Hazagerov G.G. Ritoricheskii slovar', Moskva, 2009.

Лингвопоэтический анализ стихотворения А. Дельвига «Пусть нам даны не навсегда...»

В статье анализируется одно из малоизвестных стихотворений Дельвига, в построении которого ведущую роль играет синтаксис и служебные слова, маркирующие композиционные части и эксплицирующие семантические отношения между ними.

Ключевые слова: *синтаксический строй; повторы; служебные части речи; композиция; семантические поля; мотив; лирический субъект; лирический сюжет.*

Elena A. Panova

Linguopoetic Analysis of A. Del'vig's Poem "Pust' Nam Dany ne Navsegda..."

The article analyses one of the little-known A. Del'vig's poem. The main role in its structure belongs to syntax and function words marking the compositional parts and explicating its semantic relations.

Key words: *syntactic structure; refrains; auxiliary parts of speech; composition; semantic fields; motive; lyric persona; lyric plot.*

Антон Антонович Дельвиг, лицейский друг А.С. Пушкина, его «парнасский брат», без которого, как неоднократно отмечали исследователи, «невозможно себе представить» «пушкинскую плеяду» [Ходасевич 1991: 213], вошел в русскую поэзию прежде всего как автор прекрасных идиллий на античные темы и русских песен и романсов (многие из которых положены на музыку известными композиторами). Так, Б.В. Томашевский писал, что при рассмотрении поэзии Дельвига обычно «делят его стихи на два класса: песни и античные темы», и объяснял это тем, что «уже в 1810-х годах Дельвиг наметил два основных вида своей лирики: подражания древним и стихотворения в духе русских народных песен, и в дальнейшем лишь совершенствовал избранные им виды стихотворений, находя

для них идеальное выражение» [Томашевский 1959: 46, 47]. Эта классификация, однако, не охватывает все стороны поэтического творчества Дельвига. Хорошо известны и, безусловно, важны для полной характеристики лирики поэта его сонеты («Вдохновение», «Златых кудрей приятная небрежность» и др.), а также элегии («Когда, душа, просилась ты...» и др.), дружеские послания и многие другие произведения вне жанров.

Стихотворение же «Пусть нам даны не навсегда...» не получило широкой известности, оно не было включено в единственный прижизненный сборник поэта 1829 г., не установлена даже точная дата его написания: комментаторы указывают диапазон в несколько лет: конец 1820-х — начало 1830-х гг. [Дельвиг 1986: 186]. В издании 1959 г. («Библиотека поэта». Большая серия) оно помещено в раздел «Наброски, отрывки и стихи неизвестных лет» [Дельвиг 1959: 221]. Таким образом, определенно можно сказать только, что это стихотворение относится к позднему периоду творчества поэта. (Впрочем, как отмечал Б.В. Томашевский, «для поэзии Дельвига не характерны хронологические разграничения (может быть, именно поэтому Дельвиг совсем не заботился о расстановке дат на своих стихотворениях)» [Томашевский 1959: 46].) В работах, посвященных творчеству Дельвига, оно никогда не цитируется, даже не упоминается и, кажется, остается вне поля зрения как исследователей, так и читателей.

Елена Алексеевна Панова, кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка, Институт филологии

E-mail: eapanova@mail.ru

ФГБОУ ВО «Московский педагогический государственный университет»

ул. Малая Пироговская, д. 1/1, Москва, 119991, Россия

Moscow State Pedagogical University

1/1 Malaya Pirogovskaya Str., Moscow, 119991, Russian Federation

Ссылка для цитирования: Панова Е.А. Лингвопоэтический анализ стихотворения А. Дельвига «Пусть нам даны не навсегда...» // Русский язык в школе. — 2018. — № 7. — С. 67–71. DOI: 10.30515/0131-6141-2018-79-7-67-71.

Однако это небольшое по объему, камерное и искреннее по тональности стихотворение притягивает внимание отточенностью, почти афористичностью формы и, несмотря на «легкость» тона и прозрачность (и даже некоторую банальность) содержания, отличается смысловой плотностью и философской глубиной, хотя при этом автор как будто вовсе и не заботится о том, чтобы выглядеть философом.

Пусть нам даны не навсегда
И жизнь, и жизни наслажденье,
Пусть, как падучая звезда,
Краса блеснит одно мгновенье, —
Да будет так! Закон богов
Без ропота благословляю,
А всё на путь мой я цветов,
Как жизнь минутных, рассыпаю.

Мастерство Дельвига в области поэтической формы было отмечено еще Пушкиным, который, характеризуя самые первые стихотворные опыты своего товарища, писал: «В них уже заметно необыкновенное чувство гармонии и той классической стройности, которой никогда он не изменял» [Пушкин 1995: 88]. Сам Дельвиг, по свидетельству П.А. Вяземского, прекрасно осознавал это свойство своей поэзии и «говаривал с благородною гордостью: “Могу написать глупость, но прозаического стиха никогда не напишу”» [Вяземский 1984: 3]. Анализируемое стихотворение не является в этом плане исключением, напротив, оно оставляет впечатление сконцентрированности мысли в сочетании с отшлифованностью выражения.

Прежде всего, в нем в сжатом и предельно обобщенном виде собраны основные и постоянные мотивы и тематические линии лирики Дельвига: осознание быстротечности и кратковременности человеческой жизни; неизбежное увядание красоты и утрата радостей и наслаждений жизни, не могущие не вызывать грусти; и при этом философское спокойствие, с которым лирический субъект оценивает существующий порядок вещей. В результате стихотворение вызывает в памяти многие другие произведения поэта, как будто отсылая к ним и подводя некий итог. Это находит отражение и в лексике анализируемого стихотворения. Так, три ключевых слова текста: *жизнь*, *цветок*, *пусть* — входят, по данным составителей «Словаря языка А.А. Дельвига», в список наиболее частотных слов «в художественном лексиконе

А.А. Дельвига», репрезентирующих «основные мотивы его поэзии, связанные с античной (анакреонтической, горацической) и отчасти фольклорной традициями» [Васильев, Жаткин 2012: 17].

Кроме того, это одно из немногих стихотворений поэта, в котором лирическое «я» текста кажется максимально приближенным к автору (в отличие от условного «я» большинства его произведений), что придает стихотворению особую лиричность и непосредственность в выражении чувства. Причем общая тональность легкой грусти и спокойного притяния мироустройства, свойственная стихотворению, тоже является доминирующей в поэзии Дельвига в целом.

Рассмотрим основные смысловые линии стихотворения и те лексические средства, с помощью которых они выражены. Одним из ключевых и самым частотным является слово *жизнь*: употребленное в одном из основных своих значений («время существования живого существа от рождения до смерти»), оно трижды повторяется в этом коротком тексте и к тому же поддержано синонимом *путь* (в значении «жизненный путь»). Это придает тексту медитативно-философский характер, настраивая на то, что речь пойдет о бытии вообще, о сущности вещей, о судьбах всего живого в мире. Данная смысловая линия находит выражение и в других словах текста: *падучая звезда*, *краса*, *цветы* (явления, существование которых так же быстротечно, как и жизнь человека), *нам даны*, *закон богов* (то, что определяет миропорядок). Нельзя не заметить также, что все существительные употреблены в стихотворении в предельно обобщенном значении (*краса* — признак без указания его носителя; *цветы*, *наслажденье*, *закон богов* — родовые наименования вместо видовых), что, с одной стороны, способствует многоплановости и символизации самих этих понятий, а с другой — добавляет тексту смысловую глубину, так как оставляет простор для ассоциаций.

При повторе в тексте слова *жизнь* видна его непосредственная (синтаксическая) связь с другими словами, которые образуют два ключевых смысловых поля, объединяя вокруг себя лексику стихотворения, — *как жизнь минутных* и *жизни наслажденье*.

Итак, вторым семантическим полем, неразрывно связанным с первым и также акцентированным смысловыми повторами,

является «время», а именно микрополе «короткий промежуток времени», которое представлено следующими словами с темпоральной семантикой: *мгновенье, минутных, не навсегда*. Кроме того, с этой смысловой линией связаны и лексические единицы *краса, падающая звезда, цветы*, в значении которых, как отмечалось выше, имплицитно содержится фоновая сема 'недолговечность, кратковременность'.

Третья смысловая линия, возглавляемая словом *наслаждение*, акцентированным инверсией (*жизни наслаждение* вместо *наслаждение жизни*) и положением в рифме, также поддержана лексемами *краса, цветы*, у которых при этом актуализируется сема 'то, что доставляет удовольствие, наслаждение', *падающая звезда* (обозначает явление, которое, кроме кратковременности, отличается еще и завораживающей красотой), а также глаголом *блестит*, который в переносном значении ('поражающий, производящий впечатление своими высокими достоинствами') примыкает к этому смысловому полю.

Таким образом, одни и те же слова и сочетания, поворачиваясь разными гранями своего значения, участвуют в выражении трех ключевых смыслов, что в результате создает спаянность всех мотивов и образов стихотворения и оставляет впечатление семантической насыщенности и плотности, о котором говорилось выше. Это поддержано и рифмой, которая уже с самого начала закрепляет этот «сплав»: *не навсегда — звезда, (жизни) наслаждение — мгновенье*. Во второй части текста рифма нечетных строк (*закон богов — цветов*) связывает уже рассмотренные смысловые линии, а рифма в четных строках *благословляю — рассыпаю* выражает реакцию лирического субъекта на описываемую в стихотворении ситуацию (подробно это будет рассмотрено ниже). Наконец, две сравнительные конструкции (*как падающая звезда — как жизнь минутных*) тоже вносят свой вклад в это объединение, дополнительно увязывая между собой ключевые мотивы.

Остановимся на композиции и на синтаксическом строе текста. В стихотворении отсутствует деление на строфы, а синтаксически оно состоит из двух сложных предложений, граница между которыми проходит в середине 5-й строки. Однако благодаря закону единства и тесноты стихового ряда эта синтаксическая граница практически нейтрализуется, становится почти незаметной

(несмотря на наличие небольшой паузы, обозначенной на письме восклицательным знаком), так что создается эффект соединения двух предложений в единое целое. При этом отчетливо ощущается композиционное членение стихотворения на четыре части (с более тесной связью между первыми двумя), ведущую роль в котором играют служебные слова, начинающие каждое из двуступий (*пусть — пусть — да — а все*): $(2+2)+2+2$. Эти служебные части речи, членя текст, одновременно и связывают все звенья композиции в единое целое, маркируя смысловые отношения между ними и обозначая основные этапы развития лирического сюжета. В композиционном делении участвуют также личные местоимения и глагольные формы: *нам* (множественное число), *блестит* (3-е лицо) в первом четверостишии и *я* (ед. число), *благословляю, рассыпаю* (1-е лицо) во втором. Этой смене числа и лица соответствует и тематическое переклочение: общий непреложный миропорядок (первая часть) — два варианта реакции на него лирического субъекта (заключительный катрен).

Проанализируем более подробно развитие лирического сюжета. Стихотворение начинается (сильная позиция) со служебного слова *пусть*, акцентированного к тому же анафорическим повтором. Являясь показателем уступительного значения и связывая части сложноподчиненного предложения, этот союз-частица сразу придает тексту диалогичный и интригу, поскольку настраивает на ожидание некоего несоответствия, противоречия между содержанием придаточных и главной части.

Первые два предложения, вводимые союзом-частицей *пусть*, воспринимаются как своего рода ответные реплики, выражающие реакцию лирического героя на некую данность, на общеизвестную априорную истину. При этом *пусть* указывает и на признание справедливости, объективности того, о чем говорится в придаточных предложениях, на согласие с общим мнением и одновременно прогнозирует в главной части возмещение общему опыту, какое-то действие субъекта, которое будет противоречить его поведению, предписываемому ситуацией. Таким образом, начальное *пусть* создает перспективу, проекцию в будущее, так как заставляет ожидать определенной реакции со стороны воспринимающего субъекта, и предполагается, что эта реакция будет иметь нарушающий «правила» характер.

Однако далее текст развивается по принципу обманутого ожидания: вместо спрогнозированного возражения, некоторого игнорирования «сложившихся условий» перед нами еще одно безоговорочное признание, начинающееся с частицы *да*, которая, с одной стороны, является формообразующей (повелительное наклонение — *да будет*) и синонимична также формообразующей частице *пусть* (*пусть блестя*), а с другой — заставляет вспомнить об омонимичной утвердительной частице *да* (противоположной *нет*), выражающей согласие. Таким образом, общее значение приятия «непреложного закона жизни» и смирения перед ним оказывается подчеркнутым, акцентированным. Этому способствует и то, что фонетический комплекс *да* повторяется в первой части стихотворения трижды: *даны*, *не навсегда*, *звезда*, — как бы подготавливая итоговое — *да (будет)*.

Начало следующего предложения подхватывает и усиливает эту смысловую линию: появляется выделившееся из «мы» (*нам*) лирическое «я», обозначенное глагольной формой 1-го лица, которое непосредственно выражает свое отношение к существующему миропорядку — *благословляю* (слово имеет значение ‘одобряю, признаю разумным’ с оттенком благодарности). Таким образом, лирический субъект не оспаривает известной и привычной истины, более того, мысль о ней не вызывает у него даже скрытого недовольства (*без ропота*), его эмоциональная реакция на очевидное и неизбежное далека от скорби и безысходности, отличается спокойной мудростью и окрашена в тона лишь легкой грусти.

Дальше движение лирического сюжета опять совершает «поворот», смещая фокус внимания в иную смысловую плоскость (тот же прием обманутого ожидания). Заключительное двуступенчатое начинается с союза *а*, сопровождаемого частицей *всё* (общее значение — ‘что-то совершается вопреки тому, о чем говорилось раньше’), и, хотя формально оно является второй частью сложносочиненного предложения, семантически оно связано также и с первым четверостишием, реализуя то «нарушение правил», на которое настраивало начальное *пусть*.

Таким образом, два последних звена композиции (*да — а всё*) представляют собой противоположные (хотя и сосуществующие)

модусы «поведения» лирического героя стихотворения. При этом первый вариант объединяет лирического субъекта со всеми, а второй выделяет его из «ансамбля», подчеркивая его индивидуальный выбор, который может и не совпадать с общепринятым, что выражено, в частности, в отсутствии местоимения при глагольной форме *благословляю* и, наоборот, в наличии при *рассыпаю* сразу двух местоимений (*я* и *мой*), с помощью которых лирический герой заявляет о своей позиции¹. В результате глагольные формы 1-го лица *благословляю* — *рассыпаю* составляют оппозицию и воспринимаются как контекстуальные антонимы: ‘принимаю и подчиняюсь’ — ‘поступаю по-своему’. Сочинительная связь подчеркивает их равноценность, а частица *всё* смягчает их противопоставленность, не доводя ее до жесткой антитезы, и указывает на некий компромисс между ними. Однако противительное-присоединительное значение союза *а*, употребленного в концовке стихотворения, все же выделяет именно эту часть текста, акцентируя ее содержание.

Ключевым символом здесь становится слово *цветы*, которое является композиционно-смысловым центром стихотворения. Входя в смысловое поле «наслаждение», *цветы* воспринимаются прежде всего как обобщенное обозначение радостей земного бытия (от которых лирический субъект, сознающий их хрупкость и недолговечность, все же не хочет отказываться) и, кажется, не нуждающаяся в дополнительных истолкованиях. Этому способствует и перекличка с фразеологизмом *устилать/устлать путь/жизнь цветами/розами* в значении ‘делать жизнь приятной, радостной, счастливой’. Однако представляется, что кульминация стихотворения и содержание образа не сводится к банальному *carpe diem*. Не стоит забывать о своеобразии метаязыка поэтов пушкинской поры, в котором *цветами* в иносказательном смысле нередко назывались стихи: «Обозначение стихов... *цветами поэзии, воображения, фантазии* особенно активизируется в русской поэзии конца XVIII — начала XIX в. На базе этого сочетания оформилась глагольного типа перифраза — *рвать цветы Парнаса...* со значением ‘заниматься поэтическим творчеством’» [Поэтическая

¹ См. о различии употребления глагольных форм с местоимением *я* и без него: [Николаева 2008: 56–57].

фразеология Пушкина 1969: 138]. Можно привести целый ряд примеров, образно, тематически и даже лексически перекликающихся с двумя заключительными строками дельвиговского стихотворения, вот лишь немногие из них:

Певцы, друзья души моей!

В печальном странствии минутной жизни сей
Тернистую стезю *цветами* усыпайте...

(В. Жуковский. К поэзии, 1804);

О Муза, при труде, при сладостном мечтанье
Ты много на мой путь рассыпала *цветов*!

(В. Кюхельбекер. К Музе, 1819);

Парят поэты над землею,

И сыплют на нее цветы...

(Он же. Поэты, 1820);

Мой друг, и я певец! и мой смиренный путь

В *цветах* украсила богиня песнопенья...

(Пушкин. К Дельвигу, 1817).

Показательно в этом плане и название поэтического альманаха, издававшегося Дельвигом, — «Северные цветы». Не случайно и Пушкин в стихотворении, посвященном выходу в свет «Стихотворений барона Дельвига» и содержащем лаконичную характеристику его поэзии, использовал тот же мотив: *Кто на снегах возрастил Феофритовы нежные розы?* (1929).

При таком понимании символа *цветы* можно увидеть, что в концовке анализируемого стихотворения перифрастически выражается и выходит на первый план еще один мотив — мотив поэтического творчества. Грамматическое значение несовершенного вида глагола *рассыпаю*, указывающее на повторяемость действия, а значит, и на его протяженность во времени, вступает в оппозицию с мотивом кратковременности всего живого, выраженным в тексте лексически. Слово *все*, кроме значения частицы, смягчающей противопоставление («тем не менее»), одновременно воспринимается и как наречие, также указывающее на протяженность действия во времени, на его неоднократность (*все ...рассыпаю* = «всегда, все время, постоянно»). Иными словами, поэзия — это то, что помогает лирическому герою противостоять неудержимому времени, то, что можно назвать его «жизненной программой».

Следует, однако, заметить, что семантика образа цветов в поэзии и в искусстве в целом многогранна, он имеет широкий спектр иносказательных смыслов и может быть истолкован иначе. В результате финал стихотворения оставляет ощущение одновременно и внутренней смысловой завершенности текста, и его «открытости», так как содержит своего рода интригующую загадку, заставляющую работать воображение и мысль читателя и после того, как поставлена точка.

ЛИТЕРАТУРА

Васильев Н.Л., Жаткин Д.Н. Словарь языка А.А. Дельвига. — М., 2012.

Вяземский П.А. Дельвиг // Вяземский П.А. Эстетика и литературная критика. — М., 1984 [Электронный ресурс]. — URL: <http://vyazemskiy.lit-info.ru/vyazemskiy/memuary/delvig.htm> (дата обращения: 07.04.2018).

Дельвиг А.А. Сочинения. — Л., 1986.

Николаева Т.М. Непарадигматическая лингвистика. — М., 2008.

Поэтическая фразеология Пушкина. — М., 1969.

Пушкин А.С. Дельвиг // Пушкин А.С. Дневники. Записки. — СПб., 1995.

Томашевский Б.В. А.А. Дельвиг // Дельвиг А.А. Полное собрание стихотворений. — М., 1959.

Ходасевич В.Ф. Дельвиг // Ходасевич В.Ф. Колеблемый треножник: Избранное. — М., 1991.

REFERENCES

Vasil'ev N.L., Zhatkin D.N. Slovar' yazyka A.A. Del'viga, Moskva, 2012.

Vyazemskii P.A. Del'vig, in *Vyazemskii P.A. Estetika i literaturnaya kritika*, Moskva, 1984, available at: <http://vyazemskiy.lit-info.ru/vyazemskiy/memuary/delvig.htm> (07.04.2018).

Del'vig A.A. Sochineniya, Leningrad, 1986.

Nikolaeva T.M. Neparadigmaticeskaya lingvistika, Moskva, 2008.

Poeticheskaya frazeologiya Pushkina, Moskva, 1969.

Pushkin A.S. Del'vig, in *Pushkin A.S. Dnevnik. Zapiski*, Sankt-Petersburg, 1995.

Tomashevskii B.V. A.A. Del'vig, in *Delvig A.A. Polnoe sobranie stihotvoreniy*, Moskva, 1959.

Hodasevich V.F. Del'vig, in *Hodasevich V.F. Koleblemyi trenozhnik: Selecta*, Moskva, 1991.

Способы лексикографического представления хронологически отмеченной лексики

Статья посвящена лексикографической интерпретации хронологически отмеченных слов. Цель статьи – на основании исследования толковых словарей разного типа представить систему способов репрезентации хронологически отмеченной лексики в отечественной лексикографии. В работе использованы следующие методы исследования: описательный, сопоставительный, методы компонентного анализа и словарного толкования.

Как показало исследование, выбор лексикографических приемов характеристики хронологически отмеченной лексики зависит прежде всего от двух факторов: от типа словаря (по классификации С.И. Ожегова) и теоретических установок его составителей.

Ключевые слова: *хронологически отмеченная лексика; русский язык; лексикография; толковые словари; словарные пометы.*

Elena V. Grudeva

Ways of Lexicographic Submission of Chronologically Noted Lexicon.

Article is focused on lexicographic interpretation of chronologically noted words. Chronologically noted lexicon is defined as lexicon which lexicographic submission is followed by any reference fixing attachment of a lexical unit to some historical period showing a «time» component of the meaning. Article purpose is to present the system of ways of chronologically noted lexicon representation in Russian lexicography according to the basis of the research of explanatory dictionaries of different type. In the work the following methods of a research as descriptive, comparative, method of the component analysis, method of dictionary interpretation are used.

The system of submission of chronological information in different explanatory dictionaries has both similarity and distinction. As the research has shown, the choice of lexicographic procedures of chronologically noted lexicon characteristics made by different authors depends on two key factors: dictionary type (according to S.I. Ozhegov's classification) and theoretical position of its makers.

Key words: *chronologically noted lexicon; Russian Language; lexicography; the explanatory dictionaries; dictionary marks.*

Как известно, словарный состав современного русского языка в широких

Елена Валерьевна Грудева, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой отечественной филологии и прикладных коммуникаций, Гуманитарный институт

E-mail: egrudeva@gmail.com

ФГБОУ ВО «Череповецкий государственный университет»

пр-т Луначарского, д. 5, Череповец, Вологодская обл., 162600, Россия

Cherepovets State University

5 Lunacharskii pr., Cherepovets, Vologda region, 162600, Russian Federation

Ссылка для цитирования: Грудева Е.В. Способы лексикографического представления хронологически отмеченной лексики // Русский язык в школе. – 2018. – № 7. – С. 72–76. DOI: 10.30515/0131-6141-2018-79-7-72-76.

хронологических рамках от Пушкина до наших дней распадается на отдельные лексические массивы. Толковый словарь, эксплицитно представляющий лексическую систему, позволяет извлечь скрытую, непрямую информацию о существующих в языке классах [Шведова 1988]. Одним из таких лексических массивов в современном русском языке является хронологически отмеченная лексика [Грудева 1996].

Под хронологически отмеченной лексикой в данном случае понимается лексика, лексикографическое представление которой сопровождается разного рода отсылками, фиксирующими прикрепленность лексической единицы к тому или иному историческому периоду, эксплицирующими «временной» компонент значения. Например:

БРОНЕНОСЕЦ, -ца, м. Крупный бронированный корабль (в конце XIX—XX в.)

или

ВОТЧИНА, -ы, ж. На Руси до XVIII в.: наследственное земельное владение.

К числу такого рода хронологических отсылок относятся и традиционные словарные пометы, связанные с временным указанием на бытование лексемы или ее отдельного значения: *старин.* (старинное), *устар.* (устарелое), *нов.* (новое), *дореволюц.* (дореволюционное) и т.п.

Система подачи хронологической информации в разных толковых словарях обнаруживает как сходство, так и различие.

Цель данной статьи — представить обзор способов лексикографической репрезентации хронологически отмеченной лексики в словарях разного типа (прежде всего в толковых словарях), а также показать, каким образом может различаться система подачи хронологической информации в разных словарях одного типа.

Важное значение имеет определение объема хронологически отмеченной лексики в современных словарях. Представление о нем подчас бывает обманчивым. Так, например, в предисловии к «Словарю редких и забытых слов» его составитель В.П. Сомов пишет, что в «Словаре русского языка» С.И. Ожегова «чуть не треть слов имеет пометы “устарелое”, “старинное”» [Сомов 1996: 3]. Проведенный нами анализ показал, что это далеко не так: хронологически отмеченная лексика (в состав которой входят также слова, не отмеченные пометами «устарелое», «старинное», но имеющие определенные словарные экспликативы хронологической отмеченности) составляет в «Словаре русского языка» С.И. Ожегова всего лишь 5% (2 842 слова от общего числа слов — 57 000).

Способы словарного представления сходной информации рассматриваются современной лексикографией в рамках одного лексикографического типа. Лексикографический тип — это «группы лексем, имеющих хотя бы одно общее свойство (семантическое, прагматическое, коммуникативное и т.п.), к которому обращаются одни и те же правила лингвистического описания (“грамматики” в широком смысле) и которое требует поэтому единообразного описания в словаре» [Апресян 1995: 349]. В этой связи выявление всех возможных способов лексикографической интерпретации хронологически

отмеченных слов позволяет рассмотреть ряд актуальных для лексикографической теории и практики проблем, связанных с унификацией как соотносительных компонентов словарных толкований, так и словарных помет.

Выбор составителями словарей лексикографических приемов характеристики хронологически отмеченной лексики зависит прежде всего от двух факторов: объективного — зависимости от типа словаря (речь идет в том числе о типах толковых словарей) и субъективного — исходных теоретических установок составителей словаря. Проблема лексикографической интерпретации хронологически отмеченных слов непосредственно связана с выдвинутым еще Л.В. Щербой предложением ввести в лексикографическую теорию и практику понятие «активного и пассивного запаса слов данного литературного языка» [Щерба 1994]. Хронологически отмеченная лексика — лексика пассивного запаса.

Лексика пассивного запаса по-разному представлена в разных типах толковых словарей современного русского языка. Степень разветвленности хронологических отсылок в пределах одного словаря зависит от того, насколько полно представлен в нем этот пласт лексики. Словарный объем хронологически отмеченной лексики, входящей в подмножество «пассивный запас языка», зависит, как известно, от типа толкового словаря.

По классификации С.И. Ожегова, в русской лексикографической традиции выделяются три типа толковых словарей: **большой**, «представляющий современный литературный язык в широкой исторической перспективе» (к словарям этого типа относятся БАС₁, БАС₂); **средний**, «с детальной разработкой исторически оправданного стилистического многообразия современного литературного языка» (например, «Толковый словарь русского языка» под ред. Д.Н. Ушакова); **краткий**, «популярного типа, стремящийся к активной нормализации современной литературной речи» (одним из самых популярных словарей краткого типа до сих пор остается «Словарь русского языка» С.И. Ожегова. — *Е.Г.*) [Ожегов 1974: 165–166].

Современная дифференциация трех типов словарей связывается с представлением о соотношении активного и пассивного словарного запаса в лексиконе носителя русского языка, «усредненной» языковой личности. Активный запас современной лексики, отражаемой в кратком словаре,

соответствует «пересечению всех активных (т.е. используемых продуктивно) индивидуальных словарей полноценных носителей нормативного варианта данного языка данной языковой эпохи» [Поликарпов, Курлов 1994: 67]. Активный и пассивный запас лексики современного языка, представляющий ее стилистическое многообразие и отражаемый в средних словарях, «соответствует объединению всех активных индивидуальных словарей указанных носителей языка». Большой словарь соответствует «объединению всех активных (продуктивных) и пассивных (рецептивных) индивидуальных словарей этого типа. В совокупность пассивных частей индивидуальных словарей в этом случае попадают те единицы из устаревшего и территориально ограниченного лексического фонда, которые могут быть известны определенному кругу читателей по классическим литературным произведениям» [Там же].

Любопытным представляется исследование, проведенное Л.Г. Самотик: методом сплошной выборки из МАС исследователь составила «Словарь пассивного словарного состава русского языка: историзмы, архаизмы, экзотизмы, диалектизмы и просторечия» [Самотик 2005]. По данным ученого, в МАС представлено 4 334 архаизма и 1 507 историзмов при общем числе слов в словаре 83 018 [Самотик 2012: 99], что составляет 7% от словника МАС. Как видим, в толковом словаре среднего типа процент хронологически отмеченной лексики незначителен, но все же выше, чем в словаре краткого типа. Следуя логике, связанной с типологией толковых словарей, в словарях большого типа процент лексики пассивного запаса, в том числе хронологически отмеченной лексики, должен быть самым высоким.

Рассмотрим способы лексикографической интерпретации хронологически отмеченных слов в толковых словарях. В отечественной лексикографической традиции выработан богатый спектр как эксплицитных, так и имплицитных способов хронологического маркирования.

К числу эксплицитно представленных средств хронологической маркированности в словарях относятся прежде всего разного рода хронологические пометы (*устарелое*, *устаревавшее*, *уходящее*, *архаичное*, *старинное*, *историческое*, *дореволюционное*, *новое*):

АМАЗОНКА, -и, ж. (*устар.*). 1. Всадница, одетая в специальный костюм для верховой езды. 2. Женское длинное платье для верховой езды [СО].

БАЛАНС... 1. *Устаревавшее*. Равновесие [БАС₂].

ПЕРВОРОДНЫЙ, -ая, -ое (*стар.*). Родившийся первым, самый первый [СО].

БАРЩИННИК, -а, м. (*истор.*). Крепостной крестьянин, к-рый состоял на барщине [СУ].

Иногда составители словарей используют двойные хронологические пометы, например:

ВИК, -а, м. (*нов. истор.*). Волостной исполнительный комитет; то же, что волисполком [составлено из первых букв этих слов] [СУ].

КЕРЕНКА, -и, ж. (*нов. истор., разг.*). Бумажный денежный знак, достоинством в 20 и 40 р., выпущенный в 1917 г., когда во главе Временного правительства стоял Керенский [СУ].

Следует обратить внимание на тот факт, что пометы *нов.* и *истор.* в СУ не разделяются запятой. Как отмечают составители словаря, одновременное присутствие указанных помет маркирует слова, которые, «создавшись в эпохи мировой войны и революции, успели выйти из употребления, поскольку предметы и понятия, обозначаемые этими словами, отошли в историю» [СУ: 27–28].

В разных толковых словарях (как одного типа, так и разных типов) может использоваться разная система хронологических помет. В некоторых словарях хронологические пометы включаются в систему стилистических помет, что представляется не вполне оправданным, поскольку приводит к непоследовательности в маркировании лексики одного функционального типа. Подробно вопрос о соотношении стилистических и хронологических помет рассмотрен в работе О.Н. Емельяновой [Емельянова 2015].

Кроме хронологических помет, к эксплицитно представленным средствам хронологической маркированности относят следующие:

— синонимичный помете *устар.* оборот «устарелое название», например:

МАГОМЕТАНСТВО, -а, ср. Устарелое название ислама;

МАГНЕЗИЯ, -и, ж. Устарелое название окиси магния [МАС];

— помещаемая, как правило, в самом начале толкования слова атрибутивная часть к его идентификатору — «старинный», «старый», например:

МАЛАХАЙ, -я, *м.* ... 2. Старинная крестьянская верхняя одежда в виде широкого кафтана без пояса;

МОРГ, -а, *м.* Старая земельная мера (около 0,5 гектара) в Польше и Литве [МАС];

— пояснения, содержащие хронологические указания, типа «в средние века», например:

МАРТИРОЛОГ, -а, *м.* В средние века: сборник повествований о христианских мучениках [МАС];

— указания на конкретные годы, века, например:

МАНТИЛЬЯ, -и, *ж.* 2. Короткая накидка без рукавов в женском костюме 19 в.;

МАРКИТАНТ, -а, *м.* Торговец съестными припасами, напитками и предметами солдатского обихода при армии в 18–19 вв. [МАС];

— предложно-падежная форма «до + Р.п.», где предлог *до* употребляется для указания временного предела существования, например:

МАЛЬПОСТ, -а, *м.* Почтовая карета, перевозившая пассажиров и почту до проведения железных дорог [МАС].

Широко используется в толковых словарях так называемые хронологические пояснения, помещаемые перед толкованием, а иногда внутри или в конце толкования, например:

ПАНСИОН, -а, *м.* 1. В дореволюционной России: закрытое среднее учебное заведение с общежитием [СО];

МАТРОНА, -ы, *ж.* Почтенная замужняя женщина, мать семейства у древних римлян [МАС].

В «Большом толковом словаре русского языка» под ред. С.А. Кузнецова такого рода пояснения именуются «энциклопедическими ремарками». Кроме того, в СК энциклопедическая информация, в том числе связанная с временной отнесенностью, может быть представлена в виде так называемой «энциклопедической справки», ср., например:

ВОЕВОДА, -ы; *м.* 1. В Древней Руси: начальник войска. 2. В России 16–18 вв.: управляющий городом или округом. <...> °Как термин, обозначающий военачальника, появляется в русских летописях с 10 в. С конца 15 в. используется для обозначения командующих основными полками русского войска: передового, большого, правой и левой руки, конницы. С сер. 16 века термин применяется для обозначения административного лица, соединявшего гражданское и военное управление городом и уездом.

К имплицитно представленным средствам выражения хронологической информации в толковых словарях относятся: а) использование в толковании грамматической формы прошедшего времени; б) отсылка к хронологически отмеченному производящему слову.

Что касается использования в толковании грамматической формы прошедшего времени, то само по себе использование формы прошедшего времени в толковании хронологически отмеченных слов — явление повсеместное и закономерное, связанное с созданием в толкованиях модального плана прошлого. Глагольные формы прошедшего времени используются в толкованиях, как правило, на фоне других временных отсылок — либо лексических (рассмотрены выше), либо в виде помет, связанных с указанием на историческую перспективу. При отсутствии такого фона глагольная форма прошедшего времени является единственным и самостоятельным указанием на то, что слово в целом или его отдельное значение обращено в прошлое. Например:

МОРТИРА, -ы, *ж.* Короткоствольное артиллерийское орудие, предназначавшееся для разрушения особо прочных сооружений [МАС].

Отсылка к хронологически отмеченному производящему слову в толковании также относится к числу имплицитных средств хронологической маркированности. Например:

МАРКИТАНТКА, -и, *ж.* Женск. к марки-тант;

МОРТИРНЫЙ, -ая, -ое. Прил. к мортира [МАС].

Система хронологической маркированности лексики в школьных толковых

словарях использует указанные выше способы и приемы в разных комбинациях. Работа с толковыми словарями в части представления лексики пассивного состава, в том числе хронологически отмеченной лексики, имеет богатый культурологический потенциал.

ЛИТЕРАТУРА

Апресян Ю.Д. Образ человека по данным языка: попытка системного описания // Апресян Ю.Д. Интегральное описание языка и системная лексикография. — М., 1995.

Большой толковый словарь русского языка / под ред. С.А. Кузнецова. — СПб., 2000 (СК).

Грудева Е.В. Хронологически отмеченная лексика в современном русском языке и ее лексикографическая интерпретация: автореф. дис. ... канд. филол. наук. — СПб., 1996.

Емельянова О.Н. Устаревшая лексика русского языка (по материалам толковых словарей) // Экология языка и коммуникативная практика. — 2015. — № 2. — С. 48–69.

Ожегов С.И. О трех типах толковых словарей современного русского языка // Ожегов С.И. Лексикология. Лексикография. Культура речи. — М., 1974. — С. 158–182.

Ожегов С.И. Словарь русского языка. — 23-е изд. — М., 1991 (СО).

Самотик Л.Г. Словарь пассивного словарного состава русского языка: историзмы, архаизмы, экзотизмы, диалектизмы и просторечие. — Красноярск, 2005.

Самотик Л.Г. «Чуждое» и «чужое» в толковых словарях русского языка // Вопросы лексикографии. — 2012. — № 1 [Электронный ресурс]. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/chuzhdoe-i-chuzhoe-v-tolkovykh-slovariakh-russkogo-yazyka> (дата обращения: 01.05.2018).

Словарь русского языка: в 4 т. / под ред. А.П. Евгеньевой. — М., 1985 (МАС).

Словарь современного русского литературного языка: в 17 т. — М., 1948–1965 (БАС₁).

Словарь современного русского литературного языка: в 20 т. — М., 1991 (БАС₂).

Сомов В.П. Словарь редких и забытых слов. — М., 1996.

Толковый словарь русского языка / под ред. проф. Д.Н. Ушакова: в 4 т. — М., 1935–1940 (СУ).

Шведова Н.Ю. Парадоксы словарной статьи // Национальная специфика языка и ее отражение в нормативном словаре. — М., 1988.

REFERENCES

Aprésyan Yu.D. Obraz cheloveka po dannym yazyka: popytka sistemnogo opisaniya // Aprésyan Yu.D. Integral'noe opisaniye yazyka i sistemnaya leksikografiya. M., 1995.

Bol'shoi tolkovyi slovar' russkogo yazyka / pod red. S.A. Kuznetsova. SPb., 2000.

Grudeva E.V. Hronologicheskii otmechennaya leksika v sovremennom russkom yazyke i eyo leksikograficheskaya interpretatsiya: extended abstract of Ph candidate's thesis, SPb., 1996.

Emel'yanova O.N. Ustarevshaya leksika russkogo yazyka (po materialam tolkovykh slovarей) // Ekologiya yazyka i kommunikativnaya praktika. 2015. № 2. P. 48–69.

Ozhegov S.I. O trekh tipakh tolkovykh slovarей sovremennogo russkogo yazyka // Ozhegov S.I. Leksikologiya. Leksikografiya. Kul'tura rechi. M., 1974. P. 158–182.

Ozhegov S.I. Slovar' russkogo yazyka. 23-e izd. M., 1991.

Samotik L.G. Slovar' passivnogo slovarnogo sostava russkogo yazyka: istorizmy, arhaizmy, ekzotizmy, dialektizmy i prostorechie. Krasnoyarsk, 2005.

Samotik L.G. «Chuzhdoe» i «chuzhoe» v tolkovykh slovariakh russkogo yazyka // Voprosy leksikografii. 2012. № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/chuzhdoe-i-chuzhoe-v-tolkovykh-slovariakh-russkogo-yazyka> (01.05.2018).

Slovar' russkogo yazyka: v 4 vol. / Pod red. A.P. Evgen'evoi. M., 1985.

Slovar' sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka: v 17 vol. M., 1948–1965.

Slovar' sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka: v 20 vol. M., 1991.

Somov V.P. Slovar' redkih i zabytykh slov. M., 1996.

Tolkovi slovar' russkogo yazyka / pod red. prof. D.N. Ushakova: v 4 vol. M., 1935–1940.

Shvedova N.Yu. Paradoкsy slovarnoi stat'i // Natsional'naya spetsifika yazyka i eyo otrazhenie v normativnom slovarе. M., 1988.

Названия дорог в вологодских говорах: семантика, словообразовательные отношения

В статье описывается образ дороги, отражающий мировосприятие севернорусского крестьянина. Анализируется семантический и словообразовательный потенциал общерусского слова в диалектном контексте, выделяются мотивировочные признаки диалектных слов, номинирующих понятие 'место, пространство, по которому происходит передвижение'. Выявляются языковые средства, эксплицирующие характерные черты одного из ключевых образов в диалектной языковой картине мира. Цель статьи заключается в том, чтобы, с одной стороны, показать жизнь общерусского слова *дорога* в языке диалекта, а с другой – проследить, какие диалектные слова входят в одну лексическую группу с данной лексемой, какие связи и отношения их объединяют.

Ключевые слова: *вологодские говоры; диалектизм; языковая картина мира; образ; названия дорог; мотивировочные признаки; семантический и словообразовательный потенциал.*

Elena P. Andreeva

Road names in Vologda dialect: semantics, derivational relations.

The road image in the worldview of Northern-Russian countryman is described in the article. The semantic and derivational potential of the common Russian word in the dialect context is analyzed, the motivated reasons of the dialect words named 'place, area that is moving on' are defined. The language means explicating characteristics of the one of the key images in the dialect linguistic worldview are marked. The article purpose is show the functioning of the common Russian word *road* in the dialect from the one side and to watch what other dialect units make the list of the lexical item group, what links and relations are among them.

Key words: *Vologda dialects; dialect words; linguistic worldview; image; roads names; motivated reasons; semantic and derivational potential.*

Тема дороги, путешествия находит философское осмысление в русской классической литературе. Мотив дороги / пути является одним из ключевых и в устном народном творчестве: пословицах, поговорках, сказках, песнях, частушках, при этом его развитие во многом обусловлено жанровой спецификой произведения [Неклюдов 2007, Электронный ресурс]. Образ русской дороги, описание дорожных традиций содержится в трудах не только лингвистов,

но и историков, этнографов (см. [Черепанова 2000; Гусева 2001; Шепанская 2003; Картышева, Нефедова 2013; Зорина 2013; Колесникова 2014; Коршунков 2015]). Дополнительное представление о дороге в русской народной языковой традиции дает анализ диалектных фактов.

В XIX в. В.И. Даль писал: «Дороги бывают: большие, т.е. общие почтовые и торговые; малые, уездные, от городка до городка, в стороне от больших; проселочные, от селенья к селенью, в стороне от малых. Железная дорога, железанка или чугунок; шоссе, каменка или щебенка; простая, или битая, торная, накатная. Гужевая дорога, конная, где проезжают лошадыми; верховая и пешая или тропа» [Даль 1978, I: 486–487]. Необъятные просторы России объясняют роль дороги в жизни русского человека. «Дорога – от села до села, а по всей земле повела», – гласит русская пословица. Факты архаичных вологодских говоров дают возможность реконструировать фольклорно-мифологический, этнокультурный образ дороги, сложившийся в народном сознании. Показательны в этом

Елена Павловна Андреева, кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка, журналистики и теории коммуникации

E-mail: ep-andreeva@bk.ru

ФГБОУ ВО «Вологодский государственный университет»

ул. Ленина, д. 15, Вологда, 160000, Россия

Vologda State University

15 Lenina str., Vologda, 160000, Russian Federation

Ссылка для цитирования: Андреева Е.П. Названия дорог в вологодских говорах: семантика, словообразовательные отношения // Русский язык в школе. – 2018. – № 7. – С. 77–82. DOI: 10.30515/0131-6141-2018-79-7-77-82.

отношении диалектные благопожелания, связанные с ситуацией проводов человека в дорогу и его нахождением в пути, анализ которых в семантическом и структурном плане дает Л.Ю. Зорина [Зорина 2013]. Об обычаях, обусловленных дорожной традицией, свидетельствуют такие устойчивые обороты, как *с местечка отправиться* 'присесть перед дорогой': *Ну дак давай приседем. Надо ведь с местечка отправиться*. Сямж. (СВГ: 4, 82). С дорогой связаны народные обычаи, гадания, обряды. Сакральным местом, где возможны контакты с потусторонним миром, считалось пересечение дорог (СДЭС: 3, 687), о чем свидетельствуют и примеры из вологодских говоров. Существовало поверье, что на перекрестке, обращаясь к лешему, можно узнать, где находится пропавший скот:

Писывали куличныё письма на берёстине, несли на расстани, где дороги разошлись. Письмо-то куличное. Хозяин леса ответ писал: поможет или нет. (СГРС: 6, 256).

Здесь же девушки гадали о предстоящем замужестве:

В какиё ночи выйдём на расстани, еще крестовой дорогой звали, и гадаем на расстанях-то. Влгд.;

На кресты мы гадать ходили: с какой стороны колокольцы запоют, на ту сторону и замуж выйдешь. Сок. (СВГ: 3, 124; 9, 36).

Зимой можно было с этой целью гадать, считая ветки, которыми отмечали дорогу:

Пруточки, вехи ставили, чтоб видно было тропку, если заметёт. Доходили до девятой, говорили: «Девятая веха, скажи мне жениха, чтоб не очень бодрился да сегодня ночью приснился». Тот. (КСВГ).

Обращаясь к вологодским говорам, мы можем представить характерные черты одного из ключевых образов в диалектной языковой картине мира через призму восприятия севернорусского крестьянина. С этой целью нами был использован «Словарь вологодских говоров» (СВГ) и его картотека (КСВГ). Несмотря на то что это дифференцированный словарь, его богатый иллюстративный материал позволяет судить о том, как функционирует общерусское слово *дорога* в говорах. Широко представлены на страницах словаря диалектные слова, называющие различные виды дорог. В ряде случаев общую картину дополняют данные «Словаря говоров русского Севера» (СГРС).

В вологодских говорах слово *дорога* выступает в роли гиперонима (обозначает родовое понятие). При этом почти все значения данной многозначной лексемы актуализируются в диалектном контексте. Нас же будет интересовать его употребление в вологодских говорах в основном значении 'полоса земли, служащая для езды и ходьбы':

Раньше гулеть в Васильево ходили, так вот, чтобы дойти дотуда, надо свернуть с дороги и пройти через олешник Сокол. (КСВГ).

Несомненно, что в языке диалекта у слова *дорога* проявляется этнокультурная специфика. Е.С. Нефедова справедливо утверждает, что «общерусские слова, функционирующие в говорах, даже в своих исходных, непронизованных значениях обнаруживают разнообразные отличия от литературного языка. Прежде всего это отличия сочетаемостного и ассоциативно-derivационного характера» [Нефедова: 2010]. Обращение к синтагматике слова *дорога* показывает, что в речи диалектоносителей нередко содержится скрытое противопоставление старых и новых дорог:

У нас ведь давнышная дорога. Вековишная эта дорога. Сямж.;

Тогда дорога большая через нашу деревню шла, дак все сюда заезжали. Арх. Вельск. Крыл.;

Дорогу-ту новую проложили по ковадрю у поля <ковдарь 'лес, окружающий поле'>. Нюкс. (КСВГ).

Приведенные контексты свидетельствуют о том, что старые, «прежние» дороги нередко оцениваются положительно, тогда как заново проложенные дороги могут иметь негативную оценку. По мнению носителей говора, не всегда их прокладывают там, где следует, и так, как нужно, тяжелая техника разбивает дороги:

Дорогу-то в ободводец <'в обход'> сделали, да никто по ней не ездит. В-У.;

Колодчик — это место за деревней, протока, ключик небольшой, где брали воду. Теперь бульдозур всё закопал, коров гоняют, дорогу сделали. Все дороги тракторам изботали. Кир. (КСВГ).

Помимо временного фактора (прошлое/настоящее) к базовым параметрам описания дороги относится указание на ее длину: *В город дальняя* <'имеющая большую протяженность, длинная'> *дорога*. Межд. (СВГ: 2, 42). Другой важный фактор в описании дороги — ее качество, которое обусловлено тем, как человек осваивает, организует это

пространство. За состоянием проселочных дорог, как и за огороженными лесными пастбищами, следили всем миром:

Мужики-то дорогу излажают. Межд.;

Вдоль дороги деревков насадили. Сок.;

Оканавливают дороги, поля, чтобы посуше было. К-Г.

Зимой прокладывали, торили дорогу, тропинку — *пролыживали*, *просачивали*, по обочинам для ориентира отмечали их ветками — *вехами*:

Я первая ехала, дорогу пролыживала. Сок.;

Вот вехи-то ставят, дак тоже просачивают дорогу. Сначала просочат, потом вехи ставят. Сямж. (КСВГ).

Дорога, как правило, рассматривается диалектоносителями с утилитарной точки зрения. В ряде контекстов при этом дается положительная оценка дороги:

Дорога хорошая, как карта. Оканавлена. Сямж.;

Вон как машины пазгают! Так, видно, дорога не худая. У-К. (КСВГ).

Но нередко в речи диалектоносителей упоминаются плохие дороги, дается их общая отрицательная характеристика:

Дорога-то у нас неладная, ехать худо. Влгд.;

Дорога туды неловкая. К-Г.;

Дорога-то худа стала. Ник. (КСВГ).

Это не случайно: в языке явления, которые нарушают норму, обычно маркируются с помощью негативной оценки. Т.Б. Щепанская обращает внимание на этнокультурный аспект такой оценки: «Если дорога для русских — этнический символ, то это обязательно плохая дорога: бездорожье, бездорожь, распутица». Исследователь полагает, что мифологему «плохих дорог» можно рассматривать «как функцию оседлого этнического самосознания» [Щепанская 2003: 35].

Но существуют и объективные причины негативного отношения к северным проселочным дорогам: их неудовлетворительное состояние обусловлено ландшафтными, климатическими особенностями. Неудобными для езды являются дороги с неровным полотном:

Дорога-то опупком, дак воза-ти юзгают. К-Г.;

А дорога-то скаляпо <‘с уклоном, скатом в одну сторону’>, дак всё и перевернула. Опупком-то на обе стороны, а скаляпо — уж в одну сторону. К-Г. (СВГ: 10, 16).

Многие сельские дороги с весны до осени в ухабах, рытвинах — *кальях*, *нырках*, *проломках*:

Дорога-то вся в нырках. В-У.;

Вон какие проломки-то на дорогах, дак всю растресёт. Тот. (КСВГ).

Характеристика сельской дороги дается и с помощью определений: значение ‘ухабистая’ имеют прилагательные *кальковатая* [СВГ: 3, 34], *кыроватая* [СГРС: 6, 333], ‘избитая, разьеженная дорога, с ухабами и рытвинами’ обозначается при помощи определения *колодная* [СВГ: 3, 86], ‘занесенная снегом, не наезженная’ — *убродная дорога* [СВГ: 11, 97]. В дождливую погоду на сельских дорогах образуются *лывы*, *лывины* ‘выбоины, рытвины, наполненные водой’:

Худая дорога-та, сплошные *лывы*. В-У.;

Дорога-то плохая, часто *лывины* попадают, насилиу выйдешь. Сямж. (КСВГ).

О состоянии дороги после дождей можно судить по сочетаемости лексики с глаголами *разжидлить*, *расквасить* ‘сделаться непроходимым, непроезжим из-за дождей’:

Дорога-то вся *разжидла*, ни проехать, ни пройти. Сямж.;

Дождя немного было, а всю дорогу *расквасило*. Баб. (КСВГ).

Поздней осенью разьеженная дорога начинает замерзать, становится *цироватой*:

Грунт размесят тракторами, лошадьми на дороге, а потом замерзнет — вот и *циры* <неровности на замерзшей грунтовой дороге>. В-У.;

Ой, какая дорога *цироватая*! В-У. (СВГ: 12, 46).

Зимой дороги занесены снегом, покрыты льдом:

Идти в деревню забродно: вся дорога в снегу. Кир.;

Дорога-то какая осклизлая, аж ходить страшно, того и гляди росшибешься. (КСВГ).

О значимости дороги в жизни северного крестьянина свидетельствуют многочисленные дериваты общерусского слова *дорога*, их описание позволяет раскрыть полнее образ дороги в сознании носителей говора. Трудным считалось время распутицы, которое обозначается в вологодских говорах словообразовательными диалектизмами *бездорожица*, *бездорожь*:

Куда ты в такую *бездорожицу* поедешь, и на машине-то не проехать. Ник.;

Такой *бездорожи* давно не бывало. Сок. (СВГ: 1, 27).

Как результат параллельного словообразования можно рассматривать функционирование в вологодских говорах слова *дорожник* в значениях 'гость, прибывший издалека' и 'пирог, испеченный в дорогу'. Анализ контекстов, в которых зафиксированы эти слова, позволяют судить о традициях, связанных с дорогой: о гостеприимстве (*Праздники большие были. Дорожников-то раньше наедет много*. Кир.), о необходимости запастись в дорогу съестными припасами (*Возьми дорожник, поешь в дороженьке, путь-то не близкий*. Ник.; *Я тебе дорожников напекла. Поедешь — не забудь. Считай их как подарок от меня*. Гряз.) (СВГ: 2, 49). В вологодских говорах употреблялось и слово *дорожница* в значении 'небольшая берестяная корзина прямоугольной формы с крышкой, предназначенная для продуктов и вещей, взятых в дорогу':

В *дорожницу* картошку высыпали, а коУды поедут в город, дак в ней еду возили. Вож.;

Дорожница как теперешний чемодан. Вож. (СВГ: 2, 49).

Широко представлены в вологодских говорах диалектные названия различных видов дорог. Как правило, эти слова обладают прозрачной внутренней формой, что обуславливает их образность, выразительность. М.С. Картышева, Е.А. Нефедова, классифицируя названия дорог в архангельских говорах, распределяют их по группам с учетом общего семантического признака [Картышева, Нефедова: 2012]. Заметим, что обычно эта семантическая близость слов обусловлена мотивационными связями диалектного слова. При образовании диалектных наименований дорог (слов или устойчивых сочетаний) используются разнообразные мотивировочные признаки (далее МП). Выделение МП при классификации лексических единиц позволяет описать их внутреннюю форму, показать, какие признаки именуемого денотата являются значимыми, наиболее яркими для диалектоносителей. В ходе описания МП следует учитывать прямую (непосредственную) и косвенную (опосредованную) номинацию.

Распространенным представляется МП 'способ передвижения и характер передвижения': *езжая дорога* 'дорога, по которой постоянно ездят': *Дороги-то здесь все*

езжие. Сок. (СВГ: 2, 72); *ходовая дорога* 'пешая дорога': *Ходовой дорогой до города близко*. Баб. (СВГ: 11, 202). Лексема *проходник* употребляется в говоре в значении 'дорога в лесу', имеет семантический оттенок 'дорога, расчищенная в лесу для выноса убитого животного':

Дорога в лесу у нас *проходником* зовется, по ней не только пройти можно, но и на лошади проехать. Тот. (СВГ: 8, 100).

Судя по контексту, диалектоноситель ощущает живую внутреннюю форму этого слова, связывая его с глаголом *проходить/пройти*. Название дороги *беговик*, известное вологодским говорам, восходит к глаголу *бегать*. С заготовкой леса связано специальное значение слова *беговик* 'конная дорога, по которой зимой ехали в лес порожняком, расположенная рядом с зимней ледяной дорогой для вывозки бревен': *Ледяной в лес не ехали, ехали беговиком*. Межд. (КСВГ). СВГ фиксирует лексему *беговик* в значении 'тропа, расположенная поблизости от основной дороги':

По большой-то дороге сено да дрова возили, а мы ходили по *беговику*. Это обходная дорога, узкая такая. Ник.

Сема 'быстрая езда' при развитии этого значения, как видим, затухает, актуализируется семантический компонент 'расположенная рядом, обходная' [КСВГ].

МП 'способ передвижения' в свою очередь связан с МП 'вид используемого транспорта': *тележник* 'летняя дорога': *На конях и ездят. Это называется тележник, на телегах вот ездят*. Кир. (СВГ: 11, 12); *полозница* 'зимняя санная дорога': *Можно ведь вам полозницей пройти*. Баб. [КСВГ]; *американская дорога, американка* 'ледяная дорога, по которой вывозили лес': *До войны ищчо ходили чистили американки от снега*. Межд. [КСВГ]. Последнее название дороги — результат косвенной номинации, мотивируется основным значением слова *американка* 'сани особой конструкции, используемые при вывозке леса'.

МП может указывать на 'статус дороги'. *Высокая дорога, большая дорога* 'большая проезжая дорога, тракт':

Наша деревня от *высокой дороги* далёко тогда была. Сок. (СВГ: 2, 47);

Тогда *дорога большая* через нашу деревню шла, дак все сюда заезжали. Арх. Вельск. Крыл. (КСВГ).

Часто используется при наименовании дорог МП 'характер и способ покрытия': *каменка* 'дорога, вымощенная булыжником': *Теперь каменок уж не стало*. Сок. (СВГ: 3, 35); *ледянка* 'зимняя ледяная дорога для вывозки леса': *Дорога была сделана ледяная, ледянка, на канадских санях кубометров до десяти тащила лошадь одна*. Шексн. (СВГ: 4, 34); *лежняк* 'дорога из насланных бревен': *Одному лежняк не сделать*. Межд. (КСВГ).

МП 'время использования' противопоставляет дороги, предназначенные для езды летом или зимой: *летняк* 'летняя дорога': *Летняком-то ноне и машины ходят*. Баб. (СВГ: 4, 38); *зимник*, *зимняк* 'временная зимняя дорога, проложенная по снегу': *Иди по зимнику, вокурат и выйдешь. Бывало, затемно иишо срядимся да и пойдём зимняком в лес*. Тарн. (СВГ: 2, 170).

Важным является МП 'расположение дороги в пространстве': *прямушка* 'прямая дорога': *К снохе-то дорога — прямушка*. Баб. (СВГ: 8, 105). Неудобной считалась дорога с крутыми поворотами, изгибами — *кривулинами*, *кривунами*, *куликами*: *Та дорога прямая, а тут кривуны сплошь*. Верх.; *Не всё тропками ходить, пройдем и куликом*. К-Г. (СГРС: 6, 167; 253). *Протяжник* 'дорога, расчищенная в лесу для выноса убитого животного': *Сначала топором делают засечки, потом деревья вырубают, оставляют дорогу. Сделаешь протяжники, и на протяжниках вывозили лося*. У-К. (СВГ: 8, 98); *отвёртка* 'ответвление дороги': *Мне объяснили, по какой дороге идти. А вот там, говорят, отвёртка есть, по отвёртке иди, дак как раз к деревне и выйдешь. Я иду по дороге, гляжу: две отвёртки, не знаю, куды идти*. Кир. (СВГ: 6, 85); *своротка* 'место, где дорога поворачивает в сторону, поворот': *Вот дойдем до своротки-то, дак уж там немного останециё. Своротка-то будёт вон за тем домом, а там пойдёт всё прямо*. Сямж. (КСВГ). Специальное обозначение получала дорога, пересекающая другую дорогу, — *крестовая дорога*: *По крестовой дороге по землянику ходили*. Сок. (СВГ: 3, 124). Номинировалось и место пересечения двух дорог, перекресток: *крестовая дорога, крестильная дорога, кресты, повёртка, поверка, раздорожье*.

За *крестовой дорогой* — магазин. Баб. (СВГ: 3, 124);

Ночью придем, на *дорогу* лягём *крестильну* да слушаем: колокольцы бракают — замуж пойдем. (СГРС: 6, 159);

Дорога дорогу перешибет — вот *кресты* и получаются. Сямж. (КСВГ);

Догнать не успеть, да и *повёрток* на дороге много. У-К. (СВГ: 7, 88);

Постоял у *раздорожья* и ушел. Межд. (СВГ: 9, 14).

В результате косвенной мотивации на метафорической основе возникает наименование *ус*, обозначающее ответвление от главной лесовозной дороги. СВГ фиксирует эту лексему в значении 'дорога в лесу, по которой подвозят, подтаскивают спиленный лес с места его заготовки к основному лесовозному пути': *Где наделаны эти дороги — усы называются — по ним и везли лес к главной дороге*. Тот. (СВГ: 11, 146).

Следует также упомянуть слова, которые в современных говорах осмысливаются как непроизводные, обладающие затемненной внутренней формой. В их числе древнее слово праславянского характера *стежа* 'проторенная зимняя дорога', однокоренное с общерусскими лексемами *стезя*, *стёжка*: *В лесу не было стежи — за сеном не проехать*. К-Г. Известен вологодским говорам и глагол *стежать* 'торить зимнюю дорогу в лесу': *Опять дороги нет. Стежать надо*. К-Г. (СВГ: 10, 125). *Сошея* 'основная дорога до населенного пункта': *По сошее-то досюда боле тридцати километров будет*. Межд. (СВГ: 10, 93); *торок* 'труднопроходимая дорога': *По нашему торoku осенью не пройти не проехать*. Межд. (СВГ: 11, 46); *диковилька* 'дорога, проложенная из леса к месту сплава дерева на реке': *По диковильке эстолько лесу уходило на ричку! Диковильку ишо и чистить, мести надобно было*. Нюкс. (КСВГ).

Как видим, дорога осмысливается диалектоносителями как одна из наиболее важных реалий в жизни человека. Этим объясняется большое количество номинаций дороги в говорах, наличие разнообразных мотивировочных признаков, лежащих в их основе. Образ дороги в языке диалекта представляется многогранным, ярким, выразительным. Его анализ позволяет показать мировосприятие русского крестьянина, его обычаи, традиции.

ЛИТЕРАТУРА

Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. — М., 1978. — Т. 1.

Гусева Е.В. Культурная единица «дорога»: атрибутивно-семантические свойства: автореф. дис. ... канд. филос. наук. — Нижний Новгород, 2001.

Зорина Л.Ю. Путь да дороженька! // Русская речь. — 2013. — № 5. — С. 102–110.

Картышева М.С., Нefeldова Е.А. Архангельские пути-дороги // Севернорусские говоры: межвуз. сб. / отв. ред. А.С. Герд. — СПб., 2012. — Вып. 12.

Колесникова Е.В. Заметки о семантике лексем *путь* и *дорога* в архангельских говорах // Труды Института русского языка им. В.В. Виноградова. — 2014 — № 3. — С. 204–215.

Коршунков В.А. Дорожная традиция России. Поверья, обычаи, обряды. — М., 2015.

Неклюдов С.Ю. Движение и дорога в фольклоре. — М., 2007 [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.ruthenia.ru/folklore/neckludov26.htm> (дата обращения: 02.04.2018).

Неfeldова Е.С. Общерусское слово в диалектном словаре // Межкафедральный словарный кабинет им. проф. Б.А. Ларина / отв. ред. А.С. Герд, Е.В. Пурицкая. — СПб., 2010. — С. 91–101.

Словарь вологодских говоров / под ред. Т.Г. Паникаровской, Л.Ю. Зориной. — Вологда, 1983–2007. — Вып. 1–12 (СВГ).

Словарь говоров русского Севера / под ред. А.К. Матвеева, М.Э. Рут. — Екатеринбург, 2001–2014. — Вып. 1–6 (СГРС).

Славянские древности. Этнолингвистический словарь: в 5 т. / под ред. Н.И. Толстого. — М., 2004. — Т. 3. (СДЭС).

Словарь современного русского литературного языка: в 20 т. / под ред. К.С. Горбачевича. — М.; СПб., 1991 (БАС₂).

Черепанова О.А. Путь и дорога в русской ментальности и в древних текстах // Мастер и народная художественная традиция Русского Севера: доклады III научной конференции «Рябининские чтения 99»: сб. науч. докл. — Петрозаводск, 2000 [Электронный ресурс]. — URL: kizhi.karelia.ru/library/ryabinin_1999/213.html. (дата обращения: 10.04.2018).

Щепанская Т.Б. Культура дороги в русской мифоритуальной традиции XIX–XX вв. — М., 2003.

REFERENCES

Dal' V.I. *Tolkovyi slovar' zhivogo velikorusskogo yazyka*: in 4 vol., Moskva, 1978, vol. 1.

Guseva E.V. *Kul'turnaya edinita «doroga»*: atributivno-semantichestkie svoystva: extended abstract of Ph candidate's thesis, Nizhnii Novgorod, 2001.

Zorina L.Yu. *Put' da dorozhen'ka!*, in *Russkaya rech'*, No. 5, 2013, pp. 102–110.

Kartysheva M.S., Nefeldova E.A. *Arhangel'skie puti-dorogi*, in *Severnorusskie govory: intercademic collection*, resp. ed. A.S. Gerd, Sankt-Petersburg, 12th issue, 2012.

Kolesnikova E.V. *Zametki o semantike leksem put' i doroga v arhangel'skikh govorah*, in *Trudy Instituta russkogo yazyka im. V.V. Vinogradova*, No. 3, 2014, pp. 204–215.

Korshunkov V.A. *Dorozhnaya traditsiya Rossii. Pover'ya, obychai, obryady*, Moskva, 2015.

Neklyudov S.Yu. *Dvizhenie i doroga v fol'klоре*, Moskva, 2007, available at: <http://www.ruthenia.ru/folklore/neckludov26.htm> (02.04.2018).

Nefeldova E.S. *Obshcherusskoe slovo v dialektnom slovare*, in *Mezhkafedral'nyi slovarnyi kabinet im. prof. B.A. Larina*, resp. ed. A.S. Gerd, E.V. Puritskaya, Sankt-Petersburg, 2010, pp. 91–101.

Slovar' vologodskikh govorov, ed. T.G. Panikarovskaya, L.Yu. Zorina, Vologda, 1983–2007, issues 1–12 (SVG).

Slovar' govorov russkogo Severa, ed. A.K. Matveev, M.Eh. Rut, Ekaterinburg, 2001–2014, issues 1–6 (SGRS).

Slavyanskije drevnosti. Ehtnolingvisticheskii slovar': in 5 vol., ed. N.I. Tolstoy, Moskva, 2004, vol. 3. (SDEHS).

Slovar' sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka: in 20 vol., ed. K.S. Gorbachevich, Moskva, Sankt-Petersburg, 1991.

Cherepanova O.A. *Put' i doroga v russkoi mental'nosti i v drevnih tekstah*, in *Master i narodnaya hudozhestvennaya traditsiya Russkogo Severa: reports of the 3rd research conference «Ryabininskie chteniya 99»: reports collection*, Petрозаводск, 2000. Available at: kizhi.karelia.ru/library/ryabinin_1999/213.html. (10.04.2018).

Shchepanskaya T.B. *Kul'tura dorogi v russkoi miforitual'noi traditsii XIX–XX vv.*, Moskva, 2003.

Зоонимы в русских народных сказках: вопросы интерпретации

В статье рассматривается зоонимикон русских народных сказок: определяется видовой состав кличек персонажей-животных, анализируются различные версии происхождения сказочных зоонимов, описываются семантико-словообразовательные зоонимические модели, устанавливаются функции зоонимов в текстах народных сказок, выявляются зоонимические микросистемы отдельных произведений.

Ключевые слова: *русские народные сказки; зоонимы; антропозоонимы; семантико-словообразовательные зоонимические модели; функции зоонимов в текстах сказок; зоонимические микросистемы.*

Evgeniya N. Varnikova

Zoonyms in Russian Fairy Tales: to the Issue of Interpretation.

The article considers the zoonym system of Russian fairy tales. The author determines the species composition of the animal characters, analyses various versions of the origin of the fairy-tale zoonyms, describes the semantic and word-formation zoonimic models, identifies the zoonyms used in the texts of fairy tales and reveals zoonymic microsystems of individual works.

Key words: *Russian fairy tales; zoonyms; anthropozoonyms; semantic and derivational models; functions of zoonyms in fairy tales; zoonymic microsystems.*

Активное развитие литературной (поэтической) ономастики [Калинкин 1999; Ковалев 2004; Магазаник 1978; Супрун 2000; Фоянкова 1990 и др.] обусловило обращение ученых к анализу онимов в фольклорных текстах. Этому аспекту изучения имен собственных посвящены исследования О.Г. Горбачевой, Р.В. Головиной, О.И. Лукошковой, И.А. Петровой [Горбачева 2008; Головина 2001; Лукошкова 2000; Петрова 2001 и др.].

Среди онимов разных классов, функционирующих в текстах тех или иных жанров фольклора, анализируются и клички животных. Однако в связи со слабой изученностью зоонимов по сравнению с антропонимами и топонимами в процессе их

анализа неизбежно возникают вопросы, ответы на которые современная ономастика пока не дает. Некоторые из этих вопросов поставлены в данной статье. Основным источником материала являются сказки, собранные А.Н. Афанасьевым [Народные русские сказки]. Всего было выбрано более 50 зоонимов.

Персонажи-животные встречаются в разных видах сказок, но их назначение и принципы именования различны. В волшебных сказках они являются помощниками главных действующих лиц, обладают чудесными свойствами, способны перевоплощаться. Самый яркий персонаж — это сказочный конь *Сивка-бурка*, *вещая Каурка* (Сказка «Сивка-бурка»). «Функции коня довольно разнообразны. Первая состоит в том, что он переносит по воздуху героя за тридевять земель в иное царство. В дальнейшем он помогает герою победить змея. Он мудрый, вещий, он верный друг и советчик героя» [Пропп 2005: 205]. Магические способности коня подчеркиваются формой обращения к нему хозяина Иванушки-дурачка: «Сивка-бурка, вещая Каурка, стань передо мной, как лист перед травой», а также описанием его появления: «Конь бежит, земля дрожит, из ноздрей дым, из ушей пламя пышет». Однако, несмотря на волшебную сущность этого персонажа, его имя имеет реальную основу. Оно состоит из трех названий

Евгения Николаевна Варникова, кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка, журналистики и теории коммуникации

E-mail: e-varnikova@yandex.ru

ФГБОУ ВО «Вологодский государственный университет»

ул. Ленина, д. 15, Вологда, 160000, Россия

Vologda State University

15 Lenina str., Vologda, 160000, Russian Federation

Ссылка для цитирования: Варникова Е.Н. Зоонимы в русских народных сказках: вопросы интерпретации // Русский язык в школе. — 2018. — № 7. — С. 83–89. DOI: 10.30515/0131-6141-2018-79-7-83-89.

лошадей по масти: *сивка* (*сивко*)¹ ‘лошадь сивой масти’ [ССРЛЯ 13: 760], *бурка* ‘конь бурой масти’ [ССРЛЯ 1: 702] и *каурка* ‘эпитет лошади в народной поэзии’ [ССРЛЯ 5: 881], ср. также *каурка* ‘лошадь рыжеватой масти’ Олон. 1864, Южн. р-ны Краснояр. 1967 [СРНГ 13: 138]. Образование поэтонима *Сивка-бурка*, *вещая Каурка*, по-видимому, осуществлялось постепенно. По свидетельству Г.Ф. Одинцова, в форме *вещий сивка* он известен с XV в., в современной форме — с XVII–XVIII вв. [Одинцов 1978: 199]. Первичность компонента *сивка* не является случайной: он образован от исконного по происхождению прилагательного *сивый*, производного от того же индоевропейского корня **k'e'i-*, что и слово *серый* [Черных 2: 160]. Прилагательные *бурый* и *каурый* заимствованы из восточных языков. Языки-источники слова *бурый* пока не установлен [Фасмер 1: 249; Черных 1: 125–126; Дыбо 2004: 15]. Слово *каурый* тюркского происхождения [Фасмер 2: 211; Одинцов 1978: 197; Дыбо 2004: 16]. В разных вариантах сказки отмечаются различные варианты зоонима: *Сивка-бурка*, *вещая Каурка*, *Сивка-бурка*, *вещий каурка*, *Сивко-бурко*, *вещий воронко* (меняются род и последний компонент).

Помощниками главного героя являются и благодарные звери. Таковы, например, кот *Васька* и пес *Журка* (Сказка «Волшебное кольцо»), которые в благодарность за спасение их от смерти добывают еду и питье своему хозяину Мартынке, посаженному в высокий каменный столб и обреченному на верную гибель, и возвращают ему украденное его коварной женой-королевой волшебное кольцо. Клички этих животных реальны, как и имя чудесного коня: *Васька* — звательная форма христианского имени *Василий* (от греч. ‘царь’, ‘царский’ ‘царственный’ [Тихонов 1995: 88]), ставшая в русском языке типичной кошачьей кличкой; *Журка*, кличка собаки, может быть образована по той же модели, что и *лаять* → *лайка*, от глагола *журить* ‘бранить’, ‘выговаривать кому-либо’, ‘бить’, ‘гонять’ [Даль 1: 1368].

¹ *Сивый* ‘серый, серовато-сизый’ (обычно о масти лошади) [ССРЛЯ 13: 763–764]; *бурый* ‘темно-коричневый с сероватым или красноватым оттенком’ [ССРЛЯ 1: 702]; *каурый* ‘светло-каштановый, рыжеватый’. О масти лошадей. [ССРЛЯ 5: 881].

² Возможна и другая интерпретация этого зоонима. В роли клички собаки может быть использовано диалектное название журавля

В роли помощников могут выступать также волк, еж, корова, лисица, лягушка, оса, щука и другие животные, но они, как правило, не имеют имен. По свидетельству литературоведов, животные мотивы волшебных сказок имеют тотемическое происхождение [Пропп 2005: 353].

В бытовых сказках также фигурируют дикие и домашние животные: медведи, волки, зайцы, коровы, лошади, свиньи, овцы, гуси, журавли и др. Но они являются «фоновыми» персонажами или объектами, связанными с невероятными действиями героев-людей, которые обычно не вступают с ними в непосредственное общение. Зоонимы в сказках этого типа встречаются крайне редко, в «реальной» диалогической ситуации, по нашим наблюдениям, — только один раз: в сказке «Не люблю — не слушай» мужик говорит медведю, оказавшемуся на пчельнике запряженным в телегу и влезшему на дерево: «Вишь, ты какой бездельник, *Мишка*: не просто за медом пришел, на телеге приехал!». Остальные случаи употребления зоонимов (правда, эти номинации можно отнести к зоонимам лишь условно) связаны с разными вариантами сказки «Солдатская загадка»: старушка (в других вариантах — баба), утаившая в печке от солдат, которые остановились у нее на отдых и попросили «попить да поесть», горшок со сваренным петухом (в других вариантах — гусем, журавлем), загадывает им загадку: «А что, детоньки, вы люди бывалые, всего видали; скажите-ка мне: ныне в Пенском, Черепенском, под Сковородным, здравствует ли *Курухан Куруханович?*» (в других вариантах — *Гагатея Гагатеич* и *Курулинский-Мурлинский*). Все имена собственные в этой загадке являются искусственно созданными по различным ономастическим моделям: *Пенское*, *Черепенское*, *Сковородное* (в других вариантах — «в городе *Печинском*, во селе *Горшинском*») — по топонимическим, *Курухан Куруханович*, *Гагатея Гагатеич*, *Курулинский-Мурлинский* — по антропонимическим моделям. Благодаря основам «зоонимов» птицы, приготовленные на обед, без труда угадываются: *Курухан Куруханович* — кур устар. и обл. ‘петух’ [ССРЛЯ 5: 1854]; ср. также *куруха* ‘курица-наседка’ Смол. 1935–1946, Моск., Калинин., Том. // ‘курица’ Смол. 1956; *курухан* ‘индюк’ Ряз., *журка* → *Журка*: такая модель образования кионимов также известна в русских народных говорах, например, *Орёлка* (Кличка собаки. Горбат. Нижегород. 1852, Твер., Том.) [Даль 1: 1368; СРНГ 23: 334].

Даль. Перм. [СРНГ 16: 147]; два других имени передают звуковые образы гуся и журавля: *Гагатея Гагатеевич* — ср. *гагать* 'гоготать' (о гусях) Даль [без указ. места], Тобол. 1895–1897, Пск., Великолукск., Пск. 1855 [СРНГ 6: 89], *Курлинский-Мурлинский*³ — ср. *курлыкать* 'кричать, издавать звуки «курлы»'. О журавле [ССРЛЯ 5: 1869], *курлынский*, в знач. сущ. Фольк. О журавле. Смол. 1890 [СРНГ 16: 132].

В сказках о животных, напротив, животные являются главными субъектами или объектами повествования, поэтому основная часть зоонимов фиксируется именно в сказках данного типа. На них мы остановимся более подробно.

Происхождение и источники сказок о животных изучены недостаточно. Одним из предполагаемых источников животного эпоса являются мифы первобытных народов. «Но этот источник не единственный. <...> При настоящем состоянии науки тотемическое происхождение животного эпоса не может быть как вполне опровергнутым, так и полностью доказанным. <...> Сказка о животных, хотя ее жанровые признаки еще и не изучены до конца, все же представляет собой совершенно иное явление, чем волшебная сказка, а следовательно, должен быть поставлен вопрос о возможности иного происхождения ее. Она отражает иные мыслительные категории, чем сказка волшебная, а следовательно, может восходить к иным корням общественно-исторического порядка» [Пропп 2005: 344, 353–354].

Ученые отмечают большую древность сказок о животных. На это, в частности, указывает состав действующих в них героев. «Наблюдая за составом животных, вступающих в качестве действующих персонажей в животном эпосе, мы отмечаем преобладание диких и, особенно в русском эпосе, лесных животных. Это — лиса, волк, медведь, заяц и птицы: журавль, цапля, дрозд, дятел, ворона и др. Гораздо реже выступают домашние животные: собака, кот, козел, баран, свинья, бык, лошадь и домашние птицы, из которых чаще других встречается петух. <...> Ведущими персонажами, как правило, являются лесные животные, домашние же животные

в большинстве случаев играют подсобную роль. <...> ...это наводит на предположение, что сказки о животных создавались на такой стадии развития человеческой культуры, когда лесные животные были объектом примитивных форм хозяйствования, т.е. охоты, а также объектом мыслительной и художественной деятельности, прирученных же животных или вообще не было, или они не играли существенной роли. Следовательно, создание животного эпоса следует отнести к доклассовой стадии развития общества» [Пропп 2005: 354].

В животных сказках сформировались свои типичные образы. Главная героиня этих сказок — хитрая лиса, ластивая, лукавая обманщица. Прямая противоположность лисе — простоватый волк, над кем лиса чаще всего издевается. Неуклюжим, неповоротливым оказывается в животной сказке медведь. Типом трусливого животного является заяц и т.д. [Соколов 2007: 384].

Несмотря на многочисленность зоонимов в сказках о животных, имена имеют не все персонажи. Из лесных зверей и птиц клички отмечены у лисы, медведя, волка и тетерева. Из домашних животных — у кота, петуха и козла.

Самый длинный зоонимический ряд связан с образами лисы и лисят: *Лизавета Ивановна, Лиса Патрикеевна (Лиса Патрикиевна), Лисафья*⁴; *Димеша, Мети-шесток (Подмети-шесток), Огня-Вздувай, Пачучилка (Подчучелка, Подчучилка), Пеки-пирог, Поддай-челнок, Ремеша, Трубу-закрывай, Чучелка (Чучилка)* (сказки «Лиса и медведь», «Лисица-девица и Котофей Иванович», «Кот, петух и лиса», «Терем мухи» и др.). Наиболее частотными являются первые два зоонима. В первом из них в качестве клички используется разговорная форма христианского имени *Елизавета* (др.-евр. 'Бог — моя клятва', 'Богом я клянусь', 'Бог мой — клятва', 'Бог клятвы, почитающая Бога' [Тихонов 1995: 491]), созвучная нарицательному названию *лиса*, во втором — само это название. В обоих случаях добавляются «отчества» *Ивановна* (от др.-евр. по происхождению имени *Иван* 'Яхве (Бог) смилоствовался', 'Яхве (Бог) помиловал', 'Бог милует', 'благодать Господня' [Там же: 180]) и *Патрикеевна* (от лат. *Патрикий* 'патриций, принадлежащий к римской знати', 'Патриций сенатор и потомок сенатора римского' [Там же: 282]). Как видим,

³ Второй компонент «зоонима» также имеет звукоподражательное происхождение: ср.: *Курлы-мурлы*, в знач. междом. 1. О мурлыканье кошки. Ветл. Костром. 1900. 2. Дразнилка. Ветл. Костром. 1943 [СРНГ 16: 132].

⁴ Возможно, зооним образован по соотносительности с именами типа *Агафья*.

использование антропонимов в роли кличек не связано с внутренней формой имен.

Многие именованья лисят-дочерей (*Мети-шесток, Огня-Вздувай, Пеки-пирог* и пр.) образованы по древней славянской ономастической модели, включающей в себя императивную форму глагола и субстантив с объектным значением. История этой модели изучена еще недостаточно⁵. Кличка *Чучелка* (*Чучилка*) может быть соотнесена со словами *чуча, чучело, чучелка* 'пугало на огороде', 'подобие человека, кукла', 'набитая кожа зверя, животного, птицы', 'бран. 'уродина' [Даль 3: 1383]. Клички *Чучелка* (*Чучилка*) и *Пачучилка* (*Подчучелка, Подчучилка*) представляют собою словообразовательную пару, возникшую на основе префиксации (думается, первоначально здесь была использована устаревшая приставка *па-* в том же значении 'неродной', что и в парах *дочь — падчерица, сын — пасынок*). Имена лисят-сыновей *Димеша — Ремеша* интерпретировать сложно. Первый зооним, по нашему мнению, может быть соотнесен с диалектизмами *демешка* 'сатана, демон' Осташк. Твер., Белозер. Новг. и *демешкин, демешкины ребята* 'нечистые духи, черти' Осташк. Твер. 1853 [СРНГ 7: 349]. Происхождение второго пока неясно.

Разнообразны номинации медведя: *Миша, Мишенька, Мишка, Михаил Иванович* (*Михаил Иваныч*), *Михайло, Михайло Иванович* (*Михайло Иваныч*), *Михайло Потапович* (*Михайло Потапыч*), *Потапыч* (сказки «Кот и лиса», «Лиса и медведь», «Мужик, медведь и лиса» и др.). С христианским именем *Михаил* (др.-евр. 'равный богу Яхве; кто как Бог' [Тихонов 1995: 247]) эти номинации не могут быть связаны по значению. Отчество *Потапович* также семантически не связано со сказочным образом медведя, но может быть соотнесено с ним на звуковом уровне: ср. сказочный *Потапович* и *Топтыгин* у Н.А. Некрасова.

Именования волка *Левон, Левон Иванович* (*Левон Иваныч*) вызывают вопросы (сказки «Кот и лиса», «Лисица-девица и Котофей Иванович»). Имя *Левон* представляет собою просторечную форму антропонима *Леон* (предположительно лат. 'лев' [Там же: 219]). Интересно, что это имя волка в украинских сказках соотносится с производным от него именованьем

собаки *Левонтович*⁶ (сказка «Волчья песня»), представляющим по форме «отчество». Что отражает эта производность? Биологическое родство животных? И почему волк назван в сказках львом?

Имена других представителей дикой фауны имеют явно антропоморфную структуру. Имя тетерева — *Терентий* (предположительно лат. 'трущий, полирующий, растирающий'; 'тереть, растирать, молотить хлеб' [Тихонов 1995: 329]) — возникло по созвучию с названием этой птицы (сказка «Лиса и тетерев»). Имена и «отчества» комара и ерша образованы непосредственно от их названий: *Комар Комарович, Ерш Ершович* (сын) *Щетинников* («фамильное прозвание» усиливает значение «имени» и «отчества») («Сказка о Ерше Ершовиче, сыне Щетинникове»).

Среди домашних животных самый богатый именной ряд у кота: *Васька-Муська, Котай Иванович* (*Котай Иваныч*), *Котонайло Иванович* (*Котонайло Иваныч*), *Кот Котонаевич, Котофейч, Котофей, Котофей Иванович* (*Котофей Иваныч*) (сказки «О Васье-Мусье», «Кот и лиса», «Лисица-девица и кот», «Лисица-девица и Котофей Иванович», «Кот, медведь и лиса» и др.). Клички *Васька* и *Муська*, как уже отмечалось, в русском языке традиционно являются типично кошачьими. Но происхождение их не изучено. Объединение этих кличек в одну лишь подчеркивает типичность употребления их по отношению к данному виду животных (подобное явление наблюдается и в именовании волшебного коня (*Сивка-бурка, вещая Каурка*). Остальные зоонимы образованы от нарицательного *кот* по моделям христианских имен: *кот* → *Котай* (ср. *Ермолай, Николай*⁷), *кот* → *Котонаил* → *Котонайло* (ср. *Михаил — Михайло*), *кот* → *Котофей* (ср. *Ерофей, Тимофей*⁸).

⁶ В Словаре русских народных говоров фиксируется однокоренная кличка собаки *Левка* [удар.?] Шенк. Арх. 1897 [СРНГ 16: 308]. Не связана ли эта кличка с фольклорными зоонимами?

⁷ По мнению О.Г. Горбачевой, кличка *Котай* соотносится не только с именем *Николай*, но и с фамилиями *Лунай, Будай* [Горбачева 2008: 15]. Однако включение этих антропонимов в один структурный ряд едва ли возможно: сложная история моделей на *-ай* в старорусской антропонимии рассмотрена в работе Ю.С. Азарх [Азарх 1984: 86–88.].

⁸ Имена *Матвей, Михей, Пантелей*, с которыми соотносит зооним *Котофей* О.Г. Горбачева [Горбачева 2008: 15], имеют другую структуру.

⁵ Эта модель отмечается в современных украинских фамилиях: *Варивода, Вздериугуба, Забейворота, Убей-волк* и др., а также в исторической микропонимии: пожня *Ознобикобыла*.

Номинации петуха *Петя*, *Петя-петушок*, *Петенька*, представляющие с точки зрения современного русского языка звательные формы имени *Петр* (греч. 'скала, утес, каменная глыба'; 'камень' [Тихонов 1995: 284]), как видно, не связаны с ним семантически, но близки в звуковом отношении. По созвучию с нарицательным названием возникло и сказочное имя козла *Козьма Микитич* (*Кузьма* — греч. 'мир, украшение'; 'мир, порядок, мироздание', перен. 'украшение, краса, честь'; 'заботящийся о красоте'; *Никита* — греч. 'побеждать', 'победитель' [Тихонов 1995: 214, 257]).

Распространенность антропонимических моделей в сказочной зоонимии приводит некоторых исследователей к слишком прямолинейным, на наш взгляд, выводам: «В дошедших до нас сказках о животных отображен процесс распада тотемистических представлений и развенчания мифа. Животные — это аллегорическое изображение человеческих типов и характеров. Поэтому большинство именовании животных представлены реальными антропонимами или построены по антропоморфным моделям» [Горбачева 2008: 21].

Во-первых, от такого подхода к анализу сказок рассматриваемого типа предостерегал еще В.Я. Пропп: «Если <...> неправильной представляется точка зрения, что сказки о животных изображают жизнь зверей, то неправильной будет и обратная точка зрения, будто под видом животных изображаются люди, что эти сказки имеют аллегорический смысл, т.е. что они, в сущности, представляют собой басни» [Пропп 2005: 340].

Во-вторых, антропозоонимы в сказках имеют вторичный характер, о чем писали в одной из своих работ В.М. Мокиенко и О.И. Фонакова: «...некоторые наиболее древние “человеческие” имена животных при глубинном этимологическом анализе оказываются именами нарицательными, не связанными с именами людей, а лишь созвучными им. Например, *Мишка*, *Михаил Потапыч*, *Миха* и т.д. — медведь — восходит к древнему табуированному славянами апеллятиву со значением ‘медведь’. Или *Петя*, *Петушок*, *Петр Иванович* — петух — в фольклоре восходит, очевидно, к древнерусскому *пѣтъкъ*, *потя*, *потка* — ‘птица’ (курсив наш — Е.В.). ...Такое переосмысление апеллятива помогло не только «специализации» отдельных зоонимов, их укреплению за отдельными видами животных, но и послужило, в конечном счете

прототипом зоонимической модели в древности: антропоним → зооним» [Мокиенко, Фонакова 1976: 321–322].

В-третьих, присвоение сказочным персонажам человеческих имен не может не зависеть от их истории. Как известно, христианские антропонимы в русском языке являются заимствованными, пришедшими на смену древнерусским после крещения Руси. Окончательное вытеснение древнерусских имен церковными ученые датируют лишь концом XVII в. [Бондалетов 1983: 109]. Важно отметить, что в качестве имен и «отчеств» сказочных персонажей-животных используются преимущественно мужские имена, входившие в конце XVII в. в число наиболее частотных и имевших широкую географию: *Иван*, *Василий*, *Петр*, *Михаил*, *Никита*, *Кузьма* [Там же: 109].

Активному использованию антропозоонимов в сказках о животных немало способствует их диалогическая форма. Чаще всего имена употребляются в речи персонажей в функции обращения. Выбор формы того или иного имени всегда подчинен сказочному замыслу, соответствует типологическим свойствам персонажа, служит средством его речевой характеристики, точно передает конкретную речевую ситуацию. Так, например, деминутивные формы имен обычно встречаются в речи лисы: «*Мишенька*, никак, кто-то к нам стучится» (сказка «Лиса и медведь»); «Здравствуй, *Петенька*! ...Я тебе, *Петенька*, добра хочу — на истинный путь наставить и разуму научить. Вот ты, *Петя*, имеешь у себя пятьдесят жен, а на исповеди ни разу не бывал. Слезай ко мне покаяйся, а я все грехи с тебя сниму и на смех не подыму» (сказка «Лиса-исповедница»); «*Кочетуношка*, *кочетуношка*! Пойдем на гуменцы золотыя яблочки катать» (сказка «Кот, петух и лиса»). Имя-обращение здесь выполняет не только контактоустанавливающую функцию, но и функцию воздействия на собеседника с целью ослабить его бдительность, заставить поддаться на уговоры, что и входит в коварные замыслы хитрой лисы-обманщицы.

В сказке «Кот и лиса» кот, выброшенный хозяином за «шkodливостъ» в лесу, при встрече с лисой представляется *Котофеем Ивановичем* (в других вариантах — *Котаем Ивановичем*, *Котонаилом Ивановичем*), «присланным из сибирских лесов бурмистром», и женится на лисе. И далее его супруга *Лизавета Ивановна* называет кота только по имени и отчеству, возвеличивая своего мужа

(а заодно и себя), наводит страх перед «бурмистром» *Котофеем Ивановичем* на волка *Левона Ивановича* и на медведя *Михайла Иваныча*, вынуждая их снабжать ее и кота добычей. Наряду с основными для онимов номинативной, идентифицирующей и дифференцирующей функциями зоонимы в этой сказке выполняют также текстообразующую и репрезентативную функции.

Сочетания имен и «отчеств», употребленные по отношению к животным в обычной речи и в художественном тексте, как правило, имеют ярко выраженные оттенки ироничности, шутливости (ср., например, кот *Василий Васильевич* у Е.И. Чарушина). В сказках эти оттенки становятся более приглушенными (до «понарошку»): персонаж получает номинацию и каждый раз идентифицируется благодаря этой номинации. Так же воспринимаются и отчества, употребленные в сказках без имен: *Котофеич*, *Потапыч* (но возрастные характеристики такие номинации сохраняют, как и в обычном употреблении).

Кроме личных имен и «отчеств» в качестве средств номинации сказочных героев-животных используются прозвища: лисят *Димеша*, *Мети-шесток* (*Подмети-шесток*), *Огня-Вздувай*, *Пачучилка* (*Подчучелка*, *Подчучилка*), *Пеки-пирого*, *Поддай-челнок*, *Ремеша*, *Трубу-закрывай*, *Чучелка* (*Чучилка*) (сказка «Кот, петух и лиса»). Зоонимы-прозвища сохраняют функцию характеристики персонажей по их свойствам и действиям.

Зоонимы отдельных сказок и их вариантов представляют собою микросистемы: в качестве средств номинации используются онимы одного разряда, имена разных животных имеют одинаковые структурно-семантические модели: *Котофей Иванович* — *Лизавета Ивановна* — *Левон Иванович* — *Михайло Иваныч* (сказка «Кот и лиса»), *Чучелка* (*Чучилка*) — *Пачучилка* (*Подчучелка*, *Подчучилка*), *Димеша* — *Ремеша*, *Мети-шесток* (*Подмети-шесток*) — *Огня-Вздувай* — *Пеки-пирого* — *Поддай-челнок* — *Трубу-закрывай* (варианты сказки «Кот, петух и лиса»)⁹.

В заключение нужно отметить, что сказочный зоонимикон в целом характеризуется признаками, свойственными сказке как фольклорному жанру, — традиционностью, вариативностью, импровизацией: имена одних и тех же персонажей

традиционно повторяются в разных сюжетах (и вариантах одного сюжета), однако при этом варьируются состав этих имен и их словообразовательные модели. Для уточнения состава сказочных зоонимов и, возможно, их происхождения, на наш взгляд, перспективен сопоставительный анализ зоонимиконов русских, украинских и белорусских сказок.

ЛИТЕРАТУРА

Азарх Ю.С. Словообразование и формообразование существительных в истории русского языка. — М., 1984.

Бондалетов В.Д. Русская ономастика: учеб. пособие для студентов пед. ин-тов. — М., 1983.

Головина Р.В. Антропонимы в русской народной лирической песне: автореф. дис. ... канд. филол. наук. — Орел, 2001.

Горбачева О.Г. Ономастическое пространство русских народных и авторских сказок: автореф. дис. ... канд. филол. наук. — Орел, 2008.

Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. — М., 1994.

Дыбо А.В. Названия мастей в русском языке: система и происхождение // Проблемы цвета в этнолингвистике, истории и психологии: материалы круглого стола / Филол. фак. МГУ; Ин-т языкознания РАН. — М., 2004. — С. 14–16.

Калинкин В.М. Поэтика онима. — Донецк, 1999.

Ковалев Г.Ф. Писатель. Имя. Текст. — Воронеж, 2004.

Лукошкова О.И. Система именования персонажей в русской народной и литературной сказках первой половины XIX в. (На материале произведений В.А. Жуковского, А.С. Пушкина, П.П. Ершова): автореф. дис. ... канд. филол. наук. — Тюмень, 2000.

Магазаник Э.Б. Ономастопозитика, или «говорящие имена» в литературе. — Ташкент, 1978.

Мокиенко В.М., Фоныкова О.И. Способы называния в зоонимии // Ономастика Поволжья. — Вып. 4. — Саранск, 1976. — С. 317–322.

Народные русские сказки А.Н. Афанасьева: в 3 т. — М., 1957–1958.

Одинцов Г.Ф. К истории русских гиппологических цветообозначений // Исследования по словообразованию и лексикологии древнерусского языка. — М., 1978. — С. 172–221.

Петрова И.А. Парадигматические отношения имен собственных и способы ономастической номинации героев в фольклорном тексте: автореф. дис. ... канд. филол. наук. — Волгоград, 2001.

⁹ Подобные микросистемы зоонимов отмечаются и в украинских сказках: мышата *Верть* и *Круть* (сказка «Колосок»).

Пропп В.Я. Русская сказка. — М., 2005.
Словарь русских народных говоров. Вып. 1—49. — Л.; СПб., 1965—2016.

Словарь современного русского литературного языка. — М.; Л., 1948—1965. — Т. 1—17.

Соколов Ю.М. Русский фольклор: учеб. пособие. — 3-е изд. — М., 2007.

Супрун В.И. Ономастическое поле русского языка и его художественно-эстетический потенциал. — Волгоград, 2000.

Тихонов А.Н., Бояринова Л.З., Рыжкова А.Г. Словарь русских личных имен. — М., 1995.

Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: в 4 т. — М., 2004.

Фонякова О.И. Имя собственное в художественном тексте: учеб. пособие. — Л., 1990.

Черных П.Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка: в 2 т. — М., 1994.

REFERENCES

Azarh Yu.S. Slovoobrazovanie i formoobrazovanie sushchestvitel'nyh v istorii russkogo yazyka, Moskva, 1984.

Bondaletov V.D. Russkaya onomastika: study guide for pedagogical institutions, Moskva, 1983.

Golovina R.V. Antroponimy v russkoi narodnoi liricheskoi pesne: extended abstract of Ph. candidate's thesis, Orel, 2001.

Gorbacheva O.G. Onomasticheskoe prostranstvo russkikh narodnykh i avtorskikh skazok: extended abstract of Ph. candidate's thesis, Orel, 2008.

Dal' V.I. Tolkovyi slovar' zhivogo velikorusskogo yazyka: in 4 vol., Moskva, 1994.

Dybo A.V. Nazvaniya mastei v russkom yazyke: sistema i proiskhozhdenie in *Problemy tsвета v etnolingvistike, istorii i psihologii: roundtable material*, Moskva, 2004, pp.14—16.

Kalinkin V.M. Poetika onima, Donetsk, 1999.

Kovalev G.F. Pisatel'. Imya. Tekst, Voronezh, 2004.

Lukoshkova O.I. Sistema imenovaniya personazhei v russkoi narodnoi i literaturnoi skazkah pervoi poloviny XIX v. (Na materiale proizvedenii

V.A. Zhukovskogo, A.S. Pushkina, P.P. Ershova): extended abstract of Ph. candidate's thesis, Tyumen', 2000.

Magazaniuk E.B. Onomatopoehtika, ili «govoryashchie imena» v literature, Tashkent, 1978.

Mokienko V.M., Fonyakova O.I. Sposoby nazyvaniya v zoonimii, in *Onomastika Povolzh'ya*. Issue 4, Saransk, 1976, pp. 317—322.

Narodnye russkie skazki A.N. Afanas'eva: in 3 vol., Moskva, 1957—1958.

Odintsov G.F. K istorii russkikh gippologicheskikh tsvetoooboznachenii, in *Issledovaniya po slovoobrazovaniyu i leksikologii drevnerusskogo yazyka*, Moskva, 1978, pp. 172—221.

Petrova I.A. Paradigmaticheskie otnosheniya imen sobstvennykh i sposoby onomasticheskoi nominatsii geroev v fol'klornom tekste: extended abstract of Ph. candidate's thesis, Volgograd, 2001.

Propp V.Ya. Russkaya skazka, Moskva, 2005.

Slovar' russkikh narodnykh govorov. Issues 1—49. Leningrad, Sankt-Peterburg, 1965—2016.

Slovar' sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka. Vol. 1—17, Moskva, Leningrad, 1948—1965.

Sokolov Yu.M. Russkii fol'klor: uchebnoe posobie. 3rd issue, Moskva, 2007.

Suprun V.I. Onomasticheskoe pole russkogo yazyka i ego hudozhestvenno-esteticheskii potentsial, Volgograd, 2000.

Tihonov A.N., Boyarinova L.Z., Ryzhkova A.G. Slovar' russkikh lichnykh imen. Moskva, 1995.

Fasmer M. Etimologicheskii slovar' russkogo yazyka: in 4 vol., Moskva, 2004.

Fonyakova O.I. Imya sobstvennoe v hudozhestvennom tekste: Study guide, Leningrad, 1990.

Chernych P.Ya. Istoriko-etimologicheskii slovar' sovremennogo russkogo yazyka: in 2 vol., Moskva, 1994.

Международная научная конференция «Языковые категории и единицы: синтагматический аспект»

26–28 сентября 2017 г. во Владимире и Суздале состоялась XII Международная научная конференция «Языковые категории и единицы: синтагматический аспект», посвященная 65-летию кафедры русского языка Педагогического института Владимирского государственного университета имени А.Г. и Н.Г. Столетовых (ВлГУ). В рамках конференции прошел поддержанный грантом РГНФ Всероссийский научный семинар с международным участием для молодых ученых «Язык и ментальность в диахронии»¹.

В опубликованном сборнике материалов конференции содержится 131 статья лингвистов из 64 городов России, Армении, Беларуси, Боснии и Герцеговины, Венгрии, Китая, Кореи, Польши, Сербии, Словакии, Тайваня, Украины и ЛНР. В ходе конференции было заслушано и обсуждено около 90 докладов и сообщений исследователей, принявших очное участие в ее работе.

В открывшем пленарное заседание вступительном слове М.В. Пименовой были представлены основные научные труды кафедры, принадлежащие А.М. Иорданскому (1907–1974), В.Ф. Киприянову (1925–1996), А.Б. Пенёвскому (1927–2010), А.Б. Копелиовичу (1929–2015) и др. В докладе П.А. Леканта назывались категориальные признаки единой грамматической части речи «гибридного» типа – «предикатива». Н.А. Николина свое выступление посвятила продуктивному способу современного компрессивного словообразования – контаминации. К.П. Смолина рассмотрела связь синтагматики и лексического значения древнерусского слова на материале лексики имущественной сферы. Е.А. Красина остановила внимание слушателей на многомерной организации простого предложения. С.Г. Шулежкова рассмотрела устойчивые словесные комплексы общеславянского литературного языка. Ф.И. Карташкова выбрала предметом своего исследования песенный дискурс русских и британских рок-исполнителей. В.И. Фурашов посвятил доклад памяти первого заведующего кафедрой русского языка ВлГУ (ВГПИ) Анатолия Михайловича Иорданского.

На заседаниях научного семинара для молодых ученых «Язык и ментальность в диахронии» был обсужден ряд важных для исследуемой темы вопросов: методы изучения взаимоотношения языка и ментальности, типы и виды устойчивых единиц, оценочные семантические сближения и др. Были заслушаны доклады опытных исследователей (Э.Н. Акимова, О.И. Валентинова, И.В. Ерофеева, М.Р. Желтухина, А.В. Алексеев, С.Р. Зайнуллина, Л.Ф. Килина, А.Ю. Козлова, О.В. Зуева, О.В. Шкуран, К.М. Богрова, Е.Ю. Рыкин), а также сообщения аспирантов, магистрантов и студентов (В.В. Волков, Т.Р. Галеева, А.Д. Демакова, И.А. Иванова, А.И. Ломова, Н.С. Петрова, О.Н. Смирнов, И.А. Хохлова, С.А. Черникова и др.).

На секции «Вопросы изучения грамматики» обсуждались вопросы исследования закономерностей в развитии грамматических явлений различного типа и вида (на материале литературного языка и в рамках узуса), на ней выступили Т.С. Мони́на, Н.В. Иосилевич, А.В. Величко, Е.И. Колосова, О.И. Соколова, М.И. Киосе, Т.А. Алиев, Е.Н. Варюшенкова, Н.А. Сафронова, О.В. Дони́на, И.В. Тимошенко, А.П. Ушакова, Д.В. Мнацаканова, Чен Чень, Ю.О. Завадская, А.И. Кудлаева.

Работа секции «Вопросы изучения текста» (Т.П. Желонкина, Е.Д. Перфильева, Ту Цзинцзин, Т.В. Романова, Ж.В. Марфина, Л.Н. Лунькова) сопровождалась дискуссией, связанной с вопросами природы речевого творчества и творчества вообще, содержанием термина «интертекстуальность», соотношением понятий «интертекст» и «гипертекст», субъективностью восприятия и декодирования текста и т.п.

В секции «Вопросы изучения лексики и словообразования» свои доклады представили И.А. Королёва, В.А. Федосов, Е.В. Глинка, Т.В. Григорьева, Г.А. Иванова, Е.И. Карпенко,

¹ Организация и проведение Всероссийского научного семинара с международным участием для молодых ученых «Язык и ментальность в диахронии» поддержаны грантом РГНФ № 17–04–14095Г.

Л.В. Кривошлыкова, Е.М. Мельникова, А.И. Лызлов, З.А. Харитончик, И.А. Меркулова, Е.И. Плисов, Е.Н. Цветаева, Л.М. Букина, Цзян Сюехуа, И.Ю. Абрамова. Участниками обсуждались вопросы, связанные с функционированием и развитием лексической системы в русском, немецком, французском и английском языках через анализ терминологической системы и системы географических названий, метафор и семантических концептов, фразеологического подуровня языка и устойчивых выражений.

Пленарное заседание в Суздале открылось докладом О.Л. Арискиной, знакомящим слушателей с оформлением внутренней диалогической речи в монологе, А.В. Канафьева рассмотрела способы и приемы мотивации отрицательной семантики вопросительно-риторических конструкций, Е.Н. Клемёнова представила опыт описания концепта «крест», Е.Г. Лукашанец охарактеризовала процесс универбации в субстандартных подсистемах русского языка, Е.М. Маркова представила анализ квантитативов в билингвальном (русско-чешском) аспекте, А.В. Петров исследовал семантику тавтологических сочетаний, Е.Н. Ремчукова проанализировала механизмы креативности современной речи.

На заключительном пленарном заседании во Владимире Э.Н. Акимов представил категорию обусловленности в диахронии, С.Н. Виноградов проанализировал категориальные значения числительных, Т.Е. Владимиров на материале мифа о Небесных оленях раскрыла особенности сакральных смыслов, Л.В. Рацибурская рассмотрела модели словообразовательных инноваций, демонстрирующих специфику русского национального менталитета, Е.А. Федорченко представила многословные наименования специальных понятий в языке науки.

М.В. Пименова, Е.А. Абрамова, Е.Н. Варюшенкова, Н.Б. Фельдман
(Владимир),
О.Л. Арискина
(Саранск).

Международная научно-практическая конференция «Учитель для будущего: язык, культура, личность» (К 200-летию со дня рождения Ф.И. Буслаева)

23–24 марта 2018 г. в Московском педагогическом государственном университете на кафедре методики преподавания русского языка состоялась Международная научно-практическая конференция «Учитель для будущего: язык, культура, личность», посвященная 200-летию со дня рождения Ф.И. Буслаева. На конференции выступили ведущие ученые и преподаватели из 26 регионов России, а также гости из пяти стран ближнего и дальнего зарубежья.

Выступления на пленарном заседании академика РАО Н.Д. Никандрова «Текст и воспитание», проф. А.Д. Дейкиной, проф. В.Н. Базылева, заслуженного деятеля науки РФ проф. Е.И. Пассова, проф. Л.А. Ходяковой были посвящены вопросам стратегии образования, роли преподавателя русского языка в процессе воспитания нового поколения.

Заведующий кафедрой методики преподавания русского языка МПГУ В.Д. Янченко познакомил слушателей с интересными фактами биографии Ф.И. Буслаева.

На конференции были представлены новые книги, посвященные преподаванию русского языка: монография Н.Л. Мишатиной «Методическая лингвоконцептология: итоги и перспективы» (СПб., 2017), учебное пособие А.Д. Дейкиной и В.Д. Янченко «История методики преподавания русского языка в биографических очерках» (М., 2017), книга А.Д. Дейкиной, О.Н. Левушкиной, Н.А. Нефедовой «Работа со словарями в системе школьного образования» (М., 2017), монография Л.А. Ходяковой «Методика речевого развития творческой личности школьника в контексте культуры: теория и практика» (М., 2018), монография О.В. Гордиенко «Креативно ориентированная методика как фактор развития профессионального мышления будущего учителя русского языка» (М., 2017).

На конференции были обсуждены актуальные проблемы и тенденции развития методики преподавания русского языка и русского языка как иностранного.

В рамках конференции проходили также «Буслаевские штудии», на которых молодые ученые поделились своими успешными методическими разработками, результатами наблюдений и анализа учебного процесса.

Конференция превратилась в творческую мастерскую, подарившую новые идеи и знания ее участникам.

В.Д. Янченко, Е.Ю. Толмачева (Москва)

CONTENT

METHODICS AND EXPERIENCE

Smulakovskaya R.L., Ivanova E.M. Project and Research Activities of Students on the Russian Language (From Work Experience).

In polyethnic class

Shtykova N.V., Murashova O.V. To the Problem of Teaching Russian Cases in a Polyethnic Group.

Improving professional skills

Solovjeva S.A. Asyndetic Complex Sentences: Problems of Studying in School Grammar.

Diveeva A.A. Experience of Linguistic Analysis of the Modern Rap Texts.

METHODOLOGICAL MAIL

Belova A.P. The Speechmaking Analysis of the Poetic Texts by V. Shalamov at Russian Language Lessons

Dobrynina N.D. Lopatko O.V. “Zhivotvornyi Russkii Yazyk” (Learning of the “Home” Concept based on Works by A. Yashin).

Yaschenko M.A. About the Work with Lexical Items *Sobor, Khram* at Russian Language Lessons.

OUT-OF-SCHOOL ACTIVITIES

Frolova O.V. Use of Cards Games during Studying of Artistic Tropes (According to Material of Lyrics by N.M. Rubtsov).

Zykova M.N. “Pole Chudes” According to the Book by V.I. Belov “Lad”.

Volkova N.A., Tikhomirova N.P. Toponymics and Area Study (Of the Toponymics Section Work).

LITERARY TEXT ANALYSES

Sudakov G.V. Special Aspects of Language of Literary Works by V.I. Belov.

Golovkina S.Kh. Repetition as the Mean of Artistic Expression in the Poetry by N. Rubtsov.

Text secrets

Panova E.A. Linguopoetic Analysis of A. Del’vig’s Poem “Pust’ Nam Dany ne Navsegda...”.

LINGUISTIC NOTES

Grudeva E.V. Ways of Lexicographic Submission of Chronologically Noted Lexicon.

Language and culture

Andreeva E.P. Road names in Vologda dialect: semantics, derivational relations.

Varnikova E.N. Zoonyms in Russian Fairy Tales: to the Issue of Interpretation.

CHRONICLE

EDITORIAL BOARD

Editor in chief: N.A. Nikolina

L.G. Antonova, B.G. Bobylev, N.S. Bolotnova, G.N. Vladimirskaia, J.N. Gosteva, A.D. Deikina, O.E. Drozdova, E.L. Erokhina, A.V. Zelenin (*Republic of Finland*), L.P. Krysin, V.V. Lopatin, O.V. Nikitin, B.J. Norman (*Republic of Belarus*), S.S. Oganessian, T.M. Pakhnova, I. Pálosi (*Republic of Vengria*), V.M. Pakhomov, M.N. Priemysheva, B. Toshovich (*Republic of Austria*), S.N. Tseitlin, M.R. Shumarina.

Научно-популярный и научно-методический журнал

РУССКИЙ ЯЗЫК

в школе и дома

июль
август

Издатель – ООО «Наш язык» Выходит 9 раз в год ISSN 2541–8793

12 +

СОДЕРЖАНИЕ

	2	От А до Я
За строкой текста	6	
	10	Риторика для родителей
Так говорят дети...	13	
	14	Пишут школьники
Кроссворд	19	
	20	Ответы

Словарь языка Тургенева

И

ИГРАТЬ: Играть столбняка. Шутл. Отвечать молчанием на вопросы экзаменатора. *Я его знал еще в Москве. Он принадлежал к числу молодых людей, которые, бывало, на всяком экзамене «играли столбняка», то есть не отвечали ни слова на вопросы профессора. Этих господ, для красоты слога, называли также бакенбардистами («Гамлет Щигровского уезда»).* Вероятно, из студ. жарг.

ИГРУШЕЧКА, -и, жс. Шутл.-ласк. о симпатичной женщине, а также в знач. обращения. *Прощай, игрушка! А когда ж поцелуй-то?* («История лейтенанта Ергунова»). Очаровательная Колибри, эта «игрушечка», эта «фигурка» не выходила у него из головы, и он с нетерпением дожидался завтрашнего вечера, хотя втайне чуть не побаивался самой этой «игрушечки» и «фигурки» (Там же).

ИЕЗОП, -а, м. Хитрец, лукавый человек. *Давыдка этот... как есть иезоп («Часы»).* От собств. *Эзоп* (древнегреческий баснописец). Чаще встречается вариант *Езоп* (езоповский) (М. Салтыков-Щедрин и др.).

ИЗБЫТОК: от избытка уст. Здесь: от избытка чувств, накопившихся слов, которые сами «срываются с уст». *Друг мой, Михайло Иванович, позволь мне тебе сказать слово, как говорится, от избытка уст («Холостяк»).* Имитация прост.-гиперурбанистического.

ИЗВЕСТИ: березовую рошу извести. См. **БЕРЕЗОВЫЙ**.

ИЗВЕСТНОСТЬ, -и, жс. Здесь: о человеке с дурной репутацией. *Потом стали ходить все более и более дурные слухи;*

наконец с шумом пронеслась по всем журналам трагикомическая история, в которой жена его играла незавидную роль. Все было кончено: Варвара Павловна стала «известностью» («Дворянское гнездо»). Ср. знаменитость.

ИЗВЕЧНЫЙ, -ая, -ое. Исконный, стародавний, давно существующий; здесь: «столбовой», древний (о роде, фамилии). *Мы, Телегины, — говорил он, — род исконный, извечный («Старые портреты»).* Ср. чаще употребляющиеся в современном языке сочетания этого слова со словами отвлеченной семантики (*извечные проблемы, извечный вопрос* и т.п.).

ИЗЛИТЬСЯ: излиться в лоно в чье. Ирон.: исповедаться, пожаловаться на жизнь, откровенно признаться в чем-л., «поплакаться в жилетку». *Я, дружище, всегда чувствовал к тебе влечение — ей-богу. Вот и захотелось теперь излиться в твоё лоно... так ведь это, кажется, говорится в вашем возвышенном языке («Переписка»).*

ИЗЪЕЗДИТЬСЯ: Был конь, да изъездился. См. **КОНЬ**.

ИЛАНГ-ИЛАНГ, иланг-иланга, м. Духи или туалетная вода «Иланг-иланг» на основе эфирного масла, получаемого из растения иланг-иланг (кананги, *Cananga odorata*). *Валентина Михайловна приподняла руку, в которой она держала раздушенный иланг-илангом батистовый платок с огромным белым вензелем в одном из углов, и хотела что-то вымолвить («Новь»).* Разг.-прост. вариант *илангиан* (у П. Боборыкина) и т.п.

ИЛЛЮМИНАТ, -а, м. Член тайной мистической политико-религиозной

организации (примыкавшей к движению масонов), основанной в Баварии в 1776 г. А. Вейсгауптом; букв. 'освященный'. Владелец *восемидесяти двух душ, которых он освободил перед смертью, иллюминат, старый гёттингенский студент* («Накануне»). Иллюминатство — у Л. Толстого в «Войне и мире» и у др. Из нем. *Illuminat* (от лат. *illuminatus* 'освещенный').

ИНТЕРЕСАНКА, -и, ж. Устар. Корыстная женщина, думающая только о своей выгоде, всё делающая с корыстным расчетом. — *Я тебе говорю... ты ее не знаешь. И бесребреница тоже она... это тоже. Не интересанка, нечего сказать. Ну, хоть бы я ей — ничего ведь не давал, ты сам знаешь. — Оттого-то она вас и бросила* («Петушков»). До сер. XIX в. параллельно употр. формы *интересант* (*интересент*) — *интересан, интересантка* — *интерессанка*. Знач. 'интересующийся чем-л., любопытный, заинтересованный' вторично.

ИНТЕРЕСНИЧАТЬ, -аю, -аешь; несов., без доп. Разг. Стараться вызвать к себе интерес, внимание. Анна Сергеевна спросила между прочим Базарова, что он делал у Кирсановых? Он чуть было не рассказал ей о своей дуэли с Павлом Петровичем, но удержался при мысли, как бы она не подумала, что он интересничает, и отвечал ей, что он все это время работал («Отцы и дети»).

ИСПАНСКИЙ: испанский ветер. Воздушное пирожное из взбитых яичных белков, безе, меренга. Обед был действительно недурен и, в качестве воскресного, не обошелся без трепещущего желе и испанских ветров (пирожного) («Мой сосед Радилов»).

ИСПИТЬ: испить фиал до дна. Испить чашу (страданий) до дна, вынести все трудности, невзгоды, выпавшие на чью-л. долю. Но делать нечего! Надо испить фиал до дна, надо одеться, идти обедать — а оттуда в театр... («Вешние воды»). Здесь: ирон. употр.

Восходит к евангельскому сюжету о страданиях Христа. *Фиал* — из греч. *φιάλη* 'сосуд для питья, чаша, кубок'.

ИСПОЛУ, нареч. Пополам с кем-л. или с условием отдачи половины чего-л. [Отец Базарова] посадил мужиков на оброк и отдал им свою землю исполу («Отцы и дети»).

К

КАЖИННЫЙ, -ая, -ое, мест. Каждый. *Сперва они кажинный день водку кушали, а теперь вот в постель легли, и уж очень они худы стали* («Конец Чертопханова»). Прост.-диал. Ср. также: *каждный, кажинный, кажодный* (Даль. Словарь. — Т. 2. — С. 72).

КАЛИНА: ломать калину. См. **ЛОМАТЬ**.

КАМЕР-ОБСКУРА, ж. Камера-обскура, фотографический аппарат — прибор в виде ящика с отверстием в передней стенке, через которое проходят лучи, дающие на противоположной стене отражение предмета. *Помню до сих пор, какой хаос носил я тогда в голове: просто все кружилось и переставлялось, как в камер-обскуре: белое казалось черным, черное — белым, ложь — истиной, фантазия — долгом... Э! даже и теперь совестно вспомнить об этом!* («Рудин»). Лат. *camera obscura* 'темная комната'.

КАМЕРФРАУ, ж., нескл. Камеристка, служанка; придворная дама во дворце, ответственная за гардероб высочайших особ и присутствующая при их одевании. Однажды она (Екатерина II. — В.Е.) повелела расчесывать себе волосы... И что же? Камерфрау проводит гребнем — и электрические искры так и сыплются! («Старые портреты»). От нем. *Kammerfrau* 'камеристка, горничная'.

КАПЛЮЖНИК, -а, м. Крохобор, скряга; человек, одержимый мелкой корыстью; ничтожество, мразь, возм. алкоголик, пьяница, опустившийся человек. «Дрянь! колпак!» — завопил Биндасов. Вагоны катились все шибче и шибче, и он мог

безнаказанно ругаться. — Скрыга! слизняк! каплюжник!» Изобрел ли Биндасов на месте это последнее наименование, перешло ли оно к нему из других рук, только оно, по-видимому, очень понравилось двум тут же стоявшим благороднейшим молодым людям, учававшим естественные науки, ибо несколько дней спустя оно уже появилось в русском периодическом листке, издававшемся в то время в Гейдельберге под заглавием: «*Au tout venant je crache!*» или «Бог не выдаст, свинья не съест» («Дым»). То же у В. Короленко и др. Из диал. Ср.: «**Каплюга, каплюжка, каплюжник** м. -**ница** ж. пьянюшка, пьяница, особ. на чужой счет; кто каплюжничает по кабакам, точит лясы, приманивая народ; это всегдашние заступники за ценовальника. || Скрыга, скаред, крохобор, жидомор»; «**Каплюжить** или **каплюжничать**, сливать в кабаке капли, остатки из вылитой посуды, упиваясь этим; || вообще пить, пьянствовать, жадно искать случая упиться. || Скаредничать, крохоборствовать» (Даль. Словарь. — Т. 2. — С. 87).

КАПОРЦЫ, -ев. Каперсы, почки кустарника каперс (*Capparis spinosa*), в маринованном виде используемые как приправа к кушаньям. Кому неизвестно, что такое немецкий обед? Водянистый суп с шишковатыми клецками и корицей, разварная говядина, сухая, как пробка, с приросшим белым жиром... посинелый угорь с капорцами и уксусом, жареное с вареньем... зато вино и пиво хоть куда! («Вешние воды»).

КАРАНДАШ, -а, м. Низкий, малорослый, но полный человек, коротышка. Вошел старичок низенький и толстенький, из породы людей, называемых коротышками или карандашами, с пухлым и в то же время сморщенным личиком вроде печеного яблока («Затишье»).

КАРТОЧКИ, -чек. Карты. А мы, знаете ли что, капитан, мы в карточки засыдаем («Где тонко, там и рвется»). Ср. более частотное картишки.

КАРТУЗ, -а, м. Устар. Плотный пакет для каких-л. сыпучих веществ.

Четыре картуза табаку куплено по вашему приказанию: восемь гривен серебром («Петушков»).

КАТИТЬСЯ: Москва у всей России под горою, всё в нее катится. См. **МОСКВА**.

КАЦАП: **кацап необтесанный**. Бранное в адрес великоросса, русско-го в речи малороссов. А вот я им докажу, этим русским тунеядцам, кацапам необтесанным! («Старые портреты»). Ср.: «**КАЦАП** м. юж. Прозвище, данное малорусами великорусам, москаль, но последнее означает б. ч. рус<с>кого солдата, военного» (Даль. Словарь. — Т. 2. — С. 99).

КАЧЕСТВО: во все качества доходить. Шутл. о ком-л., кто в чем-л. хорошо разбирается, является «докой», «мастером», «виртуозом». [Барин] хмелем гораздо забирал, а что до женского пола, просто во все качества доходил... («Муму»). Из прост.

КВИНТА: нос на квинту повесить. См. **НОС**.

КВОЛЕНЬКИЙ, -ая, -ое. Уменьш.-ласк. Слабый, хилый, нежный, больной, вялый, «квёлый». — Погляжу я на вас, — повторила она, — и какие же вы оба молоденькие да кволенькие... Так приятно на вас глядеть, что даже печально! Эх, голубчики мои! («Новь»). Диал. Ср. более распространенное диал. и прост. **квелый**.

КЕЛЬНЕР, -а, м. Официант, слуга в ресторане (а также реже — в отеле). Рассевишись шумно и пышно, общество позвало засуетившихся кельнеров («Дым»); Он не успел еще одеться, как кельнер доложил ему о приходе двух господ («Вешние воды»). Нем. *Kellner* — то же.

КЕЯТР, -а, м. Театр. [Сучок] был и актером. — Неужели? — Как же, был ...на кеятре играл. Барыня наша кеятр у себя завела («Льгов»). Прост.-диал. диссимиляция (к / т) + эпентеза (j). Ср. *киатр* (И. Кокорев и др.), *киатра* (А. Островский и др.) и под.

КИКИМОРА: **кикимора степная**. Здесь: ирон. бран. — Ну, чего ж ты вспомнюлся?.. Разве она тебе не по нраву? — Какое не по нраву, Гаврила Андрееч! девка

она ничего, работница, смирная девка... Да ведь вы сами знаете, Гаврила Андреич, ведь тот-то, леший, кикимора-то степная, ведь он за ней (ухаживает. — В.Е.) («Муму»). Кикимора (шишимора) — популярный персонаж восточнославянской мифологии. Значительно чаще встречаются словосочетания *кикимора болотная* (В. Шукшин и др.), *ходить кикиморой*, т.е. неопытно одетым (П. Боборыкин и др.).

КИНУТЬ: Куда ни кинь — все клин. См. КУДА.

КИРШВАССЕР, -а, м. Вишневая наливка. Тут Потугин засмеялся и попросил кельнера принести рюмочку киршвассера. «Для храбрости, — прибавил он с улыбкой» («Дым») Нем. *Kirschwasser* — то же.

КЛАСТЬ: туда, где бабы рубахи моют да вальки на небо кладут. См. БАБЫ.

КЛЕПЕР, -а, м. Конь. Ты на своем клепере за мной не поспеешь («Первая любовь»). Из нем. *Klepper* ‘верховая лошадь’ > ‘кляча’.

КЛИМАТЕРИЧЕСКИЙ, -ая, -ое. Критический, переходный от одного возраста к другому. Он верил в предчувствия, предсказания, приметы, встречи, в счастливые и несчастные дни, в преследование или благоволение судьбы, в значительность жизни, одним словом. Он даже верил в какие-то „климатерические“ годы, о которых кто-то упомянул при нем и значение которых он сам не понимал хорошенько («Стук!.. Стук!.. Стук!..»). Ср.: «*Климатерические, -ричные* годы человека, климактические, каждый седьмой, или, по иным, девятый год, определяющий один из возрастов» (Даль. Словарь. — Т. 2. — С. 118–119).

КЛИН: земля не клином сошлась. См. ЗЕМЛЯ.

КЛИН: Куда ни кинь — всё клин. См. КУДА.

КНАСТЕР, -а, м. Сорт табака. Немец достал трубку, закурил свой кнастер («Фауст»). От нем. *Knaster* ‘то же’ (из исп. *Canastro* ‘тростниковая корзина’).

КНЕСЬ (здесь дана только форма именительного падежа). Князь. А что пишет *кнесь* (выделено И.Т.) Иван? («Отцы и дети»). Передается речь старой дворянки.

КОЖА: ни к коже, ни к роже кому, здесь: куда. О чем-л. (о месте, действиях и т.п.), что совершенно не подходит говорящему, на что он совсем не годится. «И зачем я совался туда, куда мне ни к коже, ни к роже? — думал он опять свою отчаянную думу. — Не мог сидеть смирно на своей лавочке! А теперь они говорят и, пожалуй, напишут: некто г-н Паклин все рассказывал, выдал их... своих друзей выдал врагам!» («Новь»). Ср. ни кожи ни рожи.

КОЗЮЛЯ, -и, ж. Змея. Вот уж нечистое место, так нечистое, и глухое такое. Кругом все такие буераки, овраги, а в оврагах всё козюли водятся («Бежин луг»). Там же дано примечание И.Т.: «По-орловскому: змеи».

КОЛДОБИНА, -ы, ж. Глубокое место, яма на дне водоема. — Да, он (пруд. — В.Е.) не глубок, — заметил Сучок, который говорил как-то странно, словно спросонья, — да на дне тина и трава, и весь он травой зарос. Впрочем, есть тоже и колдобины («Льгов»). Там же примечание И.Т.: «Глубокое место, яма в пруде или реке». Диал. колдобина перешло в общенародное употребление.

КОЛЕР, -а, м. Гнев, приступ гнева, бешенство. — Нем! вздор! — вскрикнул опять Волинцев, — я драться, драться с ним хочу!.. — Опять! Экой ты, брат, сегодня с колером!.. («Рудин»). Фр. *colère* ‘гнев; приступ гнева’, *en colère* ‘сердитый’ (от греч. *χολή* ‘жёлчь, раздражение, злоба’; см.: Dauzat A. Dictionnaire étymologique de langue française. — Paris, 1954. — P. 186).

КОЛЛЕГИУМ, -а, м. Учебное заведение в Западной Европе. Гормиг-Гормицкий изрядно говорил по-французски, ибо получил воспитание в иезуитском коллегииуме («Старые портреты»). От лат. *collegium*, возм. через посредство польск. *kolegium*. Чаще употреблялся вариант *коллегия* (Н. Гоголь и др.).

В.С. ЕЛИСТРАТОВ
Москва

За строкой текста

Бес попутал

(о басне И.А. Крылова «Напраслина»)

Среди всех басен И.А. Крылова (а их у него около 200) эта басня занимает особое место. Она не похожа на другие басни ни по содержанию, ни по форме. Точное время ее написания установить не представляется возможным: она датируется по времени представления ее в Санкт-Петербургский цензурный комитет – до 29 февраля 1816 г. Впервые опубликована в сборнике И.А. Крылова «Новые басни» (СПб., 1816. – Ч. V. – № 23) и перепечатывалась в других изданиях, всегда помещалась в V часть под разными номерами, только в 1834 г. она оказалась в VI части под № 1, но затем была возвращена в V часть. Черновики не сохранились. Окончательный текст был установлен к 1843 г.

Напомним в главных чертах содержание басни. Лицемер-брамин в постный день тайком от настоятеля печет на свечке яйцо и собирается полакомиться им, но не успевает, будучи застигнут надзирателем на месте преступления. Брамин просит прощения и сваливает с себя вину:

И сам не знаю я, как впал во искушенье;

Ах, наустил меня проклятый бес!

Наустить – устар. 'подучить, подстрекнуть'. Ср. по дьявольскому наущению, наваждению:

(1024): Въсташа волъсви в Суждали, избиваху старую чадь по (вар. къ) дьяволу наущению. Лавр. Лет., 147. (Словарь русского языка XI–XVII вв. – М., 1983. – Вып. 10. – С. 297).

У И.А. Крылова ни в одной басне не встречается критика духовенства или церковных обрядов (церковной тематики баснописец касается лишь еще в одной басне – «Прихожанин»). А в басне «Напраслина» главный герой Брамин – лицемер и грешник. Брамин – это человек, принадлежащий к высшей касте в Индии. Замечательно, что Крылов спешит сразу же добавить, что Брамин был такой один, а остальные все «житья святого». Но это «в сторону», как бы в скобках (как бы отвлекаясь от сюжета) спешит отметить баснописец.

В построении басни находим отдельные особенности. В ней нет морали. Начинается басня с рассуждения автора, смысл которого настолько бесспорен и очевиден, что здесь и объяснять нечего. И.А. Крылов говорит о том, что люди (все люди – «мы») не любят признавать своих ошибок и часто сваливают вину либо на другого человека, либо на беса-соблазнителя:

Как часто что-нибудь мы сделавши худого,
Кладем вину в том на другого...

.....

А ежели людей не стало,
Так уж лукавый виноват,
Хоть тут его совсем и не бывало.

Существительное *Лукавый* 'бес' образовано от прилагательного *лукавый*. В баснях у И.А. Крылова прилагательное *лукавый* употребляется в двух значениях – 'коварный' («Пловец и Море») и 'исполненный лукавства, игривый' («Плотичка»):

Лукавым издавна называют дьявола, сатану. Этот распространенный в русском языке субстантив существовал в указанном значении еще в древнейших славянских текстах, что отмечено в «Старославянском словаре (по рукописям X–XI веков)» (М., 1994. – С. 319). Проходя по разным спискам Священного Писания на церковнославянском языке, оно сохраняется и в русском переводе Библии:

Но да будет слово ваше: да, да; нет, нет, а что сверх этого, то от лукавого (Мф 5: 37); И не введи нас в искушение, но избавь нас от лукавого (Лк 11: 4).

В басне «Напраслина» речь идет о бесе, который появляется в конце повествования. Сваливать вину на беса, черта или лукавого – народная традиция. Ср. пословицы:

На черта только слава (а монах поросенка съел); На лукавого только славу пускают, а сами грешат.

На это обратил внимание еще первый биограф и исследователь творчества И.А. Крылова (см.: К е н е в и ч В.Ф. Библиографические и исторические примечания к басням Крылова. – 2-е изд. – СПб., 1878).

В.Н. Перетц добавляет поговорку, приведенную В.И. Далем – монах говорит: «Сатана соблазнил» (яйца на печке печь), а черт говорит: «Сам впервые вижу». (Но вполне возможно, что эта поговорка сложилась уже позже на основании крыловской басни.) В этой же работе В.Н. Перетц указывает на литературный источник басни Крылова – «Смеющийся Демокрит, или Честных увеселений с поруганием меланхолии» (см.: П е р е т ц В.Н. Заметка к истории басни Крылова «Напраслина» // Литературный вестник. – СПб., 1901. – Т. I. – Кн. 1. – С. 39–40).

Басня воспроизводит фабулу этого прозаического рассказа, но как она отличается от него! «Сравнение с басней Крылова обнаруживает полное совпадение не только существенных подробностей, но и деталей, только конец несколько видоизменен (бес выскакивает из-под стола, а не говорит из-за печки)» (Там же. – С. 38). Это действительно так. Но имеются и более существенные отличия, на которые В.Н. Перетц не обратил внимания. Главный персонаж басни – Брамин. В анекдоте – это монах. И это самое существенное отличие басни от анекдота. Кроме того, в басне смысл заключается в названии «Напраслина», а в анекдоте в словах «Человеческое лукавство часто превосходит и дьявольское». Бросается в глаза стремление к лаконичности баснописца; заглавие приобретает литературную форму: описательный оборот заменен всего одним словом. Кроме того, басня начинается с поучения (но не с морали), что сближает ее с народной традицией и придает ей обобщенный характер. У И.А. Крылова Брамин печет яйцо на свечке, предвкушая сладость греха, в анекдоте монах жарит яйцо на свечке (что в принципе невозможно): «Дьявол меня своим навождением довел до такого греха». У Крылова:

И сам не знаю я, как впал во искушенье;
Ах, наустил меня проклятый бес!

В анекдоте бес ругает монаха:

Лжешь, сказал, мерзкой, не ты от меня, но я от тебя научился такому непотребству.

А баснописец поясняет:

Начальник их был нраву прекрутого:
Так преступить никак устава ты не смей.

Брамин во время поста решил тайком полакомиться яйцом, тогда как творог, молоко, яйца разрешается есть в последнюю неделю перед постом (в так называемую «сырную неделю»), но во время поста это запрещено. Это грех, и Брамин это знает:

Однако ж, мой Брамин не унывает.
Вот постный день, а он смекает,
Нельзя ли разрешить на сырное тайком?
Достал яйцо, полуночи дождался
И, свечку вздувши с огоньком,
На свечке печь яйцо принялся;
Ворочает его легонько у огня,
Не сводит глаз долой и мысленно глотает,
А про начальника, смеясь, рассуждает:
«Не уличишь же ты меня,
Длиннобородый мой приятель!
Яичко съем-таки я всласть».

И в этот момент торжества рушатся планы грешника:

Ан тут тихонько шасть
К Брамину в келью надзиратель
И, видя грех такой,
Ответу требует он грозно.
Улика на лицо и запирается поздно!

Глагольное междометие *шасть* значит 'неожиданно появиться где-либо'. Оно встречается в баснях Крылова всего два раза, очень ярко свидетельствует о внезапном появлении кого-л. (здесь – надзирателя).

«Улика на лицо» и отпереться уже не возможно. Разом рушатся все планы грешника:

«Прости, отец святой,
Прости мое ты прегрешенье! –
Так взмолился Брамин сквозь слез. –
И сам не знаю я, как впал во искушение;
Ах, наустил меня проклятый бес!»

Форма *сквозь слез* архаична: управляется предлогом *сквозь* с родительным и винительным падежами. Ср. у А.С. Грибоедова в 4-м явлении I действия «Горя от ума»: в ремарке «сквозь слезы», но во II действии, явлении 11 встречается и *сквозь слез*: «[София:] Пойду любезничать сквозь слез...», т.е. формы взаимозаменяемы.

А тут бесенок, из-за печки:
«Не стыдно ли, – кричит, – всегда клепать на нас!
Я сам лишь у тебя учился сей же час
И, право, вижу в первый раз,
Как яйца пекут на свечке».

Глагол *клепать* в баснях Крылова встречается всего два раза в двух значениях. Здесь *клепать на кого-либо* значит 'клеветать, наговаривать на кого-л.'. В басне «Хозяин и Мыши» он употреблен в значении 'ложно обвинять кого-л. в чем-л.':

Коль в доме станут воровать,
А нет прилики вору,
То берегись клепать
Или наказывать всех сплошь и без разбору.

Устаревший противительный союз *ан* встречается в баснях И.А. Крылова семь раз. Этот союз соединяет два предложения, второе из которых выражает несоответствие тому, что ожидается на основании первого предложения, соответствуя по значению словам: *оказывается, а на самом деле, но и т.п.* Приведу всего лишь один пример из басни «Медведь у Пчел»:

Когда-то, о весне, зверями
В надсмотрщики Медведь был выбран над ульями.
Хоть можно б выбрать тут другого поверней <...>
Кто к ульям ни просился,
С отказом отпустили всех,
И, как на смех,
Тут Мишка очутился.
Ан вышел грех:
Мой Мишка потаскал весь мед в свою берлогу.

Басня «Напраслина» заканчивается «с улыбкой» – репликой бесенка. Никакой морали, никаких нравоучений, наставлений. Автор наблюдает за происходящим как бы со стороны, не осуждая никого, никому не отдавая предпочтения. «При всем том разница между басней и анекдотом такова, как между картиной истинного художника – и слабыми попытками ученика на ту же тему». (Петц В.Н. Указ. работа. – С. 40). Сравнение басни с анекдотическим рассказом в прозе еще раз ярко подчеркивает талант великого баснописца.

Басня перепечатывалась в разных изданиях с незначительными изменениями. Так, например, существительное *келья* в «Полном собрании сочинений» (в 4 т.) под редакцией В.В. Каллаша (СПб., 1904. – Т. 4. – С. 244) приводится как *келія*, а в современных изданиях – *келья*, что А.П. Могилянский в своем академическом издании (самом компетентном) «Басни в девяти книгах» (М.; Л., 1956) даже не оговаривает, считая это орфографическим вариантом.

Разницу в написании *житья* вместо *жития* уже нельзя считать орфографическим вариантом, так как к этому времени наметились семантические различия этих существительных. Что касается употребления в раннем издании в родительном падеже единственного числа форм на *-а* (*нрава*) вместо форм на *-у* (*нраву*), то, видимо, изменения происходили в сторону замены литературно-нормативных форм разговорными формами: формы на *-а* в женском роде единственного числа были заменены формами на *-у*, что в начале XIX в. еще не регламентировано, и формы были равнозначными, а к середине века уже наметилась тенденция к стилистическому разграничению этих форм, что нашло отражение в басне Крылова (ср. устойчивые выражения *жить со свету, нет дыму без огня, с пылу с жару, без году неделя*). Остальной текст печатался без изменений.

«Прочитав несколько стихотворений Крылова, нельзя сказать, что уже привыкнул к нему. На всякую новую истину у него готовы и новые краски, новое вдохновение и новая жизнь», – писал П.А. Плетнёв в статье «Праздник в честь Крылова», опубликованной в журнале «Современник» в 1838 г. И далее: «Полная слава Крылова еще впереди. Когда язык русский сделается предметом изучения европейцев <...>, тогда баснописец наш будет любопытнейшим предметом всеобщих исследований».

Р.С. КИМЯГОВА
Москва

Законы риторики

Уже в древности исследователи в области риторики стремились сформулировать принципы и правила речевого поведения, которые обеспечивают эффективность общения в живом взаимодействии коммуникантов.

Так, в V в. до н.э. Аристотель определяет следующие правила речевого поведения:

1. Говорите, что важно.
2. Говорите правду.
3. Говорите ясно.

В 70-е гг. XX в. известный лингвист Г. Грайс фактически полностью воспроизвел правила, сформулированные Аристотелем, немного видоизменив их:

1. Информативность (сообщение необходимой информации).
2. Истинность (не говори того, что считаешь ложным).
3. Правила способа выражения (будь краток, последователен, говори ясно).

Очевидно, что реализовать эти правила сложно по многим причинам. Трудно определить степень значимости информации, которую нужно сообщить собеседнику, уровень ее необходимости. Еще большие сложности вызывает принцип истинности информации: всегда ли нужно стремиться к правдивости, к абсолютному раскрытию своего мнения, своей оценки тех или иных событий.

И наконец, правила, связанные со способом выражения: ясно – для кого? кратко – всегда? последовательно – что это значит?

В настоящее время исследователи пытаются сформулировать правила речевого поведения, отражающие принцип коммуникативного сотрудничества говорящего и адресата, который проявляется в учете этической стороны процесса общения. Говорящий должен учитывать характер воздействия своей речи на собеседника. Американский исследователь Р. Лакофф предлагает в связи с этим руководствоваться следующими правилами:

1. Не навязывайся.
2. Выслушай собеседника.
3. Будь дружелюбен.

Раскроем суть этих правил.

Не навязывайся – со своим мнением, со своей точкой зрения, не будь категоричен в своих оценках.

Выслушай собеседника – нужно знать своих собеседников, их информированность и уровень возможностей, найти то, что объединяет коммуникантов, учитывать их мнение и оценку определенных событий.

Будь дружелюбен – соблюдение этикетных норм общения (правила речевого этикета); проявление положительных эмоций (интонация, взгляд, улыбка); демонстрация уважительного отношения к собеседнику.

Руководствуясь этими правилами, общающиеся соблюдают этику речевого общения, что позволяет учитывать воздействие своих слов на адресата. Особенное значение это имеет в ситуациях межличностного общения, в том числе и в ситуациях

общения со своими детьми. Проанализируйте характер этого общения в вашей семье. Всегда ли вы соблюдаете правила речевого поведения на основе принципа коммуникативного сотрудничества? Какие из этих правил вам удастся реализовать? Какие сложности возникают в процессе их реализации?

Поиски правил речевого поведения привели к тому, что исследователи стали формулировать законы риторики, отражающие связи между такими явлениями, как общество и вещь, отношения в рамках понятий «говорящий – слушатель» (адресант – адресат). Рассмотрим наиболее общие законы, отображающие взаимоотношения коммуникантов в процессе общения. Остановимся на законах риторики, которые были предложены А.К. Михальской (Михальская А.К. Русский язык: Риторика. 10–11 кл.: учеб. для общеобразоват. учреждений филол. профиля. – М., 2011). Она формулирует четыре закона риторики, главным из которых является закон диалогичности речи (закон гармонизирующего диалога). Реализация этого закона означает:

- диалогическое взаимодействие участников общения, вовлечение собеседника в диалог, что предполагает умение спрашивать, оценивать ответы собеседника, соглашаться с ними или возражать;

- установление с собеседником гармонических двусторонних отношений.

Очевидно, что основные понятия этого закона связаны со словами *гармонизирующий, гармония*. Подчеркивается, что взаимодействие коммуникантов должно гармонизировать отношения между ними, делать их гармоничными – соразмерными, согласованными, отвечающими требованиям гармонии.

Второй закон современной риторики называется законом помощи адресату. А.К. Михальская называет его законом продвижения и ориентации адресата. Суть этого закона заключается в том, что адресат речи должен ориентироваться в содержании высказывания, преодолеть трудности, связанные с его восприятием.

Для реализации этого закона необходимо:

- разъяснять, уточнять те положения, которые связаны с трудностями их понимания;

- осведомиться у собеседника о тех трудностях, которые могут у него возникнуть при восприятии сообщения (*сейчас будет видно, будь внимателен*);

- определять те позиции, которые уже достигнуты и которые помогут подготовиться к следующему этапу на пути познания содержания высказывания (например, *об этом уже говорили, когда рассматривали...*)

В связи с этим структура сообщения (высказывания) должна быть ясной как для автора, так и для слушателя. Ясность структуры проявляется в композиционном строении речи, в умелых переходах от одной мысли к другой, в формулировании выводов и обобщений.

Большую роль в данном случае играет произнесение высказывания. Излишние паузы, неумение владеть голосом, правильно интонировать значимые части сообщения, резюмировать темы речи – всё это мешает восприятию речи, утомляет слушателя, вызывает у него негативную реакцию на общение в целом.

Третий закон современной риторики – закон эмоциональности речи.

Чтобы понять суть этого закона, вдумайтесь в слова Н.Ф. Кошанского: «Красноречие всегда имеет три признака: силу чувств, убедительность и желание общего блага».

Обратите внимание на выражение «сила чувств». Н.Ф. Кошанский определяет это свойство как «красноречие сердца», которое появляется в живом ощущении истины, в увлечении автором тем, о чем он рассуждает, в умении заразить своим чувством партнеров по общению, увлечь их за собой.

Убедительность речи Н.Ф. Кошанский понимает как красноречие ума, которое проявляется в силе, ясности и «приятности» убеждений и которое позволяет – даже «против воли и чаяний» – согласиться с мыслями автора.

«Если красноречие ума соединяется с красноречием сердца, то нет почти сил им противиться», – утверждает Н.Ф. Кошанский.

Наконец, четвертый закон современной риторики А.К. Михальская формулирует как закон удовольствия.

Чтобы речь была эффективной, она должна доставлять удовольствие собеседникам. Удовольствие нужно понимать в широком смысле слова как радость общения в любых, даже трагических ситуациях. Удовольствие в этом значении проявляется не только в ситуациях юмористического концерта, веселого застолья, чтения книг о забавных приключениях и т.п. Удовольствие нам доставляет искренняя, добрая речь в различных ситуациях, в том числе связанных с неприятными событиями.

Закон удовольствия означает, что говорящий ставит себе целью доставить радость слушателю, сделать общение приятным. С этой целью нужно использовать такие приемы, как вовлечение слушателя в игру, чередование трудного и легкого в изложении материала, разнообразие речи (смена темпа речи, использование юмора в содержании даже самого серьезного сообщения, использование разнообразных интонационных моделей и рисунков).

Закон удовольствия связан с гедонической функцией речи, которая проявляется в самооценности речи – именно речь как таковая служит источником получения удовольствия. Вспомните, что человек часто стремится пообщаться с кем-нибудь, потому что это доставит ему удовольствие (болтовня, разговор по душам, дружеская беседа, развлекательная беседа).

Таким образом, законы риторики отображают связь речи с социальными и культурологическими ценностями, требованиями, сформулированными в обществе, определяют условия создания эффективной, действенной речи, способствующей гармонизации отношений между людьми.

Все названные законы риторики обеспечивают эффективность общения, так как каждый из них отражает значимые стороны процесса коммуникации. Следовательно, в ходе общения необходимо определить (спрогнозировать) тактику своего речевого поведения, позаботиться о том, чтобы общение было гармонизирующим, диалогичным, эмоционально насыщенным, доставляло удовольствие и приносило радость от встречи друг с другом всем его участникам.

Прочитайте фрагмент из повести Р. Литвана «Прекрасный миг вечности». Почему общение сына с матерью не приносит желаемого результата ни одной из сторон? Какие правила и законы риторики нарушены в ходе общения?

– Ты где ходил так долго? Ты обязательно хочешь, чтобы я волновалась... Искал собаку?.. Черти ее не возьмут.

Она придвинула стул к нему и села рядом. Его нервы напряглись до предела. Она протянула руку, словно желая погладить его по голове.

– Чего тебе? – грубо спросил он, брезгливо отдергиваясь от нее.

– Хочу посидеть с тобой. Ты ведь мой сын... Ну, и сын. Что слышно, сынуля?.. – Он молчал. Ему сделалось трудно дышать, и чем он внимательнее следил за дыханием, тем сильнее задышался. Он вздохнул тяжело и шумно.

Софья Дмитриевна спросила с участием, от которого у Юры побежали мурашки нетерпения по всем его нервам:

– Чего так тяжело вздыхаешь?.. Расскажи что-нибудь... Может, пойдешь обедать? А потом закусишь тем, что ты очень-очень любишь. Знаешь, что?.. Мандарины. – Он молчал. У него еще были силы терпеть ее домогательства. – Не хочешь? Ты не расстраивайся из-за собаки. Она вернется.

– Да отстань ты от меня, в конце концов! – крикнул Юра, вскакивая на ноги; стул с грохотом опрокинулся...

Как мы видим, более всего в создавшейся ситуации виновата мать. Она нарушает такие правила, как «не навязывайся» и «будь искренен».

Утешение носит формальный характер и вызывает раздражение собеседника; мать старается привлечь сына к диалогу, совершенно не учитывая при этом настроение сына. Эмоции, которые она пытается пробудить у сына, не отвечают запросам собеседника. В результате ни один из собеседников не получает никакого удовольствия, никакой радости. Беседа заканчивается откровенной грубостью сына. Почему так произошло? Прежде всего потому, что в данной ситуации беседа не могла состояться (сын находится в таком эмоциональном состоянии, которое не позволяет ему взаимодействовать с родителями). Следовательно, мать должна была бы избрать другую тактику: «Хорошо, давай поговорим позже»; «Хорошо, не буду тебя мучить, поговорим позже»; «Ладно, не будем сейчас общаться. Я подожду».

Таким образом, соблюдение законов и правил риторики сопряжено с различными трудностями, преодолеть которые помогут советы и рекомендации, изложенные в последующих статьях.

Н.А. ИППОЛИТОВА,
Е.Л. ЕРОХИНА
Москва

Как говорят дети...

Алёша (3 г. 7 мес.) обнаружил круглую палку для развешивания белья. Тут же началась игра, в которой эта палка выполняла разные роли. Он их сразу же обозначал словами при различных манипуляциях: «Это палка, чтобы рыбу ловить», т.е. удочка, но слова этого не произносил, как и при следующих превращениях импровизированной игрушки. Потом она стала указкой: «Это палка, чтобы показывать». Почти сразу же стал использовать палку в качестве измерительного инструмента, продемонстрировав при этом знание счета до 20 (после 12 путал последовательность чисел), пытался использовать десятые доли, не понимая, кажется, смысла – просто слышал от своего друга-дедушки. Под конец этой игры ударил палкой по рейкам сушилки для белья, раздался звон, и в ход пошли звуковые ассоциации: «Храм!». И уже сознательно стал воспроизводить колокольный звон. Надо отметить, что все действия и их постоянное словесное комментирование осуществлялись без вмешательства взрослых.

Помимо интересных наблюдений над тем, как у ребенка складывается понятийная система, обращает на себя внимание употребление конструкции «чтобы + инфинитив». Здесь и в других довольно частых случаях в речи ребенка ее функция своеобразна, причем компоненты ее настолько слитны, что рука прямо останавливается перед постановкой запятой.

Выясняя, как Алеша понимает назначение разных частей своего тела. Используя излюбленную конструкцию, правильно говорит про нос, уши. «– А для чего голова?» – «Чтобы гладить».

Укрывая его одеялом. Сразу изолированный вопрос: «Чтобы я не мёрзнул?» Ему очень нужно называть разные предметы и действия – свои и окружающих.

В последнем случае четко выражается целевое значение конструкции. Оно присутствует в предыдущем случае. Но в первом эпизоде к значению цели уже присоединяется оттенок атрибутивный. Еще более отчетливо он выявляется в следующем контексте.

На четырехлетие Алеше преподнесли велосипед, мол, это тебе подарок. А он, обрадовавшись, сказал: «Это не подарок. Это чтобы ездить». Здесь уже синкретическое выражение и цели, и определения, и сказуемого – чувствуется предикативность в противопоставлении слова *подарок* в роли сказуемого в предшествующем предложении, подлежащего, выраженного местоимением *это*, и конструкции «*чтобы + ездить*».

Исследовательская работа

«Хай-тек и традиция в творчестве Екатерины Моссэ»

Введение¹

Юной белорусской поэтессе Екатерине Моссэ всего 21 год, а у нее уже вышло два поэтических сборника: «Льется свет в мое окно» (2012), «Двоичный код» (2016). На фоне сегодняшнего равнодушия читателей к белорусским изданиям удивляет тот факт, что последний сборник стал библиографической редкостью. Девушка принята в ОО «Союз Писателей Республики Беларусь». Творчество Екатерины Моссэ получило высокую оценку ведущих белорусских критиков и серьезных читателей. Галина Петровна Злобенко, сценарист, преподаватель по журналистике студии «Кадр», назвала стиль Екатерины Моссэ «поэтическим хай-теком». <...> Почему же стиль архитектуры и дизайна стал обозначением направления в поэзии? Какие черты присущи данному направлению? Можно ли вообще хай-тек считать определенным стилем в литературе на примере одного автора? В научной литературе, в интернет-пространстве мы не нашли ответов на свои вопросы. Точного и устоявшегося определения хай-тека в литературе на данный момент не существует.

Представленная работа и является попыткой выявить типологические черты хай-тека в поэзии и обосновать возможность выделения в современной русскоязычной белорусской литературе нового направления – «поэтического хай-тека».

Таким образом, **целью** нашей работы стало исследование «поэтического хай-тека» на примере творчества Екатерины Моссэ.

Объект исследования – стихотворения Екатерины Моссэ (сборник «Двоичный код»).

Предмет исследования – стилевые и художественные особенности «поэтического хай-тека».

Задачи:

- определить стилевые и художественные особенности «поэтического хай-тека»; сопоставить архитектурный и литературный хай-тек, выявить их общие и отличительные черты;
- определить тематику, проблематику стихотворений сборника «Двоичный код»;
- дать собственную интерпретацию философского шифр-кода данного поэтического сборника.

Методы:

- сопоставительный анализ;
- структурный метод;
- семиотический анализ.

Актуальность работы определяется необходимостью изучения русскоязычной поэзии начала XXI века, ее новых форм.

Новизна нашей работы заключается в исследовании новых усложненных форм «поэтического хай-тека», сопоставлении поэзии и архитектуры.

Теоретическая значимость нашего исследования заключается в расширении представления о новых экспериментальных формах русскоязычной белорусской поэзии.

¹ Работа печатается в сокращении с сохранением структуры.

Практическая значимость исследовательской работы заключается в том, что ее материалы могут быть использованы для дальнейшего изучения русскоязычной белорусской поэзии, а также на факультативных занятиях по русской литературе, в спецкурсах по истории русской литературы XX–XXI вв.

Основная часть

Глава I. Литературное творчество Екатерины Моссэ

Екатерина Павловна Моссэ родилась и живет в... Минске. Писать стихи начала в 12 лет, а в 14 – в издательстве «Четыре четверти» вышел ее первый поэтический сборник «Льется свет в мое окно». С 2011 г. участвовала в творческих конкурсах и становилась призером некоторых из них <...>. Издание нового стихотворного сборника «Двоичный код» – новая ступень отсчета для молодой и талантливой поэтессы. «От лирики первого сборника я постепенно перешла к другому стилю письма, который мой преподаватель по журналистике студии “Кадр” окрестила “поэтическим хай-теком”. В стихах я размышляю о бытии и развитии Вселенной, техническом и духовном прогрессе, применяя нестандартные языковые инструменты, используя соответствующую, иногда сложную, терминологию <...>», – пишет Е. Моссэ в предисловии к сборнику. (Моссэ Е.П. Двоичный код: стихи. – Минск, 2015).

Глава II. «Хай-тек» в архитектуре и в поэзии, поиски общего

Можно ли считать хай-тек одним из направлений современной поэзии? Какие черты присущи хай-теку? В поисках ответа на наши вопросы мы обратились к самой поэтессе. К удивлению, Екатерина Моссе откликнулась на наше сообщение и прокомментировала название своего направления так: «Хай-тек можно охарактеризовать как стиль современный, футуристический, насыщенный научными терминами и философскими реминисценциями. “Поэтический хай-тек” – это женская поэзия в мужском обличье: холодная, рациональная, немного амбициозная, поэзия с “острыми углами”».

Пользуясь рекомендациями автора сборника, мы приступили к работе. Было прочитано 82 стихотворения из сборника «Двоичный код». Оказалось, что почти все стихотворения отличаются строгой симметрией и четкой композицией: построены по принципу антитезы. Мы попытались обобщить черты, объединяющие дизайн, архитектуру и поэзию.

1. Принцип контраста в архитектуре – принцип антитезы в поэзии

Для архитектуры хай-тека характерен принцип контраста. Этому способствует зеркальность, взаимоотражение композиций, что увеличивает пространство. Популярны «зеркальные» здания с ограждениями из поляризованного светоотражающего стекла, скрывающими конструкции.

В поэзии Е. Моссэ большинство стихотворений построено по принципу антитезы, как противопоставление бинарных оппозиций. <...>

Построение бинарных оппозиций стало смысловым кодом к расшифровке стихотворений. Покажем это на примере некоторых произведений из сборника «Двоичный код».

война не снаружи, война –
внутри.
оружий огни, чертящие шрамы на коже Земли,
суть лишь проекция
здесь и сейчас сцепившихся в драке
двух разных стихий
на внутреннем ринге в каждом из нас.

Все стихотворение построено по принципу антитезы. Первая и вторая строфы представляют собой две четко противопоставленные оппозиции: война снаружи и война внутри. Война снаружи охарактеризована гиперболическими метафорами

(«оружий огни чертят шрамы на коже земли») и проецируется в многократно уменьшенном виде на «внутренний ринг души» в форме «драки двух разных стихий» (физический закон преломления). <...>

2. Геометричность, симметричность композиций

В архитектуре: геометричность, пропорциональность, равномерность, правильность, симметричность фигур, совмещение вертикалей и горизонталей, подчеркнутая графичность и лаконизм линий, обилие ясных и четких геометрических форм.

В поэзии: игра со строфикой, изощренность синтаксических конструкций, подчиненных идее стихотворения. Особенностью ритмической структуры стиха является «лесенка», обилие переносов (амжамбеманов) и отсутствие прописных букв. Большое значение имеет длина строки.

кто мы?
завсегдатаи этого
всеобъемлющего театра,
соткавшие полотно своего опыта
на его лекциях-спектаклях?
реальность – это шедевр
аудио-визуально-тактильной культуры,
а люди – его завершающие детали?
кто автор этой многофункциональной структуры?
или мы сами ее создали?

Вечный философский вопрос: что первично – бытие или сознание, Вселенная или люди? Каждая строфа – незавершенный открытый вопрос. Первая строфа (7 строк) – мир зрительный. Сложные термины, необычные метафоры («джаз водяных искр», «небесные ресницы») создают образ грандиозный «экспозиции эволюционной режиссуры», которую мы «видим или рисуем?».

Вторая строфа (9 строк) – мир слуховой. Мир представлен как «общественная стая», которая с точки зрения космоса «колеблется в унисон». Это звучащий мир мы «слышим или играем?». В завершающей строфе (10 стихов) вопросы набегает друг на друга, увеличивается длина строки, растет количество гигантских слов («аудио-визуально-тактильной культуры»), спотыкаются звуки (соткавшие полотно своего опыта), выбивая нас из колеи комфорта и благозвучия.

Зрительные, слуховые, визуальные средства подчиняются главной идее стихотворения – двоичный код мира непознаваем. <...> Четко перекрещивающиеся и противопоставленные оппозиции представляют уникальную мини-модель мира и его двоичные закономерности.

3. Научность, обоснованность

В архитектуре стиль хай-тек иллюстрирует возможности современной техники и науки, а также в какой-то мере пытается создать будущее сегодня. Главное в нем – принцип техногенности.

В поэзии – наличие терминов, научность, обоснованность использования тематических терминов. Любовь к терминам – концептуальная черта, отражающая восприятие мира. Вместо интуитивного постижения мира, присущего поэзии, используется рационально обоснованное объяснение законов бытия.

Экспозиции
эволюционная режиссура
аудио-визуально-тактильная культура
многофункциональная структура
земной витализм
(«Авторы»)

Предельная четкость, логичность, изящество конструкций, искусное построение абстракций – эти математические черты сближают архитектурный и поэтический хай-тек.

4. Формальный эксперимент

В архитектуре – никаких декоративных излишеств, демонстративное использование технических форм – ярко окрашенных открытых труб, воздуховодов, элементов инженерного оборудования, металлических конструкций и другого антуража «века техники».

В поэзии – отсутствие эпитетов, необычные логические метафоры, сбой ритма, отсутствие рифмы, эксперименты с формой стиха, придающие хай-теку черты авангардной поэтики.

5. Однотонная цветовая гамма

В архитектуре свет гармонично сочетается с пространством. Декор спокойный. В цветовой гамме преобладает однотонность.

В поэзии цветовая гамма также однотонная. Цветовые эпитеты и метафоры отсутствуют. Исключение – стихотворение «цвета».

Главная бинарная цветовая оппозиция «белый – черный» лежит в основе и этого стихотворения. Но из двух противоположных цветов спектра создан весь мир и жизнь в этом мире. В философской миниатюре сконцентрирован закон бытия, и этот закон не вписывается в универсальный двоичный код. Стихотворение звучит как вспышка яркого света, неожиданный сбой привычного двоичного кода. Философская проблематика не снижает художественных достоинств лирики Е. Моссе. Сложные многоярусные метафоры-олицетворения («серый мутировал в красный, фиолетовый неспокоен»), сравнения («красный, как передержанная карамель»), скрежещущая звукопись («красное кровоизлияние») сближают стихотворение с лирикой В. Маяковского и мета-метафорической поэзией Елены Шварц.

6. Сложные многоярусные конструкции

В архитектуре хай-тека популярны металлостеклянные многоярусные галереи.

В поэзии типичны сложные синтаксические конструкции, сложноподчиненные предложения.

проще раскрашивать штампом вины
лицо «расцветающей» внешней борьбы,
спокойно съедая свой ужин;
нежели быть на преданной службе
у спрятанной в собственном сердце страны,
попавшей под скальпель гражданской войны.

7. Авангард и классика

В архитектуре – хай-тек погружает в нереальную, фантастичную атмосферу, поэтому исследуемый стиль еще до конца непонятен широкой публике. Многие считают его авангардным течением.

В поэзии – стихи Екатерины Моссе не являются «массовым чтивом», требуют вдумчивого чтения и анализа.

8. Универсальность обобщений

В архитектуре – рационализм и стремление к универсальности.

В поэзии – стремление создать обобщенную мини-модель мира, найти универсальный шифр-код, проясняющий явления современности.

Заключение

На основании анализа стихотворений сборника «Двоичный код» нам удалось выявить и систематизировать черты стиля Екатерины Моссе, совмещающего архитектуру, дизайн, поэзию и философию. Обозначим черты данного направления.

1. Формально-содержательные черты современного хай-тека: любое стихотворение – попытка приоткрыть тайну мироздания с помощью закона противоположностей.

2. Типологические черты объединяют:

- авангардистские черты поэтики (рваный ритм, нестандартные синтаксические конструкции, нерегулярная рифма или полное ее отсутствие, использование научно-философских терминов, формальные эксперименты со строфической, знаками препинания, прописной и строчной буквой, однотонная цветовая гамма). Отличительной особенностью является симметричность композиций стихотворений. Большинство произведений построено по принципу бинарных оппозиций;
- классические законы языка поэзии (в стихотворениях используются неожиданные метафоры и сравнения, уместен синтаксический перенос).

Совмещение авангарда и классики служит как подтверждением художественных особенностей стиля хай-тека, так и итоговым обобщением доминирующего принципа контраста – шифр-кода, открывающего путь к пониманию стихотворений Е. Моссэ.

3. Книга Е. Моссе «Двоичный код» – своего рода поэтическая экспериментальная площадка в области «поэтического хай-тека», где с помощью языка создается мини-модель мира и исследуются его двоичные закономерности.

Тем не менее утверждать, что поэтический «хай-тек» имеет статус полноценного художественного стиля на примере творчества одного начинающего поэта, преждевременно. Скорее, это особенности поэтики талантливой белорусской поэтессы Екатерины Моссэ. Станет ли ее творчество обозначением нового направления или останется поэтической метафорой, покажет время. <...>

Стихи Екатерины Моссе пересеклись с моим увлечением компьютерной графикой. Контрастные образы, геометрические композиции складываются в необычные метафоры-символы. Фотографии помогают ярче представить символы, дать свою интерпретацию стихотворениям. Представленное приложение «Поэтический хай-тек и компьютерная графика» – результат прочтения сборника «Двоичный код» учащейся IX класса Рыдак Владой.

Тот факт, что стихи Екатерины Моссэ не оставляют равнодушными, заставляют думать, искать себя, позволяет рассматривать ее творчество как «альтернативу массовой поп-культуре». В Беларуси создается свое культурное пространство, есть свои яркие поэтические имена.

Работу подготовила в рамках конференции
«Объединяемся знаниями – 2018»

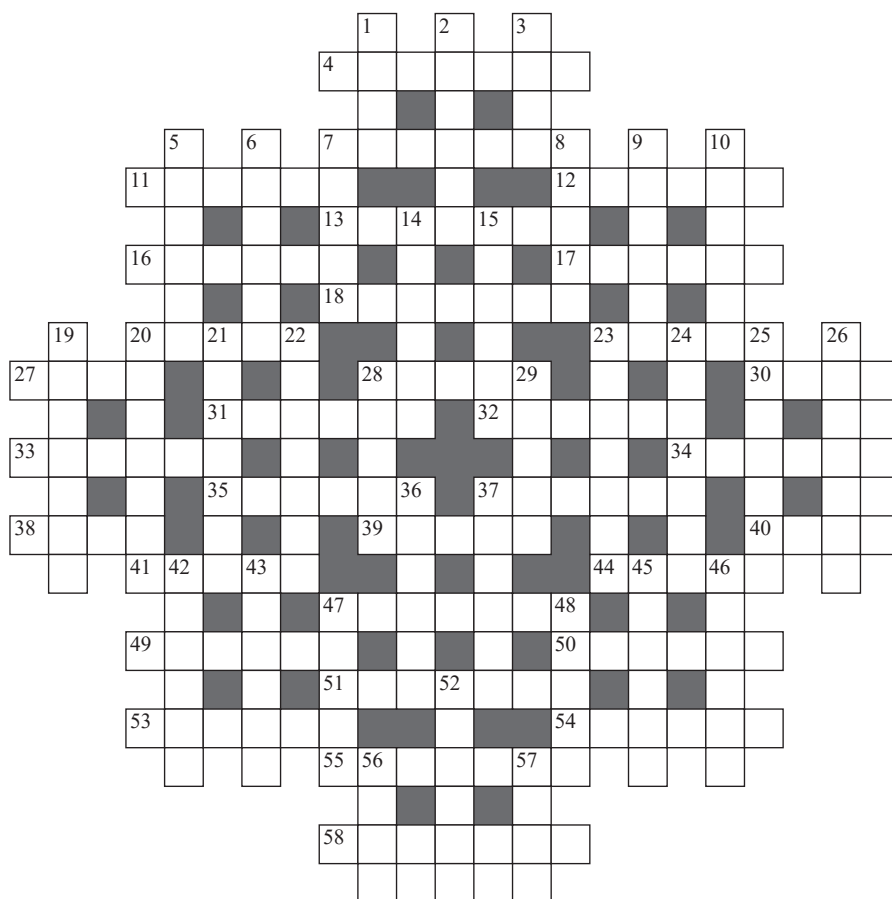
Влада РЫДАК,

IX класс,

Республика Беларусь

Руководитель: И.В. ХАВАНСКАЯ

Кроссворд

По горизонтали. 4. Созвездие в Северном полушарии. 7. Групповая детская игра. 11. Стихи на заданные рифмы. 12. Руководитель подготовки спортсменов. 13. Старинный русский город. 16. Самая яркая звезда на небе. 17. Восточный микрорайон Москвы. 18. Маленькая комнатка. 20. Румынский город в устье Дуная. 23. Приток Днепра. 27. Рассказ И.С. Тургенева. 28. Приток реки Псел. 30. Сооружение для переправы через водоем. 31. Вселенная. 32. Женское имя. 33. Конный экипаж. 34. Роман В. Набокова. 35. Король вальса. 37. Промысловая рыба. 38. Хищник. 39. Древнегреческий герой – победитель Минотавра. 40. Древнегреческий город. 41. Окружение населенного пункта вражескими войсками. 44. Итальянский скрипичный мастер. 47. Область на юго-востоке Франции. 49. Американский штат. 50. Родной город Ромео и Джульетты. 51. Большое небесное тело. 53. Роман Д.Н. Мамина-Сибиряка. 54. Советский оперный певец. 55. Заполярный город в Республике Коми. 58. Роман Дж. Дюморье.

По вертикали. 1. Остаток от сожженных дров. 2. Топкое место. 3. Советский дирижер. 5. Тонкая деревянная щепка. 6. Роман Ю. Бондарева. 7. Город в Брянской области. 8. Родина Одиссея. 9. Очки без заушных дужек. 10. Один из основателей знаменитой британской рок-группы. 14. Остров в Эгейском море. 15. Герой оперы Дж. Верди «Риголетто». 19. Первый куратор Московского университета. 20. Русский артист, режиссер, общественный деятель. 21. Персонаж в повести Л.Н. Толстого «Казачьи». 22. Домашняя птица, похожая

на курицу. **23.** Дочь Риголетто. **24.** Стекло для мозаики. **25.** Приморский город в Италии. **26.** Русская актриса. **28.** Часть конной упряжи. **29.** Слуга при барине. **36.** Советская актриса – адресат стихотворения К. Симонова «Жди меня». **37.** Плащ-накидка у индейцев Латинской Америки. **42.** Прежнее название вьетнамского города Хошимина. **43.** Разговор двоих. **45.** Остров около Венеции, славный своим стеклом. **46.** Русский композитор, пианист, музыковед. **47.** Русский изобретатель радио. **48.** Женщина, устраивающая браки. **52.** Металл. **56.** Желто-оранжевая краска. **57.** Духовой музыкальный инструмент.

ОТВЕТЫ Кроссворд (№ 6)

По горизонтали. **7.** Корелли. **9.** Каротин. **10.** Темза. **12.** Кинешма. **13.** Звездич. **16.** Шаман. **17.** Чехов. **18.** Стакан. **20.** Закинь. **24.** Протей. **25.** Медиана. **26.** Трагик. **27.** Медь. **29.** Сочи. **30.** Орlando. **31.** Модена. **33.** Серов. **35.** Дионис. **37.** Унты. **38.** Топор. **39.** Алтай. **40.** Соль. **44.** Прясло. **47.** Борей. **48.** Детище. **51.** Кони. **53.** Бове. **54.** Осанка. **55.** «Детство». **56.** Темира. **57.** Декада. **60.** Эвадна. **63.** Пироп. **66.** Серна. **67.** Миранда. **68.** Гименей. **69.** Клише. **70.** Чепрано. **71.** Лосенко.

По вертикали. **1.** Корин. **2.** Клюшка. **3.** Цитата. **4.** Указка. **5.** Арнери. **6.** Дибич. **8.** Ямал. **11.** Салерно. **12.** Канотье. **14.** Чембало. **15.** Портичи. **18.** Саймак. **19.** Кемь. **21.** Квас. **22.** Фетида. **23.** Цитра. **28.** Доломан. **30.** Орlando. **32.** Дания. **33.** Столб. **34.** Виллюй. **36.** Нелли. **41.** Коканд. **42.** Эраст. **43.** Одетта. **45.** Русский. **46.** Синдром. **49.** Тимофей. **50.** Щербина. **52.** Идра. **53.** Бора. **58.** Кончак. **59.** «Дракон». **61.** Вигель. **62.** Дамаск. **64.** Пирей. **65.** Эфир. **66.** Сечка.

Русский язык в школе и дома. 2018. № 7. 1–20

Редакция:

Т.А. Боброва, А.Е. Куманьева (главный редактор)

Компьютерная верстка – К.В. Морозов

Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № 77–7793 от 16 апреля 2001 г.

Редакция журнала «Русский язык в школе и дома»

Адрес редакции: 109544, Москва, ул. Большая Андроньевская, д. 17

Телефон/факс: 8(495)671–09–85. E-mail: admin@riash.ru

<http://www.riash.ru/>

© Журнал «Русский язык в школе и дома». 2018

В осеннем лесу

Доволен я буквально всем!
На животе лежу и ем
Бруснику, спелую бруснику!
Пугаю ящериц на пне,
Потом валяюсь на спине,
Внимая жалобному крику
Болотной птицы...
Надо мной
Между березой и сосной
В своей печали бесконечной
Плывут, как мысли, облака,
Внизу волнуется река,
Как чувство радости беспечной...
Я так люблю осенний лес,
Над ним — сияние небес,
Что я хотел бы превратиться
Или в багряный тихий лист,
Иль в дождевой веселый свист,
Но, превратившись, возродиться
И возвратиться в отчий дом,
Чтобы однажды в доме том
Перед дорогою большою
Сказать: — Я был в лесу листом!
Сказать: — Я был в лесу дождем!
Поверьте мне: я чист душою...

(Н. Рубцов).

(К статье С.Х. Головкиной)

